

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ М. В. ЛОМОНОСОВА
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

На правах рукописи

ОНУФРИЕВА Елизавета Сергеевна

**СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ
ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ-КОНСТРУКЦИЙ НОВОГРЕЧЕСКОГО ЯЗЫКА**

Специальность 10.02.14 Классическая филология, византийская
и новогреческая филология

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
кандидат филологических наук
Тресорукова Ирина Витальевна

Москва 2022

Оглавление

Введение.....	5
Глава 1. Теоретические предпосылки описания фразеологизмов-конструкций.....	15
1.1. История развития взглядов на языковые явления, соотносимые с фразеологизмами-конструкциями.....	15
1.2. Состояние фразеологии как научной дисциплины в современной греческой лингвистике.....	32
Выводы по главе 1.....	39
Глава 2. Фразеологизмы-конструкции как особый класс фразеологических единиц.....	41
2.1. Понятие фразеологизмов-конструкций и их общая характеристика.....	41
2.2. Фиксированный компонент фразеологизма-конструкции.....	49
2.3. Переменный компонент фразеологизма-конструкции.....	55
2.4. Анализ словарной репрезентации новогреческих фразеологизмов-конструкций.....	60
Выводы по главе 2.....	65
Глава 3. Структура и значение фразеологизмов-конструкций новогреческого языка.....	67
3.1. Структурные типы фразеологизмов-конструкций новогреческого языка...	67
3.2. Фразеологизмы-конструкции, образованные служебными словами, местоименными словами или неполнозначительными глаголами.....	68
3.3. Фразеологизмы-конструкции, фиксированный компонент которых включает полностью десемантизированные знаменательные слова.....	76
3.4. Фразеологизмы-конструкции, содержащие полнозначные знаменательные слова.....	78
3.5. Структурные типы фразеологизмов-конструкций новогреческого языка в аспекте лексико-синтаксического континуума.....	83
3.6. Семантические группы фразеологизмов-конструкций новогреческого языка.....	87

Выводы по главе 3.....	103
Глава 4. Практический анализ структуры и семантики фразеологизмов-конструкций новогреческого языка	105
4.1. Фразеологизмы-конструкции со значением отрицательной оценки.....	105
4.1.1. Фразеологизм-конструкция <i>Χ να σου (πε)τύχει</i>	105
4.1.2. Фразеологизм-конструкция <i>Να Χ, να μάλαμα</i>	113
4.2. Фразеологизмы-конструкции со значением неопределенно большого количества.....	120
4.2.1. Фразеологизм-конструкция <i>Από Χ άλλο τίποτα</i>	120
4.2.2. Фразеологизм-конструкция <i>Χ να δουν τα μάτια σου</i>	125
4.3. Фразеологизмы-конструкции со значением тождества, сходства или превосходства.....	129
4.3.1. Фразеологизм-конструкция <i>Ούτε να Ρ</i>	129
4.3.2. Фразеологизм-конструкция <i>Τύφλα να (έ)χει Χ</i>	138
4.4. Фразеологизмы-конструкции со значением степени проявления признака или степени приближения к признаку.....	145
4.4.1. Фразеологизм-конструкция <i>Πιο Χ πεθαίνεις</i>	145
4.4.2. Фразеологизм-конструкция <i>Μόνο (που) δεν Ρ</i>	153
4.5. Фразеологизмы-конструкции со значением повторяющегося действия или постоянства ситуации.....	159
4.5.1. Фразеологизм-конструкция <i>Χ τον ανεβάζει, Χ / Υ τον κατεβάζει</i>	159
4.5.2. Фразеологизм-конструкция <i>Χ μπαίνει, Χ βγαίνει</i>	168
4.6. Фразеологизмы-конструкции со значением оценки объекта как не являющегося ценным, важным или значимым.....	174
4.6.1. Фразеологизм-конструкция <i>Σιγά Χ</i>	174
4.6.2. Фразеологизм-конструкция <i>Χαρά σε Χ</i>	182
4.6.3. Фразеологизм-конструкция <i>Μη σώσει και / να Ρ</i>	190
4.7. Фразеологизмы-конструкции со значением отрицания.....	195
4.7.1. Фразеологизм-конструкция <i>Πολύ που Ρ</i>	195
4.7.2. Фразеологизм-конструкция <i>Μόνο Χ δεν Υ</i>	200
Выводы по главе 4.....	205

Заключение.....	208
Список сокращений.....	212
Список литературы.....	216
Приложение.....	236

Введение

Положение фразеологии как научной дисциплины изменилось в последние десятилетия вследствие появления новых теоретических и практических направлений в лингвистике. Как указывает Д. О. Добровольский, в современной лингвистике фразеология переместилась «с периферийного места, которое она долго занимала, в центр теоретических интересов» [Добровольский 2016: 19]. Этому в первую очередь способствовали создание больших корпусов текстов, разработка систем машинного перевода, а также продолжающееся в лингвистике развитие междисциплинарных подходов.

Работа с корпусами текстов оказала влияние и на развитие самой фразеологии, дав возможность верифицировать многие устоявшиеся представления, основывавшиеся на интуиции исследователей. Корпусные данные дали исследователям более полное представление о степени и типах вариативности устойчивых выражений и наглядно подтвердили утверждение Дж. Синклера о том, что многие «так называемые “фиксированные фразы” в действительности фиксированными не являются»¹ [Sinclair 2004: 30]. Также стало очевидным, что некоторые из фразеологических единиц, традиционно относимых к «ядру» фразеологии, в действительности имеют низкую частотность употребления, в то время как частотность многих языковых явлений, относимых ранее к «периферии» фразеологии или вовсе из нее исключавшихся, очень высока (на это обращают внимание С. Гренджер и М. Пэкуа [Granger, Paquot, 2008: 29], Д. О. Добровольский [Добровольский 2016: 12] и др.).

В настоящее время, как указывает К. Штайер [Steyer 2015: 295; Steyer 2020: 277], фразеология находится перед лицом смены парадигмы. Внимание исследователей перемещается с полностью устойчивых идиоматичных образований, описываемых как уникальные единицы лексикона, на переходные, пограничные типы языковых явлений, наблюдающиеся на стыке фразеологии и синтаксиса.

К числу таких языковых явлений относятся фразеологизмы-конструкции — фразеологические единицы особого типа, представляющие собой устойчивые синтаксические построения с частично фиксированным и частично вариативным

¹ Перевод здесь и далее выполнен автором работы, за исключением особо оговоренных случаев.

лексическим составом. В русском языке фразеологизмами-конструкциями являются такие построения, как *X — он и в Африке X; не X, а X-ище; всем X-ам X* и многие другие. В новогреческом языке к фразеологизмам-конструкциям можно отнести такие построения, как *Αυτό κι αν (δεν) είναι X, Δεν πα' να P, Τι πάει και P* и другие. Фиксированный компонент фразеологизмов-конструкций устойчиво воспроизводится в речи как готовый языковой материал, а переменный наполняется конкретным лексическим содержанием в зависимости от намерений говорящего. Термин «фразеологизмы-конструкции», предложенный Д. О. Добровольским [Dobrovol'skij 2011: 114], отражает новый, междисциплинарный подход к изучению и описанию этого типа фразеологических единиц.

Объектом исследования в диссертации является класс фразеологизмов-конструкций, объединяющий разнообразные идиоматичные построения с частично фиксированным и частично вариативным лексическим составом и представляющий собой важную часть фразеологического фонда современного греческого языка.

Предмет исследования составляют общие структурные и семантические характеристики фразеологизмов-конструкций новогреческого языка, а также частные особенности отдельных новогреческих фразеологизмов-конструкций, получающих индивидуальное описание в рамках данной работы. В центре внимания находится характер лексических элементов, образующих фиксированный компонент фразеологизмов-конструкций, и типы устойчиво выражаемого ими значения. Индивидуальная характеристика отдельных фразеологизмов-конструкций новогреческого языка предполагает рассмотрение их существующих словарных описаний, общей частотности употребления, возможных модификаций, ограничений на заполнение «пустых мест» и селективных предпочтений.

Актуальность исследования обусловлена тем, что до настоящего момента фразеология остается недостаточно изученной в теоретическом отношении областью греческой лингвистики. Переходные типы фразеологических единиц, соотносимые с фразеологизмами-конструкциями, пока не получили достаточно внимания исследователей, занимающихся вопросами новогреческого языка, и практически не становились объектом отдельного рассмотрения и анализа. На необходимость более пристального изучения нерегулярных явлений на стыке фразеологии и синтаксиса

указывают и сами греческие лингвисты. Так, М. Сетатос, обращая внимание на нерегулярное поведение некоторых глаголов в составе построений, относимых нами к фразеологизмам-конструкциям (в частности *Χ να σου (πε)τύχει*), подчеркивает важность исчерпывающего описания всех подобных случаев [Σετάτος 1994а: 437].

Степень разработанности темы. Несмотря на то, что фразеологизмы-конструкции были включены во фразеологическую классификацию как отдельный класс фразеологизмов относительно недавно [Баранов, Добровольский 2008: 9; Баранов, Добровольский 2014: 86–90], структуры, соотносящиеся с этим типом фразеологизмов, привлекали внимание исследователей и ранее. Отдельные замечания по поводу возможности наличия у фразеологических оборотов переменного компонента содержатся уже в работах Ш. Балли [Балли 2001: 99–100, 314–315]. На существование в языке множества переходных типов фразеологических единиц, не укладывающихся в традиционно выделяемые классы, указывает В. В. Виноградов [Виноградов 1977: 131, 139]. Понятие фразеологизмов-конструкций частично соотносится с фразеологизированными конструкциями, описываемыми Н. Ю. Шведовой [Шведова 1958; Шведова 1960: 22], фразеологическими схемами (фразеосхемами) конструкций Д. Н. Шмелева [Шмелев 1960: 50], формальными идиомами Ч. Филлмора и его коллег [Fillmore et al. 1988: 505], синтаксическими фразеологизмами, описываемыми в «Русской грамматике» [Русская грамматика 1980, т. 2: 217], предложениями фразеологизированной структуры, исследуемыми А. В. Величко [Величко 2016], М. В. Всеволодовой и Лим Су Ён [Всеволодова, Лим 2002], фразеошаблонами В. Фляйшера [Fleischer 1982: 135], фразовыми моделями Х. Симеонидиса [Συμεωνίδης 2000: 83–85], фразеологемами М. Сетатоса [Σετάτος 1994с: 177–180], типовыми грамматико-стилистическими конструкциями И. И. Чернышевой [Чернышева 1970: 64] и многими другими объектами, выделяемыми в различных исследованиях в разных областях лингвистики, где так или иначе затрагивается тема идиоматичных конструкций с вариативным компонентом.

С позиций фразеологии подобные языковые явления пока изучены недостаточно. Д. О. Добровольский, говоря о фразеологизмах-конструкциях русского языка, отмечает: «Единицы этого типа до сих пор не пор не привлекали должного внимания фразеологов: семантика таких конструкций описывалась весьма приблизительно, а ограничения на

заполнение “пустых мест” и соответствующие селективные предпочтения практически не исследовались» [Добровольский 2016: 18].

Работы греческих лингвистов содержат отдельные упоминания языковых явлений, соотносящихся с фразеологизмами-конструкциями (в частности работы М. Сетатоса [Σετᾶτος 1994с: 177–180] и Х. Симеонидиса [Συμεωνίδης 2000: 83–85]), однако в целом в новогреческой лингвистике эти явления также пока не получили систематического описания.

Цель диссертации — исследовать и описать структурные и семантические характеристики фразеологизмов-конструкций новогреческого языка. Для достижения этой цели предполагается решение ряда **задач**:

1) раскрыть понятие фразеологизмов-конструкций и описать их специфические особенности как отдельного класса фразеологических единиц;

2) охарактеризовать основные этапы развития теоретических взглядов на языковые явления, соотносимые с фразеологизмами-конструкциями;

3) выявить в новогреческом языке структуры, соответствующие определению фразеологизмов-конструкций, и провести анализ функционирования этих структур в речи с помощью изучения данных корпуса текстов и дополнительных текстовых источников;

4) выделить основные структурные типы новогреческих фразеологизмов-конструкций и проанализировать различия между разными структурными типами;

5) выделить среди новогреческих фразеологизмов-конструкций единицы, обладающие общими семантическими признаками, и распределить фразеологизмы-конструкции по смысловым категориям на основании типа выражаемого ими значения;

6) подробно описать отдельные новогреческие фразеологизмы-конструкции для более полного понимания того, как функционирует этот класс фразеологизмов в новогреческом языке.

Материалом для исследования служат фразеологизмы-конструкции, отобранные из текстов литературных произведений на современном греческом языке, текстов сети Интернет, а также общезыковых словарей и сборников фразеологизмов новогреческого языка. Всего в рамках исследования было выделено 70 фразеологизмов-конструкций, список которых представлен в Приложении к диссертации.

Методы, используемые при проведении исследования, обусловлены его целью и задачами, а также спецификой исследуемого языкового материала.

При сборе материала часть фразеологизмов-конструкций была выявлена методом сплошной выборки из общеязыковых словарей и сборников фразеологизмов новогреческого языка, а часть — выявлена в процессе чтения текстов литературных произведений и текстов интернета.

Метод корпусного анализа применяется на нескольких этапах исследования: первоначально для определения степени структурной и узуальной устойчивости отобранных конструкций и определения возможности их отнесения к фразеологизмам-конструкциям, затем на основном этапе работы для индивидуального анализа каждого фразеологизма-конструкции (подсчета частотности его употребления, анализа структуры и возможных структурных модификаций, анализа типового значения и индивидуальных семантических оттенков, анализа лексического наполнения переменного компонента). Используется наиболее крупный корпус новогреческого языка eTenTen14 (Greek Web Corpus), доступный на платформе Sketch Engine (<https://www.sketchengine.eu>). При описании отдельных фразеологизмов-конструкций, представляющих собой неологизмы, используются данные социальной сети Twitter.

На основном этапе работы используются также методы структурного и семантического анализа всех отобранных фразеологизмов-конструкций. Индивидуальное описание отдельных фразеологизмов-конструкций включает анализ их словарных толкований, элементы этимологического анализа, анализа параллельных текстов при поиске вариантов перевода фразеологизма-конструкции на другие языки.

Научная новизна диссертации заключается в том, что в ней получает описание одна из наименее исследованных теоретически и практически областей греческой фразеологии. Впервые фразеологизмы-конструкции выделяются как особая часть фразеологического фонда современного греческого языка. Получают описание структурные типы и основные семантические группы новогреческих фразеологизмов-конструкций, а также проводится корпусный анализ выделенных фразеологизмов-конструкций, ранее с использованием корпусных методов не исследовавшихся. Некоторые фразеологизмы-конструкции, включенные в работу, еще не зафиксированы в словарях новогреческого языка.

Теоретическая значимость исследования обусловлена тем, что в нем предлагается подробное описание пока недостаточно изученного класса фразеологических единиц. Работа способствует развитию новогреческой фразеологии, так как подходит к описанию ее объекта с позиций современной фразеологической парадигмы.

Значимым является и то, что диссертация способствует вовлечению малоизученного материала новогреческого языка в общее русло исследований, посвященных фразеологизмам-конструкциям и конструкциям в целом. Д. О. Добровольский подчеркивает: «Во всех языках существуют не вполне композиционные конструкции, которые, хотя и подпадают под определение фраземы, остаются практически не исследованными в рамках традиционной фразеологии. Чем больше устойчивых последовательностей с некомпозиционной семантикой мы сможем исследовать и описать лексикографически, тем более обоснованными будут наши теоретические представления о целях и границах фразеологии» [Dobrovol'skij 2020: 62].

Результаты работы могут стать материалом для разработки греческого конструктикона, а также сравнительно-типологических исследований.

Практическая значимость работы состоит в том, что ее результаты могут быть использованы в процессе преподавания новогреческого языка и новогреческой фразеологии. Понимание и правильное употребление идиоматичных конструкций, часто являющихся лингвоспецифичными, вызывает трудности у изучающих язык как иностранный, и вследствие этого знание необходимого минимума подобных конструкций способно значительно повысить общий уровень владения иностранным языком. Полученные данные могут также быть полезны для лексикографии и в частности для создания новых греческо-русских общеязыковых и фразеологических словарей.

На защиту выносятся следующие положения:

1. В новогреческом языке выделяется особый тип фразеологических единиц — фразеологизмы-конструкции, представляющие собой идиоматичные синтаксические построения с лексически выраженным фиксированным компонентом, остающимся неизменным в большинстве случаев употребления фразеологизма-конструкции, и

лексически свободным переменным компонентом, представленным одним или несколькими пустыми слотами, которые могут быть заполнены большим спектром слов или словосочетаний.

2. В зависимости от типа лексических элементов, составляющих фиксированный компонент, в новогреческом языке можно выделить три структурных типа фразеологизмов-конструкций: (а) фразеологизмы-конструкции, фиксированный компонент которых состоит полностью из служебных слов, местоименных слов или неполнозначительных глаголов; (б) фразеологизмы-конструкции, фиксированный компонент которых включает формально знаменательные слова, подвергшиеся значительной десемантизации и утратившие семантическую прозрачность; (в) фразеологизмы-конструкции, фиксированный компонент которых содержит знаменательные слова, не утратившие полностью своего основного лексического значения и вносящие в план содержания фразеологизма-конструкции свою образность.

3. Разные структурные типы фразеологизмов-конструкций, в зависимости от типа лексем, входящих в состав фиксированного компонента, и степени их десемантизации, образуют континуум, так что одни фразеологизмы-конструкции приближаются к лексическим идиомам, а другие — к абстрактным синтаксическим конструкциям.

4. Среди фразеологизмов-конструкций новогреческого языка существуют фразеологизмы-конструкции, обладающие общими семантическими признаками и выражающие сходное или противоположное значение. Это позволяет распределить новогреческие фразеологизмы-конструкции по семантическим группам.

5. В рамках одной семантической группы фразеологизмов-конструкций отсутствуют полные синонимы или антонимы. Фразеологизмы-конструкции различаются по своим индивидуальным семантическим оттенкам, внутренней форме, стилистическим характеристикам, степени экспрессивности, частоте употребления в речи, синтаксической функции, ограничениям на заполнение слота и селективным предпочтениям. Вследствие этого необходимо индивидуальное описание каждого фразеологизма-конструкции в отдельности.

Апробация результатов исследования. Материалы диссертации излагались и обсуждались на заседаниях кафедры византийской и новогреческой филологии филологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова, а также научных

конференциях, таких как XIX Международная конференция EURALEX «Lexicography for Inclusion» (Александруполи, Греция, 2021), XIV Международная конференция по греческой лингвистике ICGL14 (Патры, Греция, 2019), Международная конференция EUROPHRAS 2019 «Productive Patterns in Phraseology» (Сантьяго де Компостела, Испания, 2019), VI Европейский конгресс неэллинистов (Лунд, Швеция, 2018), XXXIX Ежегодная встреча кафедры лингвистики филологического отделения Университета имени Аристотеля (Салоники, Греция, 2018), Международная научная конференция «Россия и Греция: языковые и культурные связи» (Москва, Россия, 2020), V Международная конференция по эллинистике памяти И. И. Ковалевой (Москва, Россия, 2019), XLVIII Международная филологическая научная конференция (Санкт-Петербург, Россия, 2019), Международная научная конференция «Преподавание греческого языка как иностранного» (Москва, Россия, 2018), XXVI Международная научная конференция студентов, аспирантов и молодых учёных «Ломоносов-2019» (Москва, Россия, 2019), XXV Международная научная конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов-2018» (Москва, Россия, 2018), Межвузовский студенческий круглый стол «Взаимодействие России, Греции и Кипра в области дипломатии, науки и культуры в XIX-XXI вв.» (Москва, Россия, 2018), XXI Открытая конференция студентов-филологов в СПбГУ (Санкт-Петербург, Россия, 2018).

По теме исследования опубликовано 13 научных работ (статьи в журналах, статьи в сборниках, тезисы докладов) общим объемом 9 п.л., из них 5 публикаций общим объемом 5,6 п.л. представляют собой статьи в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных для защиты в диссертационном совете МГУ имени М. В. Ломоносова:

1. *Онуфриева Е. С. Πιο Χ πεθαίνεις: случай заимствования фразеологизма-конструкции в новогреческом языке // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований. — 2020. — Том 16.2. — С. 608–636. (Импакт-фактор РИНЦ 2020 — 0,198).*

2. *Онуфриева Е. С. Фразеологизмы-конструкции новогреческого языка в аспекте лексико-синтаксического континуума // Вопросы когнитивной лингвистики. — 2020. — № 3. — С. 117–124. (Импакт-фактор РИНЦ 2020 — 0,922).*

3. *Онуфриева Е. С., Тресорукова И. В.* Формирование фразеологизмов-конструкций на основе прецедентных высказываний (на примере новогреческой конструкции *Θα Ρ, αλλά θα είναι σαν μην Ρ/Ρ'*) // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. — 2020. — № 5. — С. 71–83. (Импакт-фактор РИНЦ 2020 — 0,213; 0,8 п.л. / авторский вклад — 0,6 п.л.).

4. *Онуфриева Е. С.* Новогреческие фразеологизмы-конструкции с глаголами-антонимами: *Χ τον ανεβάζει, Χ/Υ τον κατεβάζει* и *Χ μπαίνει, Χ βγαίνει* // Научный диалог. — 2020. — № 10. — С. 142–158. (Импакт-фактор РИНЦ 2020 — 0,512).

5. *Онуфриева Е. С., Тресорукова И. В.* К проблеме словарной репрезентации продуктивных фразеологических паттернов (на примере новогреческих фразеологизмов-конструкций) // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. — 2021. — № 20(9). — С. 34–43. (Импакт-фактор РИНЦ 2020 — 0,246; 1,2 п.л. / авторский вклад — 0,9 п.л.).

Публикации по теме диссертации в других изданиях:

6. *Onufrieva E.* Constructional phrasemes in Modern Greek: structure and meaning // *Productive Patterns in Phraseology and Construction Grammar: A Multilingual Approach* / C. Mellado Blanco (ed.). — Berlin : Walter De Gruyter, 2021. — P. 107–131.

7. *Onufrieva E.* Οι φρασεολογισμοί-κατασκευές της νέας ελληνικής γλώσσας: μια λεξικογραφική προσέγγιση // *Proceedings of XIX EURALEX Congress: Lexicography for Inclusion* / Z. Gavriilidou, M. Mitsiaki, A. Fliatouras. — Komotini: Democritus University of Thrace, 2021. — P. 749–755.

8. *Onufrieva E.* Συντακτικοί φρασεολογισμοί της νέας ελληνικής που δηλώνουν μεγάλο βαθμό μιας ιδιότητας // *Πρακτικά του ΣΤ' Ευρωπαϊκού Συνεδρίου Νεοελληνικών Σπουδών. Ο ελληνικός κόσμος σε περιόδους κρίσης και ανάκαμψης, 1204–2018* / Β. Σαμπατακάκης (επιμ.). — Αθήνα: ΕΕΝΣ, 2020. — Σ. 47–61.

9. *Onufrieva E.* Συντακτικοί φρασεολογισμοί με σημασία άρνησης στη νέα ελληνική // *Μελέτες για την ελληνική γλώσσα*. — 2019. — № 39. — Σ. 1143–1158.

10. *Онуфриева Е. С.* Особенности фразеологизмов-конструкций новогреческого языка со знаменательными словами в фиксированной части // Тезисы и материалы V Международной конференции по эллинистике памяти И. И. Ковалевой. — М.: МАКС-Пресс, 2019. — С. 51–58.

11. *Онуфриева Е. С.* К вопросу о структурных типах фразеологизмов-конструкций новогреческого языка // Материалы Международного молодежного научного форума Ломоносов-2019 / И. А. Алешковский, А. В. Андриянов, Е. А. Антипов (отв. ред.). — М.: МАКС-Пресс, 2019.

12. *Онуфриева Е. С.* Фразеологизмы-конструкции новогреческого языка: проблемы преподавания // Преподавание греческого языка как иностранного. Тезисы докладов международной конференции. — М.: МАКС-Пресс, 2018. — С. 40–45.

13. *Онуфриева Е. С.* Фразеологизм-конструкция *Χ που Χ* в новогреческом языке: прагматический аспект // Материалы Международного молодежного научного форума Ломоносов-2018 / И. А. Алешковский, А. В. Андриянов, Е. А. Антипов (отв. ред.). — М.: МАКС-Пресс, 2018.

Структура диссертации определяется целью и задачами исследования. Работа состоит из введения, четырех глав, заключения, списка сокращений, списка литературы и одного приложения, в котором представлен алфавитный перечень новогреческих фразеологизмов-конструкций, вошедших в исследование. Текст работы включает 22 таблицы и 2 рисунка.

Глава 1. Теоретические предпосылки описания фразеологизмов-конструкций

1.1. История развития взглядов на языковые явления, соотносимые с фразеологизмами-конструкциями

Историю изучения устойчивых идиоматичных конструкций с лексически выраженным фиксированным компонентом и лексически свободным переменным компонентом, принадлежащих к пограничной области между фразеологией и синтаксисом, довольно сложно представить в едином виде. Этот класс единиц объединяет языковые явления, неоднородные в структурном, семантическом и функциональном отношении. Подобные конструкции попадают в поле зрения лингвистов, исследующих разные аспекты функционирования языка и решающих разные прикладные задачи, и, в зависимости от целей, стоящих перед каждым исследователем, характеризуются различным образом. Наличие множества подходов к описанию подобных конструкций привело не только к многообразию терминов для их обозначения, но и к неодинаковому пониманию объектов исследования, обозначаемых этими терминами.

Уже Ш. Балли, заложивший основы фразеологии в своем труде «*Traité de stylistique française*» (1909), обращает внимание на существование «ярко выраженных фразеологизмов», для которых нехарактерны такие типичные для фразеологических оборотов ограничения, как невозможность вставки между элементами оборота каких-либо слов или невозможность замены одного из элементов другим. Как указывает Балли, «наряду с постоянной частью фразеологический оборот может содержать переменную, то есть некоторые слова оборота могут быть заменены другими без нарушения целостности группы» [Балли 2001: 98–99]. Переменным компонентом, согласно Балли, могут обладать как «преимущественно грамматические», «рассудочного типа» фразеологические обороты (например, *regarder d'un air méchant / sévère / tendre* 'смотреть со злым / суровым / нежным видом' или *C' est à mon / ton / son tour* 'теперь моя / твоя / его очередь'), так и «преимущественно аффективные» фразеологические обороты, характеризующиеся экспрессивной интонацией (например, *Va pour la guerre / la paix / l'acquittement!* 'Что ж, пусть будет война / мир /

оправдательный приговор!'). В качестве лексического наполнения вариативной части подобных фразеологических оборотов, согласно Балли, могут выступать «самые различные слова» [Балли 2001: 99–100, 314–315].

Балли демонстрирует широкое понимание фразеологических оборотов с переменным компонентом, относя к их числу и неидиоматичные построения типа *la maison de Paul* 'дом Поля'. Так, в последнем построении, по указанию Балли, слова «*maison* и *Paul* могут быть заменены любым существительным, а предлог является постоянным элементом сочетания; что же это такое, как не фразеологический оборот с переменной частью?» [Балли 2001: 100].

Балли подчеркивает, что не стремится к четкой классификации всего множества фразеологизмов, и выделяет лишь два типа фразеологических оборотов, основываясь на степени связанности их элементов: фразеологические единства, «в которых наблюдается полная связанность элементов», и фразеологические группы, «в которых отдельные слова еще сохраняют относительную самостоятельность». Одновременно с этим он указывает на многообразие существующих типов фразеологизмов и отмечает, что между двумя «крайними случаями» — совершенно свободными и полностью связанными сочетаниями слов — можно найти множество переходных случаев, «не поддающихся точной классификации» [Балли 2001: 89].

В. В. Виноградов, в трудах которого получают дальнейшее развитие идеи Ш. Балли, берет за основу своего ставшего классическим деления фразеологических единиц степень семантической слитности их компонентов и мотивированности их значения. Классификация Виноградова включает три типа фразеологизмов: фразеологические сращения («тип фразеологических единиц абсолютно неделимых, неразложимых, значение которых совершенно независимо от их лексического состава»), фразеологические единства («тип устойчивых, тесных фразеологических групп, которые тоже семантически не делимы и тоже являются выражением единого, целостного значения, но в которых это целостное значение мотивировано, являясь производением, возникающим из слияния значений лексических компонентов») и фразеологические сочетания («типы фраз, образуемых реализацией несвободных значений слов») [Виноградов 1977: 121, 131, 137].

Как для Балли, так и для Виноградова характерно широкое понимание объема фразеологии. Виноградов подчеркивает, что между тремя выделяемыми им общими типами фразеологических единиц «колеблется и дробится множество переходных, промежуточных разрядов» [Виноградов 1977: 139] и что «в живой речи встречаются не только резко очерченные, типические формы фразеологических единиц, но и промежуточные, переходные типы» [Виноградов 1977: 131]. В качестве примера фразеологической единицы переходного типа Виноградов приводит русское выражение *(быть) на какой-нибудь ноге*, способное сочетаться с различными определениями-эпитетами (например, *на дружеской ноге, на короткой ноге, на равной ноге, на тесной ноге, на приятельской ноге* и пр.) в значении '(быть) в каких-нибудь отношениях, (встать) в какие-нибудь отношения'. Согласно определению Виноградова, рассматриваемый фразеологизм представляет собой «фразеологическое сочетание, в составе которого выражение *на... ноге* воспринимается как лексическое “единство на расстоянии”» [Виноградов 1977: 131]. По мнению А. Н. Баранова и Д. О. Добровольского, значимая вариативность, которую демонстрировал этот фразеологизм в определенный исторический период, позволяет считать его в этот исторический период фразеологизмом-конструкцией: «У Н. С. Лескова встречается форма *на хозяйственной ноге*, у Н. В. Гоголя — *был на такой ноге, что не уступал иным и кавалерийским*, у В. А. Соллогуба — *на коммерческой ноге*. Варьирование касается в первую очередь содержательной характеристики — типа указываемого отношения, выраженного определением компонента фразеологизма — существительного *нога*. Иными словами, во времена Пушкина это была не идиома, а фразеологизм-конструкция» [Баранов, Добровольский 2014: 191].

Виноградов делает и множество других замечаний, релевантных для изучения того типа фразеологических единиц, который является объектом нашего исследования. Так, при описании способов построения словосочетаний в русском языке Виноградов указывает на существование «семантически-замкнутых синтаксико-фразеологических схем построения устойчивых оборотов», таких как *с минуты на минуту, с часу на час, с секунды на секунду; лицом к лицу, носом к носу, плечом к плечу; изо всех сил, изо всей мочи* или *прошел год как..., не успел... как* и пр. [Виноградов 1954: 22; Виноградов 1956: 90], а уже в первых своих программных работах, посвященных проблемам фразеологии,

подчеркивает, что «[р]азработка проблем лексикологии и фразеологии должна вестись параллельно с дальнейшим развитием синтаксической науки» [Виноградов 1977: 161].

По словам Ю. Д. Апресяна, «[и]деи В. В. Виноградова оказали исключительно сильное влияние на развитие теоретической фразеологии в нашей стране. По крайней мере в течение десятилетия фразеологи занимались лишь тем, что дополняли эту классификацию и переносили ее на материалы других языков» [Апресян 1989: 112]. Тем не менее, для многих фразеологов 1950-х – 1970-х гг. характерно стремление к более узкому по сравнению с Виноградовым пониманию объекта фразеологии и выведению за пределы фразеологии всех переходных, пограничных типов фразеологических единиц. Показательным в этой связи является высказывание А. В. Кунина: «Слишком широкое понимание объема фразеологии В. В. Виноградовым не давало возможности установить ее границы и отделить фразеологические единицы от смежных образований» [Кунин 1970: 9]. Аналогичное мнение чуть ранее высказывает и Б. А. Ларин, обосновывая необходимость исключить из классификации Виноградова класс фразеологических сочетаний: «В классификации, прежде всего, должны быть четкими границы разрядов; так и было бы, если бы деление имело историческую базу, если бы группировались достаточно оформившиеся, определившиеся разновидности, а не зыбкие “проходные” явления» [Ларин 1956: 223]. При такой постановке вопроса единственным, пожалуй, классом фразеологизмов, фразеологичность которого не подвергалась сомнению большинством фразеологов в этот период, были идиомы.

Чрезвычайно продуктивными для развития теории фразеологии и последующего расширения объекта ее исследования стали труды Н. Ю. Шведовой в области синтаксиса русской разговорной речи [Шведова 1958, 1960], а также работы Д. Н. Шмелева, посвященные описанию «связанных» синтаксических конструкций русского языка [Шмелев 1958, 1960]. Эти исследования породили среди лингвистов дискуссию о возможности отнесения к объекту фразеологии языковых единиц, описываемых как «фразеологизированные конструкции» или «фразеосхемы».

Н. Ю. Шведова выделяет в качестве одной из четырех больших групп конструкций, характерных для синтаксического строя русской разговорной речи, построения фразеологизированного характера, или фразеологизированные конструкции. Подобные конструкции, согласно определению Шведовой, «не активно и каждый раз

заново возникают в предложении как реализация живых синтаксических возможностей языка, а используются как готовый материал, “обновляемый” говорящим лишь в части знаменательного слова» [Шведова 1960: 22].

Степень фразеологизации конструкций, описываемых Шведовой, варьируется в зависимости от степени их синтаксической нерегулярности, а также степени утраты фиксированным лексическим компонентом своего прямого значения и категориальной принадлежности. Наибольшую степень фразеологизации, по мнению Шведовой, имеют русские построения типа *Чем не жених? Что за церемонии! Нет чтобы подождать!*: отношения между частями этих конструкций являются немотивированными и не соответствующими действующим нормам синтаксиса, а фиксированный компонент лишен своего прямого категориального значения. Эти построения характеризуются Шведовой как «собственно фразеологизмы». Меньшую степень фразеологизации, согласно Шведовой, демонстрируют конструкции типа *До чего хорош! На то (и) война, Что так то так*: строение этих конструкций может быть объяснено изменившимися или устаревшими нормами синтаксиса, а их фиксированный компонент сохраняет свою частеречную принадлежность и лексическое значение. Наименьшую степень фразеологизации демонстрируют построения типа *Какая его жизнь! Хорош друг! До чего весело! Один его вид чего стоит!*: эти конструкции образованы согласно действующим синтаксическим нормам, однако содержат незаменимый компонент, который, хотя и не теряет своей категориальной принадлежности, претерпевает определенные семантические изменения [Шведова 1960: 22, 269–270].

А. Н. Баранов и Д. О. Добровольский, оценивая значимость работ Шведовой, отмечают: «Н. Ю. Шведова в конце 50-х гг. XX в. открыла класс единиц, который стал в 90-е гг. объектом исследования в рамках Грамматики конструкций, развиваемой Ч. Филлмором, А. Голдберг и их последователями» [Баранов, Добровольский 2016: 66]. Подробно описывая разнообразные конструкции русской разговорной речи, Н. Ю. Шведова делает особый акцент не только на нерегулярности синтаксиса и десемантизации лексически выраженного компонента некоторых из них, но и на лексических и семантических ограничениях, которые конструкции могут накладывать на свое лексическое наполнение [Шведова 1960: 8].

Принципиально важным является то, что фразеологизированные конструкции, выделяемые Н. Ю. Шведовой, не только обладают идиоматичностью, но и обязательно содержат в своей структуре незаменимый лексически выраженный компонент, а не представляют собой лишь абстрактную синтаксическую схему. Это позволяет отнести большую часть подобных конструкций к области фразеологии в качестве фразеологизмов-конструкций или близких к ним единиц. На соответствие многих разбираемых Шведовой построений фразеологизмам-конструкциям указывают А. Н. Баранов и Д. О. Добровольский [Баранов, Добровольский 2016: 52].

Иную по сравнению с Н. Ю. Шведовой позицию в этом вопросе занимает Д. Н. Шмелев. Он отмечает, что Шведова рассматривает как фразеологизированные не только конструкции, организующим элементом которых является конкретное слово (как, например, слово *чем* в *Чем не жених?*), но и конструкции, в которых «фразеологической» является сама схема построения, а не какой-либо отдельный лексический элемент (например, *Мне теперь и чай не в чай* или *Без тебя и праздник не в праздник*). Согласно Шмелеву, в конструкциях второго типа «нет лексической “неподвижности”, “окаменелости”. Они не связаны с определенными словами как таковыми, но они обладают фиксированной и неизменной схемой построения, включая сюда обязательный порядок слов и наличие строго определенных, сильно ограниченных в варьировании грамматических форм, а иногда и определенных служебных слов» [Шмелев 1960: 49–50]. Подобные построения Шмелев предлагает рассматривать как «фразеологические схемы конструкций», или сокращенно — «фразеосхемы».

Степень лексической выраженности фразеосхем, выделяемых Д. Н. Шмелевым в русском языке, неодинакова. Некоторые из них представляют собой полностью абстрактные построения, например конструкции типа «инфинитив + личная форма того же глагола» с общим значением акцентирования предикативного признака: *Помочь — они мне не помогут; Понимать — я понимаю, а вот объяснить дельно не сумею; Кормить не кормит, а руки вяжет* [Шмелев 1960: 51–52]. В состав других фразеосхем входят отдельные служебные элементы, например, частица *не* в тавтологических конструкциях типа *Бесплатно, не бесплатно, но дешево; Пьян не пьян, но грузен*, или элемент *хоть* в конструкциях типа *Трудно, хоть руки на себя наложить; Совестно, что хоть сквозь землю провалиться* [Шмелев 1960: 53, 58–59]. Очевидно, что наиболее

абстрактные из фразеосхем, описываемых Шмелевым, нельзя отнести к области фразеологии.

Работы Н. Ю. Шведовой и Д. Н. Шмелева усилили интерес лингвистов к сущности явления фразеологизации, типам фразеологизации и ее возможным объектам (см., например, работы Л. И. Ройзензона, Ю. Ю. Авалиани и С. Г. Гаврина, посвященные фразеологизации как лингвистическому явлению [Ройзензон, Авалиани 1959; Ройзензон 1961; Гаврин 1966], различие синтаксической и лексической фразеологизации В. И. Кодуховым [Кодухов 1967], рассуждения о грамматических идиоматизмах О. И. Москальской [Москальская 1962] и пр.). В то же время единого мнения о возможности отнесения к области фразеологии построений, находящихся на границе фразеологии и синтаксиса, среди исследователей достигнуто не было.

Для многих фразеологов 1960-х – 1970-х гг. характерен принципиальный отказ от включения во фразеологию любых образований, демонстрирующих элементы моделированности. Н. Ю. Шведова указывает на то, что в основе фразеологизированных и лексически ограниченных конструкций русской разговорной речи лежит «определенная модель, специфика которой по сравнению со свободным построением состоит в ограниченной возможности словесного наполнения одного из формообразующих элементов или во фразеологическом характере самой этой модели» [Шведова 1960: 9–10]. В свою очередь такие известные фразеологи, как Н. Н. Амосова, А. В. Кунин, И. И. Чернышева, называют в числе важнейших признаков фразеологических единиц их немоделированный характер.

Н. Н. Амосова подчеркивает, что «фразама не имеет структурно-семантической модели или, точнее говоря, не представляет собой речевую конкретизацию языковой контекстуальной формулы, а выступает сама по себе как определенная, конкретная языковая единица» [Амосова 1963: 59]. Вследствие этого за пределы фразеологии, согласно Амосовой, необходимо вывести все моделированные словосочетания, в том числе те, которые напоминают фразеологизмы «вследствие характерного для них расхождения между их синтаксическим строением и несинтаксическим содержанием» [Амосова 1963: 119]. Моделированные словосочетания, напоминающие фразеологизмы, характеризуются Амосовой как «стилистико-грамматические конструкции». К ним относятся, например, такие конструкции английского языка, как «*at* + притяжательное

местоимение + превосходная степень прилагательного» со значением усиления признака (*at his worst, at his best, at its most exciting*), «глагол + возвратное местоимение + *to* + существительное» с типовым значением ‘приведение себя в состояние, выраженное существительным, с помощью действия, выраженного глаголом’ (*to howl oneself to sleep; to write oneself to fatigue*) и пр. [Амосова 1963: 119–120].

Мнение Н. Н. Амосовой поддерживает А. В. Кунин, согласно которому «[в]се фразеологические единицы являются немоделированными образованиями» [Кунин 1970: 96]. Кунин подчеркивает, что к области фразеологии не могут быть отнесены даже те единицы, которые образованы по ограниченной структурно-семантической модели. Под структурно-семантической моделью Кунин понимает «обладающий типовым значением лексико-грамматический образец, по которому создаются аналогичные переменные сочетания слов около опорного знаменательного слова» [Кунин 1970: 94, 96]. К построениям, образованным по ограниченной структурно-семантической модели относятся, согласно Кунину, английские конструкции *at first / second / third hand* и *in the first / second / third place*, русская конструкция *из первых / вторых / третьих рук*, а также единицы, соответствующие в классификации В. В. Виноградова фразеологическим сочетаниям (например, *give a smile, take a look, put to shame*) [Кунин 1970: 219–220, 233].

Как Н. Н. Амосова, так и А. В. Кунин предлагают вынести моделированные образования за пределы фразеологии и сделать их объектом изучения другой научной дисциплины — фразеоматики [Кунин 1970: 268], стилистической грамматики или грамматической стилистики [Амосова 1963: 119–120].

Наиболее подробно моделированные образования описывает И. И. Чернышева в своих работах по фразеологии немецкого языка. Подчеркивая, что моделированные образования остаются за пределами фразеологического фонда немецкого языка как устойчивые словосочетания нефразеологического типа, Чернышева выделяет в их составе группу типовых грамматико-стилистических конструкций, многие из которых в дальнейшем будут описываться В. Фляйшером как фразеошаблоны, а Д. О. Добровольским — как фразеологизмы-конструкции (например, *Vater hin, Vater her, aber... / Freund hin, Freund her, aber...* или *eine Seele von Mensch / Eine*

Löwenzahnblüte von Wort²) [Чернышева 1970: 66–68]. Для подобных конструкций, согласно Чернышевой, «характерно наличие структурной модели и определенного семантического содержания при варьировании последнего в зависимости от заменяемого лексического компонента. Относительно свободная лексическая наполняемость одного или двух компонентов отличает эти образования от фразеологических единиц» [Чернышева 1970: 64].

И. И. Чернышева не считает возможным рассматривать моделированные образования как собственно фразеологизмы, вне зависимости от их стилистико-экспрессивного потенциала [Чернышева 1970: 30–31]. В то же время, по ее мнению, фразеологам не следует полностью игнорировать существование подобных конструкций в силу их многочисленности: «Моделированные и серийные образования, очень многочисленные в современных европейских языках, при такой постановке вопроса остались бы вне научного рассмотрения. Как раздельнооформленные единицы языка с семантической отдельностью они не относятся ни к лексикологии, ни к синтаксису. Отсюда совершенно естественно сделать вывод, что фразеология должна быть лингвистической дисциплиной, изучающей, наряду с фразеологическими, все виды устойчивых словесных комплексов языка, обладающих семантической отдельностью. Такое решение проблемы сделает излишним терминологическую дискуссию по поводу фразеологической единицы и объема фразеологии» [Чернышева 1972: 114].

Дискуссия о возможности отнесения к объекту фразеологии построений моделированного характера тесно связана с вопросом о допустимой степени вариативности фразеологических единиц и их способности обладать переменным компонентом.

Как построения с переменной частью на уровне компонентного состава во фразеологии часто рассматривались коллокации с серийной сочетаемостью фразеологически связанного компонента. На наличие в составе фразеологических сочетаний стержневого и переменного членов указывают В. В. Виноградов [Виноградов 1977: 138] и Ю. А. Гвоздарев [Гвоздарев 1973: 19]. В. Л. Архангельский характеризует русские обороты типа *горе / зло / досада берет, тоска / совесть / сомнение грызет* как

² На подобные конструкции во французском языке (*un diable d'homme* 'дьявол, а не человек', *un amour d'enfant* 'душка, а не ребенок') обращает внимание уже Ш. Балли, отмечая, что они не соответствуют синтаксису общеупотребительной речи и имеют аффективное происхождение [Балли 2001: 283].

постоянно-переменные сочетания [Архангельский 1964: 192]. Аналогичным образом характеризует фразеологические сочетания З. Е. Смерчко [Смерчко 1968, 1975]. А. В. Кунин относит соответствующие образования в английском языке к классу переменнo-устойчивых оборотов [Кунин 1970: 220]. При этом одни исследователи называют коллокации одним из центральных классов фразеологизмов [Виноградов 1977: 159], а другие выводят коллокации за пределы фразеологии как «выражения с минимальной степенью идиоматичности, находящиеся как бы на периферии подлинно фразеологических соединений» [Ларин 1956: 223], единицы переходного, «полупостоянного» контекста [Амосова 1963: 69–70], «промежуточные образования между фразеологическими единицами и переменными сочетаниями слов» [Кунин 1970: 219, 222], «нефразеологизмы» [Молотков 1968: 14; Лекант 1968: 91].

Применительно к другим типам фразеологических единиц термин «переменный компонент» используется некоторыми фразеологами только для обозначения парадигматически маркированного местоимения в составе идиомы, а также знаменательных субститутов этого местоимения. А. В. Кунин понимает под альтернантами в составе фразеологических единиц различного рода местоимения, которые могут заменяться другими словами в соответствии с требованиями ситуации (как, например, местоимения *one's* или *something* в составе английской идиомы *to close one's eyes to something* ‘закрывать свои глаза на что-то’) [Кунин 1970: 67, 70]. Подобные переменные, согласно Кунину, «не меняют характера полностью или частично переосмысленного значения оборота, а лишь уточняют его, указывают, к кому или к чему он относится, т. е. определяют предметную соотнесенность фразеологизма» [Кунин 1970: 70]. Бóльшая степень вариативности расценивается Куниным как превращение фразеологической единицы в структурно-семантическую модель и, как следствие, распад этой фразеологической единицы и ее переход из разряда собственно фразеологизмов в класс образований, промежуточных между фразеологизмами и переменными сочетаниями слов, т.е. в категорию так называемых переменнo-устойчивых сочетаний слов³. Так, например, по мнению Кунина, английский оборот *at first hand* подвергся дефразеологизации в связи с образованием на его основе аналогичных оборотов *at second hand* и *at third hand* [Кунин 1970: 219–220, 136].

³ Как уже отмечалось выше, к переменнo-устойчивым сочетаниям слов Кунин относит и фразеологические сочетания по Виноградову [Кунин 1970: 221–222].

Сходным образом понимает переменный компонент фразеологизма и Н. Н. Амосова, отмечая, что в этой роли обычно выступает «либо существительное в родительном падеже, либо притяжательное местоимение, выступающее как определение к зависимому именному члену фразеологизма» (например, *to set (my, his, Arthur's, the man's) teeth on edge* ‘раздражать (меня, его, Артура, этого человека)’, *the apple of (his, her, mother's eye)* ‘самое дорогое (для него, нее, матери)’ и пр.) [Амосова 1963: 164–165].

Местоименный компонент-альтернант рассматривается А. М. Каплуненко и Т. Г. Дремовой как элемент структуры фразеологизма [Каплуненко 1977: 4; Дремова 1979: 19], Т. Н. Федуленковой — как «важное составляющее звено, без которого ФЕ [фразеологические единицы] выступают не только как аграмматичные, но и лишённые смысла образования» [Федуленкова 2018: 63]. В то же время переменный компонент в таком понимании скорее соотносится с тем, что Л. И. Ройзензон описывает в аспекте фразеологической парадигматичности, т.е. способностью фразеологического оборота «морфологически видоизменяясь, связываться со словом любого контекста, куда этот оборот включается как “строительная” единица» [Ройзензон 1973: 204].

Термин «переменный компонент» используется в отечественных работах по фразеологии и при рассмотрении других аспектов функционирования фразеологизмов: при указании на возможность вклинивания в состав фразеологической единицы факультативных элементов [Кунин 1970: 113–114], описании структурных вариантов одного и того же фразеологизма [Жуков 1972: 28], описании типов логической зависимости между элементами фразеологической единицы [Архангельский 1964: 115–116] и пр. Очевидно, однако, что в этих случаях подход к рассмотрению переменного компонента в составе фразеологического оборота значительно отличается от подхода, предложенного Ш. Балли, при котором, по выражению В. Л. Архангельского, переменные понимаются именно «как альтернанты, когда языковая система дает говорящему возможность выбора для замены одного элемента в составе оборота другими элементами того же порядка» [Архангельский 1964: 114–115].

Попытка решить проблему значимой вариативности некоторых идиоматичных конструкций приводит отдельных исследователей к мысли о том, что как фразеологизм следует расценивать лишь лексически выраженную часть конструкции. Так,

С. Г. Гаврин предлагает использовать обозначение «устойчивый зачин фразы» в отношении сочетания *ну чем не*, с помощью которого строятся такие предложения, как *ну чем не жених для вашей дочери; ну чем не мастер своего дела; ну чем не герой*, а также в отношении некоторых других сочетаний подобного типа (*тоже мне; ну как не [...]; кто, кто, а...; кому-кому, а...; что, что, а...; куда, куда, ...; чем, чем, а...*). Гаврин отмечает, что Н. Ю. Шведова рассматривает как фразеологизированную конструкцию всю структуру предложений такого типа, включая их вариативную часть. По мнению Гаврина, фразеологизированной может быть названа лишь лексически устойчивая часть этих конструкций: «Нам представляется целесообразным в нашем аспекте исследования, ввиду большой свободы лексического наполнения такой фразы, говорить лишь об устойчивых зачинах, типизирующих конструкцию предложения, так как в термин “фразеологизированная фраза, конструкция” мы вкладываем иное содержание: мы обозначаем им не частично, а полностью устойчивое сочетание» [Гаврин 1966: 25–26].

В. Л. Архангельский рассматривает построения *тоже мне (жених, ученый, герой); какой он (поэт, писатель, математик)* как фразеологические обороты, незамкнутые в позиции сказуемого, при этом характеризует эти обороты не как устойчивые фразы (т.е. предложения), а как фраземы (словосочетания), способные «осложняться переменными членами предложения, не принадлежащими к постоянному лексическому составу устойчивой фразы» [Архангельский 1964: 199–201]. При этом Архангельский считает необходимым отграничить незамкнутые устойчивые фразы от «фразеологизированных синтаксических конструкций или синтаксических фразеосхем» в понимании Д. Н. Шмелева, подчеркивая, что последние лишены фразеологического значения, «их значение — синтаксическое; это фразеосхемы, являющиеся лексико-синтаксическими моделями» [Архангельский 1964: 202–205].

Как элементы внешней дистрибуции рассматривает вариативный компонент некоторых фразеологических единиц русского языка и В. Н. Телия. Характеризуя уже упоминавшееся выше русское выражение *на равной / дружеской / взаимной / короткой* и пр. *ноге*, Телия отмечает, что непереосмысленные вариативные компоненты подобных выражений «уже не входят в состав фразем как единиц языка, сохраняясь в их составе лишь как традиционно воспроизводимые элементы “внешней дистрибуции фразем”» [Телия 1967: 217–218]. Схожую точку зрения высказывает Н. Н. Амосова,

рассматривающая аналогичные явления в английском языке как «случаи обязательного синтаксического расщепления фразеологизмов» [Амосова 1963: 165], а также А. В. Кунин, характеризующий фразеологические обороты с дистантным расположением частей (например, *to be ... off — to be badly off, to be worse off, to be comfortably off, to be poorly off* и пр.) как «обороты с опорными семантемами, вводимые в речь только при вклинивании переменных компонентов» и представляющие собой образования, промежуточные между фразеологическими единицами и переменными сочетаниями слов [Кунин 1970: 233–234].

Наконец, некоторые фразеологи предлагают рассматривать идиоматичные построения, соотносимые с фразеологизированными конструкциями Н. Ю. Шведовой, как явления неполной фразеологизации, лишь потенциально приводящие к образованию новых фразеологических единиц. В частности, по мнению Л. И. Ройзензона, конструкции типа *Что за ...*, *Еще бы не...*, *Вот это...* представляют собой «единицы, которые, с одной стороны, приобрели отдельные черты УСК [устойчивых словесных комплексов], а с другой, целиком еще не потеряли своего основного синтаксического свойства». По мнению исследователя, подобные конструкции могут стать объектом фразеологии лишь в том случае, если подвергнутся вторичной, полной фразеологизации: «Так, из фразеологизированной структуры *вот так + существительное* (ср.: *Вот так дом!*) выделилась ФЕ [фразеологическая единица]: *вот так гусь!*» [Ройзензон 1973: 85–86]. Аналогичные мысли ранее высказывает С. И. Ожегов, рассуждая об устойчивых синтаксических схемах построения словосочетания как о «потенциальных фразеологических единицах» [Ожегов (1957) 1974: 214–215].

Д. Н. Шмелев, обращая внимание на то, что к концу 1970-х гг. среди фразеологов так и не сложилось единого мнения относительно объема фразеологии, отмечает: «Наиболее странное впечатление производит, однако, даже не разницей в терминологии, а то, что “фразеология” понимается некоторыми исследователями как нечто само по себе данное в языке в своих точных границах. В связи с этим отдельные исследователи признают “неправильным” включение во фразеологию тех или иных разрядов словосочетаний (или, наоборот, исключение из нее каких-то типов словосочетаний) лишь на основании того, что их представление о фразеологии не совпадает с другим

представлением, в соответствии с которым такие-то словосочетания признаются или не признаются фразеологизмами» [Шмелев 1977: 297–298].

Среди отдельных работ, релевантных для нашего исследования и отражающих более широкое понимание объекта фразеологии, можно назвать работы А. Д. Райхштейна и В. Фляйшера.

А. Д. Райхштейн включает в свое описание устойчивых фраз немецкого языка устойчивые фразовые схемы, характеризуя их как фразы с одноаспектной — структурной — устойчивостью. Согласно определению исследователя, устойчивые фразовые схемы представляют собой «фразы с переменным лексическим составом (имеются в виду знаменательные слова), но со стабильной синтаксической структурой и интонацией, а также постоянным типовым содержанием высказывания» [Райхштейн 1971: 30]. К фразовым схемам Райхштейн относит такие конструкции немецкого языка, как $N_1 + ist / sind + N_1$ (например, *Auftrag ist Auftrag* ‘поручение есть поручение’, *Kinder sind Kinder* ‘дети есть дети’), $N_1 + bleibt + N_1$ (*Heimat bleibt Heimat* ‘родина остается родиной’, *Mord bleibt Mord* ‘убийство остается убийством’), $N_1 + hin, N_1 / N_2 + her$ (отчасти соответствует русскому *X X-ом, (но)...*), *Auch + ein(e) + N* (*Auch ein Hobby!* ‘Тоже мне хобби!’, *Auch ein Trost!* ‘Тоже мне утешение!’) [Райхштейн 1971: 30–33]. Райхштейн демонстрирует более широкое понимание переменного компонента в составе фразеологических единиц — сходное с Балли, — указывая на то, что и у некоторых немецких поговорок имеется лексически переменный член, который «с равной вероятностью может быть замещен любым из целого ряда слов определенного семантического разряда» (например, *Dick (dumm, frech usw.) ist gar kein Ausdruck!* ‘Мало сказать толстый (ограниченный и т.п.)!’ или *... ist gut* ‘Ничего себе / Хорошенькое дело — ...’) [Райхштейн 1971: 74–75].

В. Фляйшер выделяет во фразеологическом составе немецкого языка группу так называемых «фразеосаблонов» (*Phraseoschablonen*), которые характеризует как конструкции, «находящиеся в пограничной области между фразеологией и синтаксисом» [Fleischer 1982: 135]. Подчеркивая, что включение подобных конструкций во фразеологию является дискуссионным, Фляйшер дает им следующее определение: «Это синтаксические структуры, — как непредикативные словосочетания, так и структуры предложений, — лексическое наполнение которых варьируется, однако они

обладают своего рода синтаксической идиоматичностью» [Fleischer 1982: 136]. Согласно Фляйшеру, фразеологические шаблоны обладают строго определенным модельным значением (*Modellbedeutung*), нерегулярным и отклоняющимся от значения соответствующей неидиоматичной модели. При заполнении фразеологических шаблонов конкретным лексическим материалом создаются «сочетания слов, общее значение которых уже определено значением моделей» (например, *Der Wagen will und will nicht anspringen* — букв. ‘машина будет и не будет заводиться’, т.е. ‘машина все никак не заведется’, *Der Brief kommt und kommt nicht* — букв. ‘письмо приходит и не приходит’, т.е. ‘письма всё нет’, *Du und ein Schwimmer?! —* букв. ‘ты и пловец?!’, *Ich und ein Redner?! —* букв. ‘я и оратор?!’ и пр.) [Fleischer 1982: 136, 138].

Примечательно, что в качестве особого вида фразеологических шаблонов Фляйшер рассматривает глагольно-именные коллокации (*Funktionsverbgefüge*) (например, *in Beziehung stehen* ‘иметь отношение’, *unter Kontrolle sein* ‘быть под контролем’), так как такие конструкции обладают модельным значением «определенного типа действия», а наличие у синтаксических структур обобщенного значения позволяет «классифицировать их как частный случай фразеологических шаблонов» [Fleischer 1982: 139–140].

В последующие годы в развитии теории фразеологии намечается качественный сдвиг, связанный в первую очередь с появлением и освоением корпусов текстов. Появление крупных корпусов текстов дало исследователям возможность изучать реальные языковые данные в больших количественных масштабах, что позволяет не только проверить на практике уже сформировавшиеся теоретические представления, но и сделать новые выводы, руководствуясь принципом «от данных к теории».

В настоящий момент расширяется представление о границах фразеологии, а одновременно с этим меняется и само понимание природы фразеологических единиц. К. Штайер, указывая на то, что современная фразеология переживает смену парадигмы, отмечает: «Если проводить эмпирические исследования с использованием корпусов систематически и, что очень важно, по принципу “снизу вверх”, то становится очевидным, что многословные выражения не так исключительны и уникальны, как до сих пор часто считается во фразеологии. Они представляют собой особые лексические реализации шаблонов, безусловно, более заметные и более устойчивые по сравнению с окказиональными использованиями, но не уникальные» [Steyer 2015: 281].

Для современной теории фразеологии является актуальной идея паттернов, шаблонов, конструкций. Немалую роль в этом сыграло растущее влияние на фразеологию такого теоретического направления в лингвистике, как Грамматика конструкций, отправной точкой в развитии которой стало описание не вполне регулярных языковых явлений на стыке синтаксиса и лексикона [Fillmore et al. 1988; Goldberg 1995; Lakoff 1987]. Именно на этом фоне А. Н. Баранов и Д. О. Добровольский включают во фразеологическую классификацию в качестве особого класса фразеологизмов фразеологизмы-конструкции — сначала как «синтаксические фразеологизмы» [Баранов, Добровольский 2008: 67], позднее как «фразеологизмы-конструкции» [Баранов, Добровольский 2014: 86–90].

Согласно определению А. Н. Баранова и Д. О. Добровольского фразеологизмы-конструкции представляют собой «синтаксически автономные выражения устойчивого состава, в которых пропущены некоторые элементы (актанты — обычные или пропозициональные). Причем фиксированные элементы конструкции, вместе с ее синтаксисом, характеризуются единым значением, приближающимся к лексическому» [Баранов, Добровольский 2014: 86].

Как указывают исследователи, понятие фразеологизмов-конструкций близко к тому, что понимается под конструкцией в ранних версиях Грамматики конструкций [Баранов, Добровольский 2014: 90]. Наиболее известное определение конструкции как конвенциональной пары формы и значения принадлежит А. Голдбергу: «*C* является конструкцией, если *C* — это такое соединение формы и значения $\langle Fi, Si \rangle$, в котором некоторый аспект формы Fi или некоторый аспект значения Si не являются строго предсказуемыми на основе составных частей *C* или других ранее установленных конструкций»⁴ [Goldberg 1995: 4]. Другими словами, как отмечают Е. В. Рахилина и Ю. Л. Кузнецова, «под конструкцией понимается “языковое выражение”, у которого есть аспект плана выражения или плана содержания, не выводимый из значения или формы составных частей» [Рахилина, Кузнецова 2010: 19].

Д. О. Добровольский подчеркивает, что конструкцией является любой фразеологизм, однако именно класс фразеологизмов-конструкций удобно описывать в

⁴ «*C* is a CONSTRUCTION if *C* is a form-meaning pair $\langle Fi, Si \rangle$ such that some aspect of Fi or some aspect of Si is not strictly predictable from *C*'s component parts or from other previously established constructions» [Goldberg 1995: 4].

терминах Грамматики конструкций [Добровольский 2016: 14]. Описание этого типа фразеологизмов предполагает не только характеристику их формы и значения, но и анализ лексического наполнения переменного компонента: выявление селективных предпочтений, а также семантических и грамматических ограничений. В соединении с корпусным анализом подход к описанию фразеологизмов-конструкций существенным образом отличается от традиционного подхода к описанию «классических» лексических фразеологизмов.

В заключение необходимо отметить, что идеи Н. Ю. Шведовой, оказавшие столь важное влияние на отечественную лингвистику и в том числе фразеологию, получили свое развитие в академической «Русской грамматике» 1980 г., где выделяются синтаксические фразеологизмы как средства формирования и выражения субъективно-модальных значений [Русская грамматика 1980, т. 2: 217], а также в работах таких исследователей, как А. В. Величко [Величко 2016], М. В. Всеволодова, Лим Су Ён [Всеволодова, Лим 2002] и др. В современной российской лингвистической традиции термины «фразеологизированные конструкции», «фразеологизированные построения», «синтаксические фразеологизмы», «фразеологизированные (структурные) схемы», «фразеологизированные типы предложений», «предложения фразеологизированной структуры», «фразеологизированные структуры» связываются в первую очередь с исследованиями в области синтаксиса русского языка и методики преподавания русского языка как иностранного.

Предложенный Д. Н. Шмелевым термин «фразеосхема», согласно замечанию А. Н. Баранова и Д. О. Добровольского, «не закрепился как общепринятый и в дальнейшем стал пониматься различными исследователями по-разному» [Баранов, Добровольский 2014: 90]. В современных отечественных работах по синтаксической идиоматике термин «фразеосхемы» или «фразеосинтаксические конструкции» активно используется В. Ю. Меликяном [Меликян 2014] и другими исследователями его школы (см., например, [Вакуленко 2018; Меликян 2016; Меликян, Акбаева 2017]).

Для описания явлений синтаксической идиоматизации используются также термины «синтаксические фраземы» [Мельчук 1995; Богуславский, Иомдин 1982; Иомдин 2006], «синтаксические идиомы» [Кайгородова 1999; Apresjan 2014], «формальные, или лексически открытые идиомы» (formal / lexically open idioms)

[Fillmore et al. 1988], «структурные формулы» (structural formulas) [Fillmore 1979], «языковые схемы» (linguistic schemata) [Lyons 1968: 177–178; Sidtis et al. 2012] и многие другие. Использование каждого из этих терминов предполагает не только выбор определенного ракурса для описания рассматриваемого языкового явления, но и выбор определенного метода его описания.

Термин «фразеологизмы-конструкции» (англ. phraseme-constructions / constructional phrasemes, нем. Phrasem-Konstruktionen) был предложен Д. О. Добровольским сравнительно недавно — в 2011 г. [Dobrovol'skij 2011: 114]. Использование этого термина позволяет рассмотреть языковые явления, являющиеся объектом нашего исследования, с позиций фразеологии. Помимо А. Н. Баранова и Д. О. Добровольского, выделивших фразеологизмы-конструкции как отдельный класс фразеологизмов, давших им определение и развивающих их исследование в ряде научных работ, термин «фразеологизмы-конструкции» и его иноязычные аналоги используют К. Штайер [Steyer 2015: 281], К. Мельядо Бланко [Mellado Blanco 2019], Л. Пёппель [Dobrovol'skij, Röppel 2015], В. Бениньи, П. К. Рамузино, Ф. Моллика, Э. Шафрот [Benigni et al. 2015; Mollica 2020], Р. Марти Солано [Martí Solano 2020] и другие.

1.2. Состояние фразеологии как научной дисциплины в современной греческой лингвистике

В современной греческой лингвистике фразеология в целом остается областью, недостаточно изученной в теоретическом отношении. Несмотря на интерес греческих исследователей к составлению сборников разнообразных идиоматических выражений, научные работы, посвященные теоретическим вопросам греческой фразеологии, пока не так многочисленны.

На недостаточную разработанность фразеологии как научной дисциплины в греческой лингвистике обращают внимание и сами греческие исследователи. Х. Симеонидис в предисловии к своей монографии «Введение в греческую фразеологию», впервые изданной в 1997 г., отмечает: «Эта работа призвана по мере возможности восполнить большой исследовательский пробел в греческой лингвистике.

До этого момента у нас не только не было трудов, вводных в ту научную область, которой по крайней мере с 1970-х гг. усиленно занимались другие европейские страны, но также чрезвычайно мало было статей, опубликованных греческими лингвистами в греческих или иностранных журналах» [Συμεωνίδης 2000: 3].

С Х. Симеонидисом соглашаются и другие лингвисты. Э. Хельми в своей диссертации, посвященной сравнительному описанию биномиальных конструкций греческого и испанского языка, подчеркивает: «Недостаточно работ, написанных на греческом и о греческом, которые исследовали бы фразеологические явления языка, имеющего долгую историю и богатую традицию идиоматических выражений, если не считать некоторые отдельные работы или диссертации» [Χέλμη 2011: 15]. И. В. Тресорукова обращает внимание на то, что «в греческой лингвистической традиции не существует единой семантической классификации фразеологических единиц, а число исследователей, занимающихся вопросами теоретической фразеологии невелико» [Tresorukova 2014: 556].

Одна из актуальных до настоящего времени терминологических традиций описания новогреческой фразеологии была заложена М. Триандафиллидисом, указавшим на необходимость различать идиоматические выражения (ιδιωτισμοί), т.е. устойчивые фразы с особым значением, и так называемые «идиоматизмы» (ιδιωματισμοί), т.е. диалектные элементы [Τριανταφυλλίδης (1938) 1993: 62]. Небольшой раздел с описанием идиоматических выражений, включенный в «Новогреческую грамматику» под редакцией М. Триандафиллидиса (первое изд. — 1941 г.) [Νεοελληνική γραμματική 2005: 197–201], считается «классическим» исследованием в области греческой идиоматики [Βλαχόπουλος 2007: 19].

В «Новогреческой грамматике» выделяется несколько видов идиоматических выражений: собственно идиоматические выражения (ιδιωτισμοί), паремийные фразы (παροιμακές φράσεις), паремии (παροιμίες), сентенции (γνώμικá), исторические высказывания (φράσεις ιστορικές) и литературные цитаты (φράσεις λογοτεχνικές). Наиболее подробно описан класс собственно идиоматических выражений, куда включены построения различной структуры и разной степени идиоматичности, — от простых лексических повторов до идиом. В числе примеров идиоматических выражений есть и отдельные фразы, рассматриваемые нами как фразеологизмы-конструкции

(например, *να παιδί να μάλαμα*, букв. ‘вот ребенок вот золото’, т.е. ‘беда, а не ребенок’, *δουλειά άλλο τίποτε*, букв. ‘работа другого ничего’, т.е. ‘много работы’) [Νεοελληνική γραμματική 2005: 198–199].

Теоретические взгляды других греческих фразеологов основываются преимущественно на традициях российской и немецкой фразеологических школ. В. Моциу вводит в научный оборот в греческой лингвистике термин «фразеологизм» (φρασεολογισμός), используя его наравне с термином «фразеологическая единица» (φρασεολογική μονάδα), а также традиционным для Греции термином «идиоматическое выражение» (ιδιωτισμός). В работе «Στοιχεία λεξικολογίας» эти три термина используются как равнозначные [Μότσιου 1994: 248]. А. Париану, комментируя использование В. Моциу термина «фразеологизм», дает этому следующее объяснение: «Это, несомненно, вызвано ее [В. Моциу] многолетним пребыванием в бывшем Советском Союзе, — где она и родилась, — и обучением в Киевском и Московском университетах» [Παριανού 1998: 84]. В целом В. Моциу очевидным образом работает в русле взглядов В. В. Виноградова, классифицируя фразеологизмы главным образом по степени их семантической слитности и мотивированности значения. По мнению исследовательницы, в греческом языке можно выделить несвободные немотивированные лексические синтагмы и несвободные мотивированные лексические синтагмы. В число последних Моциу включает и лексические единицы, соотносимые с фразеологическими сочетаниями по Виноградову [Μότσιου 1987: 245–249].

Важной для нашего исследования является уже упоминавшаяся монография Х. Симеонидиса под названием «Введение в греческую фразеологию». По указанию самого автора, в этой работе учитываются труды В. В. Виноградова и особенно — Д. О. Добровольского, а также работы немецких фразеологов, в частности В. Фляйшера, являющегося, по мнению Симеонидиса, «связующим звеном между российской и немецкой фразеологическими школами» [Συμεωνίδης 2000: 12].

Х. Симеонидис предлагает различать фразеологизмы в узком понимании (идиомы) и фразеологизмы в широком понимании (паремии, антипаремии, речения, веллеризмы, народные мудрости и крылатые слова) [Συμεωνίδης 2000: 17–24]. В монографию Симеонидиса включен также отдельный параграф, посвященный описанию так называемых «фразовых моделей» (φραστικά μοντέλα). Согласно определению автора,

фразовые модели представляют собой «фразеологизмы с особой синтаксической и семантической структурой, значение которых не выводится из совокупности значений их лексического состава. Некоторые говорят об их синтаксической идиоматизации и моделированном характере» [Συμεωνίδης 2000: 83].

В качестве иноязычного соответствия термину «фразовые модели» в работе Х. Симеонидиса указывается термин В. Фляйшера «Phraseoschablonen», а многие примеры фразовых моделей представляют собой греческие аналоги немецких фразеосаблонов, описываемых в монографии Фляйшера [Fleischer 1982: 135–139]. Так, к фразовым моделям Симеонидис относит такие греческие конструкции, как *X είναι X* ‘X есть X’ (*Ο έρωτας είναι έρωτας* ‘любовь есть любовь’), *P₁ και δεν P₁* ‘P₁ и не P₁’ (*Εχει και δεν έχει ένα χρόνο*, букв. ‘имеется и не имеется один год’, т. е. ‘едва ли исполнился один год’), повтор тождественного существительного с парой антонимичных наречий типа *Εδώ X, εκεί X, πουθενά X* (*Εδώ ο γαμπρός, εκεί ο γαμπρός, πουθενά ο γαμπρός*, букв. ‘здесь жених, там жених, нигде нет жениха’, т. е. ‘жених так и не появился’), повтор существительного с предлогом (*χέρι με χέρι* ‘рука об руку’, *ώρα με την ώρα* ‘час от часу’) и пр. [Συμεωνίδης 2000: 83–85].

Некоторые фразовые модели, выделяемые Х. Симеонидисом в греческом языке, представляют собой полностью абстрактные структуры, не содержащие фиксированных лексических элементов в своем составе, и следовательно не могут быть отнесены к области фразеологии, несмотря на свои экспрессивные свойства. В частности, в греческих построениях типа *αυτός (και) φίλος;* ‘он (и) друг?’, соответствующих немецким конструкциям типа *Du und ein Schwimmer?!* ‘ты и пловец?!’ [Fleischer 1982: 138], не является строго обязательным употребление элемента *και* ‘и’, и в некоторых примерах, приводимых Х. Симеонидисом, этот элемент отсутствует (*Αυτή ωραία;* ‘она красивая?’, *Εσύ πρότανης;* ‘ты ректор?’).

Как реализации одной фразовой модели Х. Симеонидис рассматривает разные греческие пословицы, обладающие структурным сходством, например *Όποιος βιάζεται σκοντάφτει* ‘тот, кто спешит, спотыкается’, *Όποιος γελάει τελευταίος γελάει καλύτερα* ‘тот, кто смеется последним, смеется лучше’, *Ό,τι σπείρεις θα θερίσεις* ‘то, что посеешь, пожнешь’ и пр. [Συμεωνίδης 2000: 83–85].

Наконец, как «современные» фразовые модели (μοντέρνα φραστικά μοντέλα) Х. Симеонидис рассматривает окказиональные игровые модификации устойчивых выражений (заголовков книг, названий фильмов и пр.): «Под термином *современные или нестандартные модели конструкции* мы понимаем фразовые схемы / модели (Phraseoschablonen), создаваемые на основе заголовков книг, названий фильмов и телесериалов, рекламных слоганов и т.д. Речь идет о синтактико-семантических фразеологических моделях конструкции, в которых лексика выбирается по желанию. Их синтаксическая структура напоминает общеизвестный прототип, значение которого как модели сохраняется, но соответствующим образом обогащается лексически» [Συμεωνίδης 2000: 85–86]. Так, например, на основе названия книги С. Беккета «В ожидании Годо» (на греч. — *Περιμένοντας τον Γκοττό*) могут быть образованы такие фразы, как *Περιμένοντας τον Σιράκ* ‘в ожидании Ширака’, *Περιμένοντας τον Γκορμπатσόφ* ‘в ожидании Горбачева’ и пр. [Συμεωνίδης 2000: 85–86].

Множество ценных наблюдений в области новогреческой фразеологии содержат многочисленные работы М. Сетатоса (см., например, [Σετάτος 1992: 178–179; 1994b: 138–142; 1994d; 1994e; 1998: 167–169] и пр.). Наиболее полно взгляды Сетатоса на фразеологию отражены в его статье «Фразеологемы и фразеологизмы в стандартном новогреческом» [Σετάτος 1994c].

М. Сетатос подразделяет фразеологизмы новогреческого языка на два основных класса — «фразеологемы» (φρασεολογήματα) и «фразеологизмы» (φρασεολογισμοί). Выражения первого типа — фразеологемы — представляют собой, согласно Сетатосу, «механизмы производства новых фразеологических единиц, типы схем, где один член фразеологического единства остается стабильным (лексически и синтаксически), а какой-либо другой член или часть заменяется элементами синонимического или иного характера» [Σετάτος 1994c: 177–178]. Выражения второго типа — фразеологизмы — представляют собой «конкретные фразеологические единицы, не допускающие замен (парадигматических и / или синтагматических), обычно нечленимые и невариативные, разнообразной формы и с компонентами различной частеречной принадлежности» [Σετάτος 1994c: 179–180].

Выражения, приводимые М. Сетатосом в качестве примеров фразеологем, очень разнородны. Некоторые из них могут быть отнесены к классу фразеологизмов-

конструкций (например, *Δάσκαλος / μαθητής να σου πετύχει*, букв. ‘учитель / ученик чтобы тебе достался’, т. е. ‘плохой учитель / ученик’). Другие представляют собой структурно сходные идиомы — как выражающие сходное значение (*λόγια της καραβάνας / του αέρα*, букв. ‘слова каравана / ветра’, т. е. ‘пустые разговоры’), так и выражающие абсолютно разное значение (*μεταξύ φθοράς και αφθαρσίας* ‘между жизнью и смертью’, *μεταξύ τυρού και αχλαδίου*, букв. ‘между сыром и грушей’, т. е. ‘невнимательно, поверхностно’). Отдельные фразеологемы, выделяемые Сетатосом, представляют собой реализации одного и того же фразеологизма с разными словами-сопроводителями (*θύμωσε στα καλά καθούμενα* ‘рассердился ни с того ни с сего’, *άρχισε να φωνάζει στα καλά καθούμενα* ‘начал кричать ни с того ни с сего’). Наконец, некоторые фразеологемы представляют собой разные коллокации (*κάνω τηλέφωνο*, букв. ‘делать телефон’, т. е. ‘звонить’, *κάνω πόλεμο*, букв. ‘делать войну’, т. е. ‘воевать’) или даже отдельные слова (*βεβαίως* ‘конечно’, *ασφαλώς* ‘точно’) [Σετάτος 1994с: 177–179].

Большинство единиц второго класса, выделяемого М. Сетатосом, — фразеологизмы — соответствуют определению невариативных построений, однако некоторые из них вариативны. Так, Сетатос относит к фразеологизмам построение *να παιδί να μάλαμα* (букв. ‘вот ребенок вот золото’, т. е. ‘плохой ребенок’), однако в этом построении компонент *παιδί* ‘ребенок’ может быть заменен другим существительным, например *γαμπρός* ‘жених, зять’, *άντρας* ‘мужчина, муж’ и пр. В выражении *ένας βλάκας και μισός* (букв. ‘один дурак и половина’, т. е. ‘круглый дурак’) компонент *βλάκας* ‘дурак’ также может быть заменен другим оценочным словом, например *χωριάτης* ‘деревенщина’ [Σετάτος 1994с: 179–180]. Мы рассматриваем оба этих построения как фразеологизмы-конструкции.

Ни термин «фразовые модели», предложенный Х. Симеонидисом, ни термин «фразеологемы», предложенный М. Сетатосом, в дальнейшем другими греческими исследователями не использовались, а соответствующие этим терминам языковые явления не исследовались.

В настоящий момент в греческой лингвистике отсутствует единый или преобладающий подход к изучению фразеологических единиц. Некоторые греческие фразеологи, в частности А. Анастасиади-Симеониди, А. Эвфимиу, Т. Кириакопулу, А. Фотопулу, М. Мини [Αναστασιάδη-Συμεωνίδη, Ευθυμίου 2006; Μίνη, Φωτοπούλου

2009; Anastassiadis-Symeonidis, Fotopoulou, Kyriacopoulou 2020], развивают концепцию лексической грамматики М. Гросса [Gross 1982], основанную на трансформационной теории З. Харриса [Harris 1976]. Отдельные явления фразеологизации попадают в поле зрения немногочисленных греческих исследователей, работающих в русле Грамматики конструкций, таких как П. Фому и Я. Велудис [Thomou 2020; Βελούδης 2005].

Некоторые устойчивые синтаксические конструкции новогреческого языка, относимые нами к классу фразеологизмов-конструкций, получили свое описание в «Новогреческом синтаксисе» А. Дзардзаноса (первое изд. — 1928 г.) в большом разделе, посвященном анализу функционирования разнообразных греческих частиц (μόρια) [Τζάρτζανος 2016, т. 2: 131–257]. Это такие выражения, как *κάθε X και Y* (*Κάθε κορφή και φλόμπουρο*, букв. ‘каждая вершина и стяг’, т.е. ‘что ни вершина, то стяг’), *μονάχα πως δεν P* (*Μονάχα πως δεν έκλαιγε* ‘[он] только что не плакал’), *Πού να P* (*Μα πού να πειστή!* ‘Но где его уговоришь!’) и др. [Τζάρτζανος 2016, т. 2: 160, 174, 233].

Интерес к фразеологическим исследованиям, возникший в Греции в последние несколько десятилетий, сохраняется. В электронной базе греческого национального архива диссертаций [ΕΑΔΔ] содержится около двадцати работ на греческом языке, имеющих отношение к фразеологии и написанных в период с 1988 г. по настоящее время. Изучению паремий посвящены диссертации таких исследователей, как А. Дулаверас [Δουλαβέρας 1988], К. Бетти [Μπέττη 2000], О. Цакнаки [Τσακνάκη 2004], Э. Митула [Μιτούλα 2005], Ф.-Э. Эвангелинелли [Ευαγγελινέλλη 2006], К. Мандзарис [Μάντζαρης 2008], А. Папаиоанну-Спирулья [Παπαϊωάννου-Σπυρούλια 2010], Г. Церпес [Τσερπές 2019]. Идиомы исследуются в диссертациях М. Мини [Μίνη 2009], А. Хиоти [Χιώτη 2010] и Э. Хельми [Χέλμη 2011]. Описанию устойчивых сравнений посвящена работа В. Боллы-Мавриду [Μπόλλα-Μαυρίδου 1996], коллокаций — Р. Василиаду и П. Фому [Βασιλειάδου 2019; Θώμου 2006], ситуативных клише — А. Парриану [Παριανού 1998]. И. Галандомос рассматривает проблемы преподавания фразеологии [Γαλαντόμος 2008], К. Хадзифеодору — проблемы перевода устойчивых выражений [Χατζηθεοδώρου 2020], С. Зафири — вопросы заимствования разнообразных единиц лексикона и в том числе фразеологизмов [Ζαφείρη 2015]. В. Димопулу исследует широкий круг устойчивых выражений с компонентами, принадлежащими к

семантическому полю ‘природа’ [Δημοπούλου 2010], а А. Филосиду анализирует использование устойчивых выражений в политическом дискурсе [Φιλοσίδου 2019].

Значимой для развития греческой фразеологии и фразеографии является также работа по составлению сборников разнообразных идиоматичных выражений [Σαραντάκος 2000, 2013; Σκαρτσής 1997, 1998; Δημητρίου 1995; Παπαδόπουλος 1942–1948; 1950; 1953, 1955; Νατσούλης 2007; Brillouët, Kokkinidou-Maxime 2008], учебных пособий и практикумов по греческой фразеологии [Δεμίρη-Προδρομίδου, Νικολαΐδου-Νέστορα, Τρύφωνα-Αντωνοπούλου 2002], словарей разговорной речи и арго [Κάτος; Σκαρτσής 1999; Παπαζαχαρίου 1999]. Многие из этих работ были использованы в данной диссертации при описании новогреческих фразеологизмов-конструкций.

Выводы по главе 1

Анализ истории изучения устойчивых идиоматичных конструкций с лексически выраженным фиксированным компонентом и лексически не заданным переменным компонентом показывает, что эти конструкции, занимавшие место на периферии фразеологии или исключавшиеся из области фразеологии, в настоящее время представляют собой объект научного интереса как для фразеологов, так и для исследователей, работающих в русле синтаксических и когнитивных подходов, благодаря развитию корпусных методов исследования и появлению новых теоретических направлений в лингвистике.

Изменение научных представлений о фразеологизмах как о единицах, обладающих уникальным статусом в лексиконе, сопровождается расширением объекта фразеологии. Теоретическими предпосылками к этому стали работы как отечественных, так и зарубежных лингвистов, посвященные описанию нерегулярных явлений в пограничной области между фразеологией и синтаксисом, а также дискуссия фразеологов о возможности отнесения к объекту фразеологии единиц, демонстрирующих элементы моделирования и значимую вариативность. Важную роль в этом сыграли труды Н. Ю. Шведовой, Д. Н. Шмелева, И. И. Чернышевой, В. Фляйшера и других исследователей.

Наличие множества разных подходов к описанию подобных единиц привело к многообразию терминов для их обозначения, а также к различному пониманию объектов исследования, обозначаемых этими терминами. Наибольшее число исследований, посвященных идиоматичным синтаксическим конструкциям, сделано в рамках синтаксических теорий и подходов. Во фразеологии работ, посвященных подобным структурам, значительно меньше, так как основное внимание во фразеологии традиционно уделялось идиомам. Устойчивые идиоматичные конструкции с лексически выраженным фиксированным компонентом и лексически свободным переменным компонентом долгое время находились вне интереса исследователей и не включались во фразеологические классификации. Как отдельный класс фразеологизмов подобные конструкции были включены во фразеологическую классификацию А. Н. Барановым и Д. О. Добровольским.

Класс фразеологизмов-конструкций частично соотносится с языковыми явлениями, получившими описание в рамках Грамматики конструкций. При этом, однако, понятие конструкции значительно шире, чем понятие фразеологизма. Если Грамматика конструкций ставит перед собой задачу описания как можно большего числа разнообразных конструкций, то задача фразеолога — выделить из этого разнообразия конструкций те, которые отвечают не только критериям идиоматичности, но и критериям фразеологичности.

В современной греческой лингвистике фразеология как лингвистическая дисциплина изучена недостаточно. Теоретические взгляды многих греческих фразеологов основываются преимущественно на традициях российской и немецкой фразеологических школ. Структуры, соотносимые с фразеологизмами-конструкциями, привлекали внимание греческих лингвистов — как фразеологов (Х. Симеонидис, М. Сетатос), так и исследователей, занимающихся вопросами грамматики (М. Триандафиллидис) и синтаксиса (А. Дзардзанос). Тем не менее, полного описания на материале греческого языка подобные структуры пока не получили, что делает их исследование весьма актуальным.

Глава 2. Фразеологизмы-конструкции как особый класс фразеологических единиц

2.1. Понятие фразеологизмов-конструкций и их общая характеристика

Фразеологизмы-конструкции выделены как отдельный класс фразеологизмов в классификации А. Н. Баранова и Д. О. Добровольского наряду с идиомами, коллокациями, пословицами, грамматическими фразеологизмами и ситуативными клише. Это «синтаксически автономные выражения устойчивого состава, в которых пропущены некоторые элементы (актанты — обычные или пропозициональные). Причем фиксированные элементы конструкции, вместе с ее синтаксисом, характеризуются единым значением, приближающимся к лексическому» [Баранов, Добровольский 2014: 86].

В русском языке к фразеологизмам-конструкциям относятся такие построения, как *X — он и в Африке X; не X, а X-ище; всем X-ам X; тоже мне X; где уж нам P; [и] надо же P; вот тебе и P / X* и др. [Баранов, Добровольский 2014: 86–87]. В новогреческом языке как фразеологизмы-конструкции можно рассматривать такие построения, как *X να σου πετύχει* (букв. ‘X чтобы тебе случился’) со значением отрицательной оценки какого-либо объекта, *Από X άλλο τίποτα* (букв. ‘что до X другого ничего’) со значением неопределенно большого количества, *Πολύ που P* (букв. ‘очень / много что P’) и *Σιγά (να) μην (και) P* (букв. ‘тихо (чтобы) не (и) P’) со значением отрицания и многие другие.

Фразеологизм-конструкция включает два компонента различного типа: лексически выраженный фиксированный компонент, сохраняющий устойчивость во всех случаях употребления фразеологизма, и лексически не заданный переменный компонент, представленный одним или несколькими пустыми слотами, которые могут быть заполнены большим спектром слов или словосочетаний. Таким образом, фразеологизмы-конструкции можно охарактеризовать как своего рода «шаблоны с “пустыми местами”, которые заполняются в зависимости от контекста и коммуникативного намерения автора» [Баранов, Добровольский 2014: 86].

Как и фразеологизмам других классов, фразеологизмам-конструкциям свойственна идиоматичность. Идиоматичным является фиксированный компонент

фразеологизма-конструкции и его синтаксис, в то время как слова, формирующие переменный компонент, используются в своем прямом значении. Критерий неидиоматичности переменного компонента, буквальности, непереосмысленности значения слов, заполняющих пустой слот, позволяет отличить фразеологизм-конструкцию от идиомы с полностью переосмысленным компонентным составом.

Так, фразеологизм-конструкцию *Σιγά Χ* (букв. 'тихо Х') со значением оценки какого-либо объекта как не являющегося ценным, важным или значимым (*Σιγά το νέο*, букв. 'тихо новость', т.е. 'эта новость не имеет никакой ценности', *Σιγά την ομάδα*, букв. 'тихо команду', т.е. 'эта команда не имеет никакой ценности') следует отличать от идиом *σιγά τα ωά / αυγά* (букв. 'тихо яйца'), *σιγά τα λάχανα* (букв. 'тихо капусту'), *σιγά τα αίματα* (букв. 'тихо кровь') и *σιγά τον πολυέλαιο* (букв. 'тихо паникадило'). Перечисленные идиомы совпадают с фразеологизмом-конструкцией *Σιγά Χ* по своей структуре и отчасти по своему значению, также включающему семантический компонент негативной, пренебрежительной оценки чего-либо, как не представляющего большой ценности или интереса. Однако в составе идиом слова *τα ωά / τα αυγά* 'яйца', *τα λάχανα* 'капуста', *τα αίματα* 'кровь', *ο πολυέλαιος* 'паникадило' не являются обозначением конкретной, буквальной номинации, уместность которой отрицается, а представляют собой часть полностью идиоматизированного оборота, выражающего целостное значение.

Подобно этому необходимо различать фразеологизм-конструкцию *Τι Χ τι Υ* (букв. 'что Х что Y'), выражающий идею отсутствия значимого различия между двумя конкретными объектами, ситуациями или признаками (*τι Μπους τι Ομπάμα* 'что Буш, что Обама', *τι μια μέρα πριν, τι μια μέρα μετά* 'что днем раньше, что днем позже', *τι εδώ τι εκεί* 'что здесь, что там'), и идиомы *Τι Γιάννης τι Γιαννάκης* (букв. 'что Яннис что Яннакис'), *Τι Λωζάνη τι Κοζάνη* (букв. 'что Лозанна, что Козани'). И фразеологизм-конструкция *Τι Χ τι Υ*, и представленные идиомы построены по одной структурной модели и выражают сходное значение отсутствия значимого различия между двумя объектами, однако идиомы обладают полностью переосмысленным компонентным составом. Как подчеркивают А. Н. Баранов и Д. О. Добровольский, «переосмысленность всех компонентов фразеологизма характеризует именно идиомы — центральный класс фразеологической системы» [Баранов, Добровольский 2014: 89].

Наряду с идиоматичностью фразеологизмам-конструкциям свойственна устойчивость, являющаяся одним из неотъемлемых признаков любого фразеологизма. А. Н. Баранов и Д. О. Добровольский указывают на структурную устойчивость фразеологизмов-конструкций, характеризуя их в первую очередь как «устойчивые синтаксические конструкции» и подчеркивая, что единое значение фразеологизма-конструкции выражается фиксированной частью конструкции «вместе с ее синтаксисом» [Баранов, Добровольский 2014: 86, 88]. Структурная устойчивость новогреческих фразеологизмов-конструкций проявляется в стабильности их фиксированного компонента, а также в наличии ограничений на определенные синтаксические трансформации и наиболее часто — на перестановку компонентов фразеологизма-конструкции местами. Так, например, смещение позиции слота X в составе новогреческого фразеологизма-конструкции *X va sou (πε)τύχει* со значением отрицательной оценки (*Πατέρας va sou πετύχει*, букв. ‘отец чтобы тебе случился’, т.е. ‘плохой отец’, *Ηθοποιός va sou πετύχει*, букв. ‘актер чтобы тебе случился’, т.е. ‘плохой актер’), приведет к утрате этим фразеологизмом-конструкцией идиоматичности и его превращению в композициональное построение.

Структурная устойчивость фразеологизмов-конструкций тесно связана с обязательной для них, как и для всех фразеологизмов, узуальной устойчивостью. Согласно А. Н. Баранову и Д. О. Добровольскому, узуальная устойчивость относится к «восприятию и воспроизводству выражения в языковом сообществе» [Баранов, Добровольский 2014: 62]. Построения, характеризуемые как фразеологизмы-конструкции, регулярно воспроизводятся в речи носителей языка как готовые средства общения, обладают достаточной частотностью и нередко фиксируются в словарях как устойчивые выражения с пометой «фразеологизм». Актуальным для характеристики устойчивости, присущей фразеологизмам-конструкциям как построениям с частично фиксированным и частично вариативным лексическим наполнением, является замечание Н. Ю. Шведовой о том, что фразеологизированные конструкции «используются как готовый материал, “обновляемый” говорящим лишь в части знаменательного слова» [Шведова 1958: 94].

Узуальная устойчивость предполагает и наличие у каждого фразеологизма-конструкции определенного типового значения, остающегося постоянным во всех

случаях употребления этого фразеологизма. А. В. Величко, отмечая устойчивость предложений фразеологизированной структуры в русском языке, понимает под ней «постоянное, социально закрепленное соотношение данного лексико-грамматического состава и определенного смыслового содержания» [Величко 2016: 55].

Значение фразеологизмов-конструкций выражается их фиксированным компонентом и синтаксической структурой в целом и имеет «свойства лексической семантики» [Баранов, Добровольский 2014: 88]. Так, например, новогреческий фразеологизм-конструкция *Κάθε Χ και Υ* (букв. ‘каждый X и Y’, ср. рус. ‘что ни X, так Y’) выражает значение тождества или нераздельности существования объектов, обозначенных актантами X и Y (*Κάθε τραγούδι και μία ανάμνηση*, букв. ‘каждая песня и воспоминание’, т.е. ‘что ни песня, так воспоминание’, *Κάθε γυναίκα και μία αρθρογράφος*, букв. ‘каждая женщина и журналист’, т.е. ‘что ни женщина, так журналист’, *Κάθε τόπος και οι ίδιες ιστορίες*, букв. ‘каждое место и те же истории’, т.е. ‘что ни место, так одни и те же истории’). В свою очередь, фразеологизм-конструкция *Ούτε να Ρ* (букв. ‘ни если Р’) выражает значение сходства некой оцениваемой говорящим ситуации с ситуацией, обозначенной актантом Р (например, *Ούτε μεθυσμένος να ήταν*, букв. ‘ни пьяным если бы [он] был’, т.е. ‘[он] словно был пьян’, или *Ούτε απελευθέρωση να γιορτάζαμε*, букв. ‘ни освобождение если бы [мы] праздновали’, т.е. ‘[мы] словно праздновали освобождение’).

Критерий устойчивости значения, выражаемого фразеологизмами-конструкциями в разных контекстах, позволяет отличить этот тип фразеологизмов от иных нерегулярных построений, допускающих многозначность (ср., например, описание многозначных синтаксических фразем Л. Л. Иомдиным [Иомдин 2006]). В. Ю. Апресян отмечает, что «переход от более свободных к более фразеологизированным типам языковых единиц сопровождается сдвигом значения в сторону более сложного и специализированного» [Апресян 2015: 96].

В то время как фиксированный компонент фразеологизмов-конструкций наряду с их синтаксисом обладает идиоматичностью, устойчивостью и определяет значение фразеологизма, лексические единицы, образующие переменный компонент, напротив, используются в своем прямом значении, демонстрируют значимую вариативность и не участвуют в формировании типового значения. А. Н. Баранов и Д. О. Добровольский,

приводя в пример русское выражение *X — он и в Африке X*, указывают на то, что в строгом смысле слова лексическое наполнение слота не входит в состав фразеологизма-конструкции: «[...] в выражении *Кризис — он и в Африке кризис* слово *кризис* употреблено в прямом значении и не является частью фразеологизма-конструкции в точном смысле» [Баранов, Добровольский 2014: 87–88]. При этом, хотя конкретные лексические единицы, заполняющие слот, и не являются в строгом смысле слова частью фразеологизма-конструкции, сам слот входит в состав конструкции и при ее письменном воспроизведении должен быть каким-либо образом обозначен (например, с помощью символа *X*, *Y*, *P*). По мнению А. Н. Баранова и Д. О. Добровольского, «[ф]разеологизмы-конструкции соответствуют тому, что в логике называется “пропозициональной формой” — пропозицией, термы которой (иногда не все) заменены переменными» [Баранов, Добровольский 2014: 86]. Фразеологизм-конструкция становится законченным высказыванием и выражает законченную мысль только после заполнения всех своих слотов конкретными словами, и употребить его в речи можно только после наполнения переменного компонента.

Связь фиксированного и переменного компонентов фразеологизма-конструкции усиливается за счет семантических ограничений, накладываемых фразеологизмом на заполнение слота. А. Стефанович и С. Грис указывают на то, что «слово может появиться в конструкции, если оно семантически совместимо со значением этой конструкции (или точнее, с тем значением, которое конструкция закрепляет за конкретным слотом, где появляется слово)» [Stefanowitsch, Gries 2003: 213]. Так, например, слоты новогреческого фразеологизма-конструкции *X μπαίνει X βγαίνει* (букв. ‘X входит X выходит’), значение которого можно обозначить как ‘каждый X в течение долгого времени’, должны быть заполнены тождественными существительными со значением отрезка времени — *μέρα μπαίνει μέρα βγαίνει* (букв. ‘день входит день выходит’, т.е. ‘изо дня в день, день за днем’), *μήνας μπαίνει μήνας βγαίνει* (букв. ‘месяц входит месяц выходит’, т.е. ‘из месяца в месяц’), *αιώνας μπαίνει αιώνας βγαίνει* (букв. ‘век входит, век выходит’, т.е. ‘из века в век’). Слот фразеологизма-конструкции *Πιο X πεθαίνεις* (букв. ‘более X умираешь’), выражающего значение предельно высокой степени признака, должен быть заполнен обозначением какого-либо поддающегося

градации признака — *πιο χαζός πεθαίνεις* (букв. ‘более тупой умираешь’, т.е. ‘очень тупой’), *πιο αργά πεθαίνεις* (букв. ‘более медленно умираешь’, т.е. ‘очень медленно’).

Семантические ограничения, накладываемые фразеологизмом-конструкцией на наполнение слота, могут быть как более абстрактными, так и более специфичными (ср. абстрактное значение градуируемого признака в случае с фразеологизмом-конструкцией *Πιο Χ πεθαίνεις* ‘более X умираешь’ и более конкретное значение отрезка времени в случае с фразеологизмом-конструкцией *Χ μπαίνει Χ βγαίνει* ‘X входит X выходит’). В известной степени семантические ограничения определяют и степень продуктивности каждого фразеологизма-конструкции. Так, невысокую продуктивность фразеологизма-конструкции *Χ μπαίνει Χ βγαίνει* можно объяснить тем, что существительные со значением отрезка времени образуют в новогреческом языке сравнительно немногочисленную группу.

В тех случаях, когда слот фразеологизма-конструкции заполняется актантом, значение которого не соответствует накладываемым на слот ограничениям, может вступить в силу фактор конструктивного принуждения. Анализ употребления новогреческого фразеологизма-конструкции *Πιο Χ πεθαίνεις* в социальной сети Twitter показывает, что в отдельных случаях слот этого фразеологизма заполняется лексемами, обозначающими не поддающийся градации признак, например *πιο Έλληνας πεθαίνεις* (букв. ‘более грек умираешь’, т.е. ‘очень грек’) или *πιο Ερντογάν πεθαίνεις* (букв. ‘более Эрдоган умираешь’, т.е. ‘очень Эрдоган’). В этих случаях, однако, фразеологизм-конструкция принуждает лексическое наполнение слота обозначать градуируемый признак, актуализируя коннотативный потенциал актанта. Так, имя собственное (*Ερντογάν* ‘Эрдоган’), заполняя слот, начинает обозначать не конкретную личность, а совокупность оценочных признаков, ассоциирующихся с этой личностью в сознании носителей языка.

Помимо общих семантических и грамматических ограничений фразеологизм-конструкция может обладать и частными селективными предпочтениями. На это указывает Д. О. Добровольский, подразумевая под селективными предпочтениями конструкции более высокую частотность заполнения ее слота конкретными лексическими единицами [Добровольский 2016: 13]. На наш взгляд, селективные предпочтения можно усматривать не только в наличии у фразеологизма-конструкции

конкретных лексических фаворитов, более часто использующихся в составе фразеологизма-конструкции по сравнению с другими словами, но и в тенденции употребления фразеологизма-конструкции со словами определенной семантической группы или определенной оценочной окрашенности при отсутствии соответствующего семантического ограничения. Так, например, слот новогреческого фразеологизма-конструкции *Χ τον ανεβάζει, Χ τον κατεβάζει* (букв. ‘Х-ом его поднимает, Х-ом его опускает’) со значением постоянной, регулярной номинации заполняется обозначением конкретного имени или характеристики, данной объекту, — *φασίστα τον ανεβάζει, φασίστα τον κατεβάζει* (букв. ‘фашистом [он] его поднимает, фашистом его опускает’, т.е. ‘[он] постоянно называет его фашистом’), *καλλονή σε ανεβάζει, καλλονή σε κατεβάζει* (букв. ‘красавицей [он] тебя поднимает, красавицей тебя опускает’, т.е. ‘[он] постоянно называет тебя красавицей’). Корпусный анализ показывает, что актанты, заполняющие слот этого фразеологизма-конструкции, могут быть оценочно положительными (12% всех случаев) или оценочно нейтральными (6%), однако наиболее часто предпочтение отдается словам с отрицательной оценочностью (82%). Отсутствие явного семантического запрета на заполнение слота этого фразеологизма-конструкции словами с положительной оценочностью не позволяет рассматривать такую несоразмерность в частотности как семантическое ограничение, однако дает основания говорить о наличии выраженного селективного предпочтения.

Языковые явления, соотносимые с фразеологизмами-конструкциями, наблюдаются как в сфере предложения, так и в сфере словосочетания. «Русская грамматика» 1980 г., выделяя в русском языке группу предложений фразеологизированной структуры [Русская грамматика 1980, т. 2: 382–386], обращает также внимание на то, что и «[в] сфере словосочетаний очень большое количество единиц составляет промежуточную область между синтаксическими конструкциями и лексическими фразеологизмами»⁵ [Русская грамматика 1980, т. 2: 12]. В. Фляйшер при описании фразеошаблонов немецкого языка подчеркивает, что к ним могут относиться как «непредикативные словосочетания, так и структуры предложений» [Fleischer 1982: 136].

⁵ Ср. подход А. В. Величко, рассматривающей исключительно «предложения фразеологизированной структуры» [Величко 2016].

Мы разделяем фразеологизмы-конструкции новогреческого языка в зависимости от их синтаксической функции на:

(а) те, которые способны функционировать исключительно как самостоятельные предикативные единицы;

(б) те, которые могут и выступать как самостоятельные предикативные единицы, и входить в состав предложения в качестве одного из его формальных членов;

(в) те, которые используются преимущественно в качестве члена предложения.

Например, новогреческий фразеологизм-конструкция *Να Χ να μάλαμα* (букв. ‘вот Х вот золото’) со значением отрицательной оценки представляет собой готовую схему предложения, не допускающую дальнейшего распространения, и может использоваться в речи исключительно как независимое высказывание:

(1) — *Τίποτα δε μου είπε! φώναξε αγανακτισμένη η Μυρτώ. — Να αδελφή, να μάλαμα!* (Σίν.).

‘— Она мне ничего не рассказала! — возмущенно воскликнула Мирто. — **Вот так сестра!**’ (букв. ‘вот сестра, вот золото’).

Фразеологизм-конструкция *Από Χ άλλο τίποτα* (букв. ‘что до Х другого ничего’) со значением неопределенно большого количества Х способен функционировать как самостоятельная предикативная единица (пример 2), однако допускается и его включение в состав предложения в качестве формального сказуемого (пример 3):

(2) *Τον ρώτησα αν είχαν κανένα καβγαδάκι, πώς και έφυγε. — Εντάξει, από καβγαδάκια άλλο τίποτα.* (Μουρ.).

‘Я спросил его, не было ли у них скандала, с чего это она взяла и ушла. — Ну, **чего-чего, а скандальчиков хватало...**’ (букв. ‘что до скандальчиков другого ничего’).

(3) — *Έλα, ρε Αγησίλαε, μην το κάνεις μελό. Τα ζευγαράκια από καβγαδάκια άλλο τίποτα, αλλά και πώς να σε βοηθήσω.* (Μουρ.).

‘— Ну же, старина Агесилаос, давай без мелодрамы. **У парочек всегда скандалов хватает**, да и как я тебе помогу’ (букв. ‘парочки что до скандальчиков другого ничего’).

В свою очередь, новогреческий фразеологизм-конструкция *Χ μπαίνει Χ βγαίνει* (букв. ‘Х входит Х выходит’), выражающий значение ‘каждый Х в течение долгого

времени' обычно используется в составе предложения в качестве обстоятельства времени:

(4) *Κι όμως μήνας μπαίνει μήνας βγαίνει μ' αρπάζει τα μισά κέρδη!* (Σωτ.).

‘И всё же **из месяца в месяц** он отнимает у меня половину прибыли!’ (букв. ‘и всё же месяц входит месяц выходит он отнимает у меня половину прибыли’).

Характеристика общих особенностей фразеологизмов-конструкций как класса фразеологических единиц позволяет нам перейти к рассмотрению некоторых частных вопросов, касающихся функционирования каждого из компонентов фразеологизма-конструкции в отдельности.

2.2. Фиксированный компонент фразеологизма-конструкции

Фиксированный, или постоянный, компонент представляет собой лексически устойчивую часть фразеологизма-конструкции. Его наличие позволяет рассматривать языковые явления, соотносимые с фразеологизмами-конструкциями, с позиций фразеологии. Если устойчивая синтаксическая конструкция не имеет фиксированных лексем в своей структуре, она не может быть отнесена к области фразеологии, поскольку лексически выраженный компонентный состав является одним из категориальных признаков фразеологизмов. Как подчеркивает Д. О. Добровольский, «конструкция, не имеющая лексических “якорей”, не является фразеологизмом»⁶ [Добровольский 2013: 406].

Критерий обязательной лексикализованности фразеологизмов-конструкций позволяет отличить их от иных нестандартных синтаксических построений, обладающих идиоматичностью, однако при этом представляющих собой полностью абстрактные синтаксические схемы (ср., например, описание Д. Н. Шмелевым идиоматичных фразеосхем, «не связанных с определенными словами как таковыми» [Шмелев 1960: 50]).

Тогда как к традиционно выделяемым классам фразеологических единиц предъявляется требование однозначности, в случае с фразеологизмами-конструкциями вопрос о минимально требуемом количестве фиксированных

⁶ “[...] eine Konstruktion ohne lexikalische Anker ist kein Phrasem” [Добровольский 2013: 406].

лексических элементов в составе ставится не так категорично. Хотя и отмечается, что наличия одного фиксированного лексического элемента не всегда достаточно для того, чтобы рассматривать какое-либо построение как фразеологизм-конструкцию (см. соответствующее замечание в [Добровольский 2016: 12–13]), тем не менее, фразеологизмы-конструкции, фиксированный компонент которых включает всего один лексический элемент, существуют как в русском, так и в новогреческом языках. Это, например, русские конструкции типа *X как X* (*Обед как обед*), включенные в описание фразеологизмов-конструкций Д. О. Добровольским [Добровольский 2016: 12], и греческие конструкции *Σιγά X* (букв. ‘тихо X’) и *X είναι X* (букв. ‘X есть X’).

При отнесении к классу фразеологизмов-конструкций построений, фиксированный компонент которых включает всего один лексический элемент, учитывается комплекс параметров. Помимо общих требований идиоматичности, устойчивости и наличия одного типового значения, стабильно сохраняющегося во всех случаях использования конкретной конструкции, важным является и наличие у нее семантических ограничений на наполнение переменного компонента. Для греческого фразеологизма-конструкции *X είναι X* ‘X есть X’, описанию аналогов которого в других языках посвящено множество исследований (например, [Wierzbicka 1987: 106; Шмелев 1990; Апресян 1995: 168]), таким семантическим ограничением является обязательная коннотативная нагруженность тождественных актантов, заполняющих слоты. Ю. Д. Апресян, анализируя семантику русской конструкции *Война есть война*, отмечает: «У войны есть коннотации зла, бесчеловечности, аморальности, опустошения. Высказывание *Война есть война* уместно в любой ситуации, когда говорящий пытается объяснить слушающему, почему наблюдаемое положение вещей отклоняется от нормы добра, человечности, морали, порядка. Первая позиция в такой конструкции актуализирует собственно лексическое значение слова, а последняя — его коннотации» [Апресян 1995: 168].

Фиксированный компонент индивидуализирует синтаксическую конструкцию, лежащую в основе фразеологизма-конструкции, определяет типовое значение фразеологизма, его внутреннюю форму и степень образности, стилистические и интонационные характеристики. Лексическая выраженность, «материальность» этого

компонента позволяет выделить фразеологизм-конструкцию как фразеологическую единицу и включить его в систему лексикона конкретного языка.

Несмотря на устойчивость, присущую фиксированному компоненту фразеологизмов-конструкций, он также может проявлять некоторую вариативность.

В частности, фиксированный компонент фразеологизма-конструкции может демонстрировать вариативность в фонетико-орфографическом отношении, допуская различное написание или произнесение своих фиксированных лексических элементов. Как правило, этот вид вариативности обусловлен нормативным свойством некоторых лексических единиц иметь звуковые и / или графические варианты при сохранении своей грамматической формы. Примером может служить фразеологизм-конструкция *Από Χ άλλο τίποτε / τίποτα* (букв. ‘что до X другого ничего’, т.е. ‘много X’), один из фиксированных лексических элементов которого — слово *τίποτε* ‘ничего’ — имеет также вариант написания *τίποτα*⁷.

В некоторых случаях наличие вариантов графического оформления фиксированного компонента фразеологизма-конструкции свидетельствует об утрате живых мотивированных синтаксических связей между составляющими его элементами и компонентной непрозрачности. Так, новогреческий фразеологизм-конструкция *Χαρά σε Χ* (букв. ‘радость X-у’) со значением оценки какого-либо объекта, как не имеющего никакой ценности, важности или значимости (*Χαρά στο κακό*, букв. ‘радость беде’, т.е. ‘тоже мне беда’, *Χαρά στη δουλειά*, букв. ‘радость работе’, т.е. ‘тоже мне работа’), в 40% всех случаев своего употребления в корпусе текстов eTenTen14 имеет написание *Χαράς Χ* (*Χαράς το κακό*, *Χαράς τη δουλειά*). Разница в написании меняет облик этого построения, хотя и не влияет на его звучание и значение. Об утрате фразеологизмом-конструкцией *Χαρά σε Χ* компонентной прозрачности свидетельствуют не только различные варианты его графического оформления, но и различные мнения носителей греческого языка по поводу происхождения ключевого для данного фразеологизма-конструкции компонента *χαρά* ‘радость’. А. Стуйянидис исключает всякую связь этой конструкции с греческим словом *χαρά* ‘радость’ и возводит происхождение компонента *χαρά* к турецкому слову *haram* ‘запретный, недозволенный; харам’, заимствованному в греческий язык как наречие *χαράμι* со значением ‘зря, даром, бесполезно’: «Я думаю,

⁷ В некоторых контекстах встречается и стилистически маркированный вариант *Από Χ άλλο τίποτις*: «Και από αίγλη άλλο τίποτις!» ‘Что до блеска другого ничего!’ (Ψαθ.).

что говорили *Χαράμ[ι] το πράγμα*, т.е. *бесполезная вещь*. Ложной [является] этимологизация других греков, которые не знают турецкого языка и сочли, что [выражение] происходит от греческого *χαρά»* [www.stougiannidis.gr/hypoglossal/19.htm].

К вариативности на фонетико-орфографическом уровне можно отнести и нестабильность пунктуационного оформления некоторых фразеологизмов-конструкций при сохранении их коммуникативной функции. Так, греческий фразеологизм-конструкция *Τι Χ τι Υ* ('что X что Y') имеет в корпусе текстов eTenTen14 такие варианты пунктуационного оформления, как *Τι Χ, τι Υ* ('что X, что Y'), *Τι Χ, τι Υ;* ('что X, что Y?') или *Τι Χ; Τι Υ;* ('что X? что Y?') при этом функциональные характеристики этого фразеологизма-конструкции как оценочного высказывания, констатирующего отсутствие значимого различия между объектами X и Y, сохраняются.

На морфологическом уровне некоторые фразеологизмы-конструкции могут допускать модификации таких формальных характеристик своих фиксированных элементов, как число, вид и пр. В данном случае мы имеем в виду окказиональное варьирование фиксированного компонента, не связанное с необходимостью синтаксического согласования фразеологизма-конструкции с его внешним окружением. Например, греческий фразеологизм-конструкция *Τύφλα να 'χει Χ* (букв. 'слепоту_{sg} чтобы имел X'), выражающий значение превосходства какого-либо объекта над оценочным стереотипом X, в некоторых немногочисленных контекстах имеет форму *Τύφλες να 'χει Χ* (букв. 'слепоту_{pl} чтобы имел X') с субстантивным компонентом *τύφλα* 'слепота, ослепление' в форме множественного числа *τύφλες* (*Τύφλα / Τύφλες να 'χει το Παρίσι!* букв. 'слепоту_{sg/pl} чтобы имел Париж', т.е. 'Куда там какому-то Парижу!').

Фразеологизм-конструкция *Χ μπαίνει Χ βγαίνει* (букв. 'X входит X выходит', т.е. 'каждый X в течение долгого времени') иногда употребляется в форме *Χ μπαει Χ βγει* с глагольными компонентами *μπαίνει* 'входит' и *βγαίνει* 'выходит' в форме совершенного вида *μπει* 'войдет' и *βγει* 'выйдет'. На значение этого фразеологизма-конструкции подобные модификации не влияют: варианты *χρόνος μπαίνει χρόνος βγαίνει* (букв. 'год входит, год выходит') и *χρόνος μπαει χρόνος βγει* ('год войдет, год выйдет') семантически равнозначны.

Выявление всех потенциально возможных форм морфологического варьирования лексических «якорей» фразеологизма-конструкции часто представляет непростую задачу для исследователя.

Некоторые новогреческие фразеологизмы-конструкции проявляют вариативность и на лексическом уровне, когда какой-либо фиксированный лексический элемент в их составе заменяется другим, обладающим сходными семантическими или морфологическими чертами. Так, корпусный анализ показывает, что фразеологизм-конструкция *Να Χ να μάλαμα* ‘вот X вот золото’ со значением отрицательной оценки какого-либо объекта допускает замену фиксированного элемента *να* ‘вот’ на функционально близкий ему элемент *ιδού* (*Ιδού Χ ιδού μάλαμα*). Типовое значение фразеологизма-конструкции при этом остается неизменным, однако меняются его стилистические характеристики. Использование «книжной» и менее употребительной в разговорной речи частицы *ιδού*, сопровождающейся в современных словарях греческого языка пометой «ирон.» [ΛΚΝ], меняет общую стилистическую окраску фразеологизма-конструкции на более ироническую.

В отдельных случаях наличие лексических вариантов у фразеологизма-конструкции можно объяснить не столько семантической близостью варьирующихся элементов, сколько их внешним сходством. Так, фразеологизм-конструкция *Άμα Χ και δεν Χ* (букв. ‘если X и не X’), выражающий значение полного безразличия к реализации или отсутствию реализации ситуации, обозначенной актантами X (*Άμα έρθει και δεν έρθει!* букв. ‘если придет и не придет!’), т.е. ‘мне все равно, придет он или нет’), допускает замену союза *άμα* ‘если’ на союз *άρα* с основным словарным значением ‘значит’⁸. Возможность подобной лексической замены можно, по всей видимости, объяснить лишь внешним сходством элементов *άμα* и *άρα*, так как явного семантического сходства между ними нет.

Как проявление вариативности на лексическом уровне можно рассматривать и наличие у некоторых фразеологизмов-конструкций количественных вариантов, т.е. лексически расширенной и лексически усеченной версий фиксированного компонента. Новогреческий фразеологизм-конструкция *Αυτό κι αν είναι Χ* ‘это и если есть X’ со значением подлинности признаков характеризуемого объекта и его полного

⁸ В нескольких словарях рассматриваемый фразеологизм-конструкция зафиксирован в словарной статье слова *άρα* ‘значит’ [ΛΚΝ; Хориков, Малев 1980: 132].

соответствия номинации *X* допускает включение в состав своего фиксированного компонента отрицательной частицы *δεν* ‘не’ — *Αυτό κι αν δεν είναι X* ‘это и если не есть X’. Значение фразеологизма-конструкции при этом не меняется: оценочные высказывания *Αυτό κι αν είναι είδηση!* ‘это и если есть новость’ и *Αυτό κι αν δεν είναι είδηση!* ‘это и если не есть новость’ являются семантически равнозначными (ср. рус. *Это самая что ни на есть новость!*).

Возможность модификации фразеологизмов-конструкций на синтаксическом уровне в значительной мере ограничена. Тем не менее, иногда при анализе множества контекстов, в которых употребляются отдельные фразеологизмы-конструкции, можно выявить и случаи нарушения стандартной расстановки их компонентов. Так, например, фразеологизм-конструкция *X είναι X* ‘X есть X’ допускает изменение позиции одного из своих слотов: ср. *Η μάνα μάνα είναι* (букв. ‘мать мать есть’) вместо стандартного *Η μάνα είναι μάνα* (букв. ‘мать есть мать’). Очевидно, что в подобных случаях необходимо учитывать общее соотношение употреблений конструкции в стандартной и синтаксически модифицированной форме. Синтаксическая устойчивость является важным признаком класса фразеологизмов-конструкций, и частотность их употребления в модифицированном варианте не должна быть высокой.

Вариативность фразеологизмов-конструкций может быть связана не только с различного рода окказиональными или относительно регулярными модификациями их компонентного состава, но и с нормативной способностью некоторых лексических элементов, входящих в состав фиксированного компонента фразеологизма-конструкции, морфологически изменяться, вступая в связи со своим окружением. А. В. Величко, затрагивая вопрос вариативности предложений фразеологизированной структуры в русском языке, подчеркивает, что живые синтаксические связи между фиксированным и вариативным компонентами могут сохраняться: «Так как степень фразеологизированности у ФС [фразеологизированных структур] различна, в некоторых слова, образующие постоянный компонент, не утратили полностью, а только значительно ослабили свои грамматические и лексические признаки, и синтаксические связи между словами постоянного и свободного компонентов отчасти сохраняются» [Величко 2016: 75]. Это наблюдается и в случае с некоторыми греческими фразеологизмами-конструкциями. Так, в составе фразеологизма-конструкции *Τι X*

κι αυτός (букв. ‘что X и этот’), выражающего оценку объекта как неординарного или необычного, местоименный компонент *αυτός* как правило согласуется с существительным, заполняющим слот, в роде и числе: *Τι μήνας κι αυτός* (букв. ‘что месяц и этот’), *Τι δουλειά κι αυτή* (букв. ‘что работа и эта’), *Τι καλοκαίρι κι αυτό* (букв. ‘что лето и это’), т.е. *Вот это месяц / работа / лето!*.

Некоторые новогреческие фразеологизмы-конструкции способны вступать в синтаксические связи не только с актантами, заполняющими слот, но и со словами, находящимися за пределами своего компонентного состава. Например, в составе фразеологизма-конструкции *X τον ανεβάζει, X τον κατεβάζει* (букв. ‘X-ом его поднимает, X-ом его опускает’), выражающего значение неоднократной номинации или характеристики, глаголы *ανεβάζω* и *κατεβάζω* согласуются в лице и числе с субъектом номинации, обозначение которого находится за пределами компонентного состава фразеологизма, а также могут изменяться по временам и наклонениям в зависимости от требований контекста. Тождественные местоимения в составе этого фразеологизма-конструкции варьируются в зависимости от объекта номинации (*X την ανεβάζει, X την κατεβάζει*, букв. ‘X-ом её поднимает, X-ом её опускает’, *X μας ανεβάζει, X μας κατεβάζει*, букв. ‘X-ом нас поднимает, X-ом нас опускает’ и т.д.). Рассматриваемый вид вариативности фразеологизмов-конструкций во многом коррелирует с исходной способностью их фиксированных лексических элементов к морфологическому изменению, несмотря на то что в составе фразеологизма-конструкции эти элементы подвергаются — в большей или меньшей степени — десемантизации.

Способность фиксированного компонента фразеологизмов-конструкций к варьированию необходимо учитывать при проведении корпусного анализа этого типа фразеологических единиц.

2.3. Переменный компонент фразеологизма-конструкции

Переменный, или вариативный, компонент представляет собой лексически не заданную часть фразеологизма-конструкции, наполнение которой конкретными лексическими единицами, использованными в своем прямом значении, необходимо для употребления фразеологизма-конструкции в речи. А. Н. Баранов и Д. О. Добровольский

характеризуют переменный компонент как «пропущенные элементы», «пустые места», [Баранов, Добровольский 2016: 53], «слоты» [Добровольский 2016: 14] в структуре фразеологизмов-конструкций или их «валентности» [Баранов, Добровольский 2016: 54].

В. Ю. Апресян указывает на то, что «[н]аличие переменных позволяет отличить синтаксические фразеологические единицы от лексических фразем: синтаксические фразеологические единицы имеют переменные, т.е. варьирующиеся компоненты и, соответственно, неединственную реализацию» [Апресян 2015: 97]. В то же время, по мнению В. Ю. Апресян, «четкую границу между лексическими и синтаксическими фраземами по этому признаку провести не так просто: если фразеологическая единица не представляет собой законченное высказывание (т.е. поговорку или пословицу), то она имеет валентности, а следовательно, допускает варьирование». Так, русская идиома *подложить свинью* является двухвалентной: *Он подложил ей свинью, Она подложила ему свинью* и т.д. [Апресян 2015: 97].

Специфика переменного компонента фразеологизмов-конструкций, отличающая их от идиом, обладающих валентностью, хорошо видна на примере структурно простых и слабо лексикализованных фразеологизмов-конструкций, подобных русскому *X как X* со значением обычности признаков *X* (*Дом как дом, Праздник как праздник*) или греческому *X είναι X* ('X есть X'), указывающему на наличие у характеризуемого объекта всех признаков, ожидаемых от него в соответствии с его названием (*Ο πόλεμος είναι πόλεμος* 'война есть война', *Η μάνα είναι μάνα* 'мать есть мать'). Слабая лексикализованность этих фразеологизмов-конструкций позволяет заметить, что их идиоматичность связана не столько с переинтерпретацией элементов *как* или *είναι*, сколько с синтаксической некомпозициональностью всего построения в целом. При этом слоты являются такой же структурной составляющей этих конструкций, как и фиксированные элементы *как* и *είναι*. В противоположность этому Дж. Тейлор, указывая на наличие «слота» у многих английских идиом, таких как *do (one's) best, pull (someone's) leg* или *take advantage of (something / someone)*, характеризует этот слот как «внешний» (extrinsic) по отношению к идиоме [Taylor 2002: 553].

«Пустые места» в составе фразеологизмов-конструкций заполняются различными актантами — простыми (обозначаемыми в структуре фразеологизма-конструкции с помощью символов X / Y) или пропозициональными (P). Пропозициональным актантом,

согласно А. Н. Баранову и Д. О. Добровольскому, является актант, выраженный пропозицией: придаточным предложением, инфинитивной группой, неполной номинализацией, предикатом и пр. [Баранов, Добровольский 2016: 53].

Так, в составе новогреческого фразеологизма-конструкции *Ένας Χ και μισός* (букв. ‘один X и половина’) со значением высокой степени проявления признака слот обычно заполняется простым актантом, выраженным существительным или прилагательным: *Ένας χωριάτης και μισός* (букв. ‘один деревенщина и половина’, т.е. ‘ужасная деревенщина’), *Ένας γελοίος και μισός* (букв. ‘один смешной и половина’, т.е. ‘очень смешной’). Фразеологизм-конструкция *Τι Χ / Ρ₁ τι Υ / Ρ₂* допускает заполнение слотов как простыми актантами, так и пропозициональными: *Τι Σαμαράς τι Τσίπρας* (букв. ‘что Самарас что Ципрас’, т.е. ‘одинаковы и Самарас, и Ципрас’), *Τι να φύγει τώρα, τι να φύγει το καλοκαίρι* (‘что ему уехать сейчас, что ему уехать летом’). Слот фразеологизма-конструкции *Μόνο που δεν Ρ* (букв. ‘только что не Р’), выражающего значение полного приближения к признаку, может быть заполнен только пропозициональными актантами: *Μόνο που δεν τρελάθηκε* ‘только что с ума не сошел’, *Μόνο που δεν κλαίει* ‘только что не плачет’ и т.д.

Вариативность лексического наполнения переменного компонента обеспечивает фразеологизму-конструкции «неединственность реализации» [Апресян 2015: 97]. Переменный компонент не меняет смыслового содержания фразеологизма-конструкции, но конкретизирует это содержание, дополняя фразеологизм недостающим лексическим материалом. В. Ю. Апресян образно описывает взаимодействие между валентностями конструкции и их лексическим наполнением: «Центральным вопросом здесь является процесс взаимодействия между значением конструкции и значением заполняющих ее лексем. Этот семантический процесс можно метафорически описать следующим образом: если представить, что конструкция — это сосуд, а лексемы, заполняющие ее валентности, — это наливаемые в сосуд жидкости, то можно сказать, что разные жидкости в разной степени взаимодействуют с сосудом» [Апресян 2015: 131].

Лексическое наполнение слота способно варьироваться в пределах устанавливаемых фразеологизмом-конструкцией ограничений. А. Н. Баранов и Д. О. Добровольский подчеркивают: «Представление о том, что валентности в составе фразеологизмов-конструкций могут замещаться любыми актантами, не вполне

соответствует действительности» [Баранов, Добровольский 2016: 54]. Ограничения — семантические и грамматические — являются важным параметром фразеологизмов-конструкций, наряду с их формой и значением. Ю. Л. Кузнецова сравнивает семантические ограничения конструкции с «фильтрами, пропускающими более подходящие или не пропускающими неподходящие элементы» [Кузнецова 2011: 2].

Ю. Л. Кузнецова также указывает на то, что помимо собственно ограничений (также называемых «запретами») необходимо учитывать и «тенденции» употребления в составе конструкции определенных лексических единиц. Учет подобных тенденций, или, иначе, селективных предпочтений, является более продуктивным способом описания конструкции, чем описание одних только грамматических запретов [Кузнецова 2011: 3]. Согласно Ю. Л. Кузнецовой, изучение семантических тенденций конкретной конструкции требует составления «статистического профиля переменной», т.е. проведения корпусного анализа этой конструкции и выделения среди всех лексических единиц, пропускаемых ее «фильтрами», слов, «наиболее часто появляющихся в заданном слоте» [Кузнецова 2011: 2].

В то же время Д. О. Добровольский отмечает, что далеко не у всех фразеологизмов-конструкций есть выраженные селективные предпочтения, и часто лексическое наполнение слота очень разнообразно [Добровольский 2016: 17]. Это подтверждается и данными новогреческого языка. Корпусный анализ новогреческого фразеологизма-конструкции *Πολύ που Ρ* (букв. ‘много / очень что Р’) со значением отрицания (ср. рус. *Больно Р!*) показывает, что данный фразеологизм-конструкция обладает ярко выраженными селективными предпочтениями в отношении глаголов, объединенных общей семой ‘внимание, интерес’ (*voιάζομαι / voιάζει* ‘интересовать, -ся, заботить, -ся’, *ενδιαφέρω* ‘интересовать, вызывать интерес’), а также глаголов, обозначающих переживание субъектом неприятных эмоций или нравственных состояний (*σκοτίζομαι* ‘переживать, мучиться’, *καίω / καίγομαι* ‘тревожить, -ся, волновать, -ся’, *στεναχωριέμαι* ‘расстраиваться’ и пр.). На долю этих актантов приходится в совокупности около 84% всех случаев употребления рассматриваемого фразеологизма-конструкции в корпусе текстов, при том что главным лексическим фаворитом является глагол *voιάζομαι / voιάζει* ‘интересовать, -ся, заботить, -ся’, используемый в корпусе в 45% всех случаев. Напротив, фразеологизм-конструкция

Σιγά Χ (букв. ‘тихо Х’) со значением оценки какого-либо объекта, как не представляющего никакой ценности или значимости (ср. рус. *Тожe мне Х!*), не проявляет ярко выраженных селективных предпочтений, о чем свидетельствует корпусный анализ этой конструкции.

При изучении селективных предпочтений фразеологизма-конструкции необходимо учитывать специфику конкретного корпуса текстов, а также возможность влияния на полученные результаты экстралингвистических факторов. Примером этому может служить новогреческий фразеологизм-конструкция *Χ μα τι Χ* (букв. ‘Х но что [за] Х’) со значением исключительности, неординарности признаков Х (*Μια γυναίκα μα τι γυναίκα!* ‘женщина, но что [за] женщина!’). В 53% всех случаев употребления этого фразеологизма-конструкции в веб-корпусе eTenTen14 слоты заполняются существительным *προφήτης* ‘пророк’, тогда как все прочие лексемы используются не более одного раза. Столь высокая частотность употребления слова *προφήτης* может быть объяснена существованием и регулярным упоминанием в интернете прецедентного текста — греческой версии названия британской комедии «Monty Python’s life of Brian»: «Ένας προφήτης, μα τι προφήτης» (букв. ‘пророк, но что [за] пророк’). Анализ использования этого фразеологизма-конструкции в других текстовых источниках, в частности в произведениях художественной литературы, дает иные результаты. Можно предположить, что слово *προφήτης* ‘пророк’ не будет иметь высокую частотность употребления в литературных контекстах, не связанных с упоминанием фильма. Таким образом, статистический профиль, составленный на основании данных веб-корпуса eTenTen14, лишь частично отражает реальное употребление фразеологизма-конструкции *Χ μα τι Χ*.

Аналогичный пример представляет собой и новогреческий фразеологизм-конструкция *Πιο Χ πεθαίνεις* (букв. ‘более Х умираешь’) со значением предельно высокой степени признака. Анализ употребления фразеологизма-конструкции *Πιο Χ πεθαίνεις* в веб-корпусе eTenTen14 показывает, что среди всех актантов первое место по частотности занимает слово *έρωτας* ‘любовь’ (*Πιο έρωτας πεθαίνεις*, букв. ‘более любовь умираешь’, т.е. ‘сильная любовь’) (6% всех случаев). Наличие у рассматриваемого фразеологизма-конструкции такого лексического фаворита можно объяснить тем, что в июле 2012 года в Греции вышла и стала популярной песня «Πιο έρωτας πεθαίνεις», в то

время как веб-корпус eTenTen14 был создан в августе 2014 года и отражает пик цитирования названной песни. Анализ употребления фразеологизма-конструкции *Πιο Χ πεθαίνεις* в другом источнике — социальной сети Twitter — за более поздний период (декабрь 2020 года) показывает наличие совсем других лексических фаворитов (в частности *στημένο* ‘подстроенный, инсценированный’, *μαλάκας* ‘урод’), тогда как слово *έρωτας* ‘любовь’ встречается в новой выборке данных всего один раз.

Эти примеры показывают, насколько сильно могут повлиять на статистический профиль фразеологизма-конструкции экстралингвистические факторы, а также свидетельствуют о том, что статистический профиль фразеологизма-конструкции может не только варьироваться в зависимости от конкретного языкового материала, используемого для анализа, но и меняться с течением времени.

2.4. Анализ словарной репрезентации новогреческих фразеологизмов-конструкций

Поиск фразеологизмов-конструкций в словарях новогреческого языка свидетельствует об отсутствии в греческой лексикографии единого подхода к описанию этого типа фразеологизмов, а также указывает на существование ряда проблем, связанных с фиксацией в словаре продуктивных фразеологических паттернов.

Мы проанализировали то, как отображаются фразеологизмы-конструкции в наиболее известных и авторитетных одноязычных словарях новогреческого языка:

— «Практическом словаре новогреческого языка» Афинской академии под ред. Х. Хараламбакиса [Χρηστικό λεξικό 2014];

— «Словаре стандартного новогреческого языка» Института новогреческих исследований Университета имени Аристотеля в Салониках — так называемом «Словаре Триандафиллидиса» [ΛΚΝ];

— «Словаре новогреческого языка» Г. Бабиньотиса [Μλαμλινιώτης 2005].

Кроме академических словарей были также проанализированы некоторые сборники фразеологизмов:

— «Словарь народного и периферийного языка» Г. Катоса, куда вошло большое количество разговорных выражений и фразеологизмов, не зафиксированных в академических словарях [Κάτος];

— сборники устойчивых выражений «Το αλφαβητάρι των ιδιωματικών εκφράσεων» и «Λόγια του αέρα και άλλες 1000 παγιωμένες εκφράσεις» Н. Сарандакоса [Σαραντάκος 2000, 2013];

— сборники фразеологизмов «Φράσεις του λαϊκού λόγου» С. Скарциса [Σκαρτσής 1997, 1998].

Как показывает наш анализ, в новогреческих словарях еще не зафиксированы некоторые фразеологизмы-конструкции, появившиеся в языке в последние 10–20 лет, несмотря на широкое использование этих фразеологизмов в разговорной речи, социальных сетях и СМИ. Так, в словари пока не включен фразеологизм-конструкция *Πιο Χ πεθαίνεις* (букв. ‘более Х умираешь’, например, *Πιο όμορφος πεθαίνεις* ‘более красивый умираешь’, т.е. ‘очень красивый’), который, по нашим подсчетам, уже за период 2009–2012 гг. был употреблен в социальной сети Twitter более 20 тысяч раз [Онуфриева 2020: 612].

Иногда в словарях не фиксируются и некоторые фразеологизмы-конструкции, в состав которых входят только служебные слова или местоимения, очевидно в силу недостаточно «лексического» характера таких фразеологизмов. Например, в словарь Бабиньотиса не занесен фразеологизм-конструкция *Κάθε Χ και Υ* (букв. ‘каждый Х и Y’, ср. рус. ‘что ни Х, то Y’), фиксированная часть которого состоит только из местоимения и союза. В то же время в словарь Афинской академии этот фразеологизм занесен как устойчивое выражение с пометой *ΦΡ.* и многоточием на месте слотов [Χρηστικό λεξικό 2014: 737].

В некоторых случаях фразеологизм-конструкция не фиксируется в словаре как устойчивое выражение, однако значение, выражаемое им как единым целым, закрепляется в словаре за каким-либо словом, входящим в состав фиксированного компонента. Так, например, фразеологизм-конструкция *Χ να σου (πε)τύχει* (букв. ‘Х чтобы тебе случился’, т.е. ‘плохой Х’) не зафиксирован в словаре Бабиньотиса как устойчивое выражение, однако в словарь включена информация о том, что глагол *πετυχαίνω* ‘случаться’ может использоваться для выражения недовольства или иронии. При этом все примеры, иллюстрирующие в словаре такое значение глагола *πετυχαίνω*, представляют собой частные случаи реализации фразеологизма-конструкция *Χ να σου (πε)τύχει* — *Γαμπρός να σου πετύχει* (букв. ‘жених / зять чтобы тебе случился’, т.е. ‘плохой

жених / зять'), *Θέση να σου πετύχει* (букв. 'место чтобы тебе случилось', т.е. 'плохое место') [Μπαμπινιώτης 2005: 1396]⁹. На подобные случаи обращают внимание М. Мини и А. Фотопулу, отмечающие, что в греческой лексикографической практике нет четкого понимания того, что считать устойчивой фразой, а что — специфическим использованием глагола [Μίνη, Φωτοπούλου 2009: 500]¹⁰. Существенным недостатком подобного способа лексикографической репрезентации фразеологизмов-конструкций является отсутствие указания на то, что значение, закрепляемое словарем за отдельной лексемой, реализуется ей только в составе определенного фразеологического паттерна.

В тех случаях, когда новогреческие фразеологизмы-конструкции фиксируются в словарях в качестве устойчивых выражений с пометой *ΦΡ.* 'фразеологизм' или *έκφρ.* 'выражение', способы их репрезентации могут различаться. Так, фразеологизмы-конструкции могут включаться в словарь в словарную статью какой-либо из лексем фиксированного компонента с многоточием на месте слота. Например, фразеологизм-конструкция *Πολύ που Ρ* (букв. 'очень что Р', т.е. 'совсем не Р') приводится в словаре Афинской академии в статье наречия *πολύ* 'очень' в форме *πολύ που...* и сопровождается несколькими примерами заполнения слота, обозначенного многоточием, — *Πολύ που ασχολείται* (букв. 'очень что [он] занимается', т.е. '[он] совсем не занимается'), *Πολύ που τον ενδιαφέρει* (букв. 'очень что его [это] интересуется', т.е. 'его [это] совсем не интересуется') [Χρηστικό λεξικό 2014: 1315]. Оформление переменного компонента фразеологизмов-конструкций с помощью многоточия помогает, на наш взгляд, заострить внимание пользователя словаря на том, что представленное выражение является конструкцией с переменным компонентом.

Фразеологизмы-конструкции могут также фиксироваться в словаре без какого-либо указания на существование у них переменного компонента. Так, фразеологизм-конструкция *Μη σώσεις και Ρ* (букв. '[пусть] не добьешься и Р') со значением безразличия зафиксирован в словаре Бабиньотиса в форме *μη σώσεις* (букв. '[пусть] не добьешься'). Понять, что рассматриваемое выражение представляет собой идиоматичную конструкцию с переменным компонентом, можно только по

⁹ Для сравнения, в словаре Афинской академии и словаре Триандафиллидиса это выражение указано как устойчивое выражение с пометой «фразеологизм» и многоточием на месте переменного компонента X [Χρηστικό λεξικό 2014: 1277; ΛΚΝ].

¹⁰ «[...] δεν φαίνεται να συνάγεται αυστηρή τυπολογία [...] ως προς το τι είναι φράση παγιωμένη και τι είναι χρήση του ρήματος» [Μίνη, Φωτοπούλου 2009: 500].

приводимым в словаре примерам — *Μη σώσεις κι έρθεις!* (букв. '[пусть] не добьешься и приедешь', т.е. 'можешь хоть вообще не приезжать') [Μπαμπινιώτης 2005: 1731].

Также фразеологизмы-конструкции могут фиксироваться в новогреческих словарях в лексически заполненном виде — с конкретным словом на месте слота, подобно идиомам. В этом случае они описываются либо в словарной статье лексемы, являющейся частью фиксированного компонента фразеологизма-конструкции, либо в словарной статье лексемы, заполняющей слот. Такой способ лексикографической репрезентации фразеологизмов-конструкций также не позволяет пользователю словаря понять, что за выражениями, представленными в словаре как полностью устойчивые, стоят фразеологизированные конструкции, слот которых может быть заполнен широким спектром других лексем и словосочетаний.

Так, например, в разных новогреческих словарях зафиксированы как полностью устойчивые фразеологизмы выражения *Ούτε παραγγελία να το έκανα / είχα κάνει / το 'χαμε* (букв. 'ни заказ если бы я это сделал / мы это сделали', т.е. 'словно по заказу'), *Ούτε γαμπρός να ντυνόσουν / στολιζόσουν!* (букв. 'ни женихом если бы ты одевался / наряжался!', т.е. 'ты словно жених на свадьбу наряжаешься'), *Ούτε νύφη να ντυνόσουν / στολιζόσουν!* (букв. 'ни невестой если бы ты одевалась / наряжалась!', т.е. 'ты словно невеста на свадьбу наряжаешься'), *Ούτε σπεννοημένοι να 'μασταν!* (букв. 'ни сговорившимися если бы мы были!', т.е. 'мы словно сговорились') [Χρηστικό λεξικό 2014: 1193; ΛΚΝ; Κάτος]. Все эти выражения представляют собой частные случаи реализации одного и того же фразеологизма-конструкции *Ούτε να Ρ* (букв. 'ни если Р'). При этом корпусный анализ показывает, что частотность представленных в словарях частных реализаций фразеологизма-конструкции в реальном языковом использовании не является высокой, а некоторые из них не используются вообще, как например, *Ούτε γαμπρός να ντυνόσουν / στολιζόσουν!* 'ни женихом если бы ты одевался / наряжался!' и *Ούτε νύφη να ντυνόσουν / στολιζόσουν!* 'ни невестой если бы ты одевалась / наряжалась!'. На долю других вариантов реализации фразеологизма-конструкции *Ούτε να Ρ* приходится более 92% всех случаев его употребления в корпусе, однако с помощью словарей эти варианты идентифицировать невозможно, поскольку в словарях фразеологизм-конструкция *Ούτε να Ρ* зафиксирован в лексически заполненной форме в

словарных статьях пяти разных лексем, являющихся для него частью переменного компонента.

Предпочтительным решением в данном случае была бы фиксация фразеологизма-конструкции *Ούτε να Ρ* в словаре как устойчивого выражения с пометой «фразеологизм» в словарной статье союза *ούτε* ‘ни’, являющегося для рассматриваемого фразеологизма-конструкции основным «лексическим якорем» и идущего в составе фразеологизма первым по порядку. При этом необходимо было бы указать любым возможным способом на наличие у фразеологизма-конструкции переменного компонента — например с помощью многоточия (*Ούτε να...*), подчеркивания (*Ούτε να__*) или символа (*Ούτε να Ρ*). Так как подробное описание всех вариантов заполнения слота фразеологизма-конструкции не представляется возможным, было бы желательным кратко указать на тип актанта (в данном случае пропозициональный), а также по возможности — на семантические характеристики лексем, заполняющих слот. В качестве словарного значения было бы желательным представить типовое значение данного фразеологизма-конструкции, выражаемое только его фиксированным компонентом (значение уподобления и / или превосходства) и являющееся общим для всех случаев использования фразеологизма.

Необходимо подчеркнуть, что единого подхода к описанию фразеологизмов-конструкций в новогреческой лексикографии нет: один и тот же фразеологизм-конструкция может заноситься в разные словари в разной форме или присутствовать в одном словаре и отсутствовать в другом.

Проблема словарной репрезентации идиоматичных конструкций с переменным компонентом не ограничивается только греческой лексикографией. Недостаточную разработанность вопросов, связанных с синтаксической фразеологией, в российской лексикографической практике отмечают Л. А. Золотарева и Нгуен Ань Нам [Золотарева, Нгуен Ань Нам 2018: 27]. О проблемах с отображением идиоматичных выражений с открытым слотом в английских словарях пишет Р. Марти Солано [Martí Solano 2011, 2013].

Расширение объекта исследования фразеологии и перемещение в сферу ее теоретических интересов идиоматичных конструкций с переменным компонентом

неизбежно ставят новые задачи перед фразеографией и требуют разработки нового подхода к словарной репрезентации этого типа фразеологических единиц.

Выводы по главе 2

Фразеологизмы-конструкции представляют собой особый класс фразеологических единиц, обладающих, помимо общих для всех фразеологизмов признаков идиоматичности и устойчивости, некоторыми специфическими признаками, отличающими их от фразеологизмов других типов. Одним из этих специфических признаков является наличие в структуре фразеологизмов-конструкций переменного компонента, без наполнения которого конкретным лексическим содержанием фразеологизм-конструкция не может быть употреблен в речи. Переменный компонент не обладает идиоматичностью, а его лексическое наполнение способно варьироваться в пределах семантических и грамматических ограничений, устанавливаемых фразеологизмом-конструкцией. Непереосмысленность значения лексических единиц, заполняющих «пустые места», позволяет отличить фразеологизм-конструкцию от идиомы. Характерным признаком фразеологизмов-конструкций является также наличие у них жесткого структурного каркаса, как правило, не допускающего перестановки компонентов фразеологизма-конструкции местами.

Отнести рассматриваемый тип единиц к области фразеологии позволяет наличие в их структуре лексически выраженного фиксированного компонента, обладающего идиоматичностью, а также структурной и узуальной устойчивостью и определяющего значение фразеологизма-конструкции, остающееся неизменным во всех случаях его употребления.

Помимо семантических и грамматических ограничений на заполнение слота фразеологизмы-конструкции могут также иметь соответствующие селективные предпочтения. При проведении корпусного анализа фразеологизмов-конструкций необходимо учитывать тот факт, что выявленные селективные предпочтения могут являться результатом влияния экстралингвистических факторов. Кроме этого, подобно большинству других фразеологизмов, фразеологизмы-конструкции могут модифицироваться в речи, несмотря на присущую им устойчивость.

Как единицы лексикона фразеологизмы-конструкции должны фиксироваться в словаре. В то же время структурная сложность этого типа фразеологизмов, «двойственность» их природы затрудняет их словарное описание. Поиск языкового материала для данной диссертации в словарях новогреческого языка выявил ряд проблем, связанных со словарной репрезентацией идиоматичных построений с переменным компонентом. Некоторые фразеологизмы-конструкции, особенно малолексикализованные, не получают описания в словарях. При включении фразеологизмов-конструкций в словарь основную проблему представляет описание их переменного компонента. В одних случаях указание на существование переменного компонента в составе фразеологизма-конструкции присутствует в словаре в виде многоточия на месте слота, в других случаях фразеологизм-конструкция включается в словарь со слотами, заполненными конкретным лексическим содержанием. При этом разные реализации одного и того же фразеологизма-конструкции могут фиксироваться в словаре как разные устойчивые выражения. Наибольшую трудность для выявления фразеологизма-конструкции в словаре представляют случаи, когда фразеологизм фиксируется в словарной статье лексемы, которая входит в состав не постоянного, а переменного компонента.

Так как получение информации о фразеологизмах-конструкциях из словаря часто затруднено, при поиске фразеологических единиц этого типа нельзя ограничиваться только изучением словаря, а необходимо анализировать и другие источники за пределами словаря, в частности аутентичные тексты и разговорную речь. Недостаточная репрезентация фразеологизмов-конструкций в традиционных словарях (как и в исследованиях по синтаксису) указывает на необходимость создания особых словарей или перечней этого типа фразеологизмов. Это необходимо не только для теоретического исследования фразеологизмов-конструкций как объекта фразеологии, но и для их практического освоения при изучении новогреческого языка как иностранного, поскольку многие фразеологизмы-конструкции обладают большой частотностью употребления и являются неотъемлемой частью коммуникации носителей языка.

Глава 3. Структура и значение фразеологизмов-конструкций новогреческого языка

3.1. Структурные типы фразеологизмов-конструкций новогреческого языка

Фразеологизмы-конструкции новогреческого языка неодинаковы по своей структуре и по лексическому составу своего фиксированного компонента. В зависимости от этих различий мы выделяем в новогреческом языке следующие структурные типы фразеологизмов-конструкций:

1) фразеологизмы-конструкции, фиксированный компонент которых состоит только из служебных слов, местоименных слов или неполнозначительных глаголов;

2) фразеологизмы-конструкции, фиксированный компонент которых содержит формально знаменательные слова, подвергшиеся значительной десемантизации и утратившие семантическую прозрачность;

3) фразеологизмы-конструкции, фиксированный компонент которых содержит знаменательные слова, не утратившие полностью своего основного лексического значения и вносящие в план содержания фразеологизма-конструкции свою образность.

Деление фразеологизмов-конструкций на структурные типы является в значительной мере условным. В составе фиксированного компонента одного и того же фразеологизма-конструкции могут одновременно присутствовать слова, формально принадлежащие к разным классам, при этом для всех фразеологизмов-конструкций характерна идиоматизация фиксированного компонента и в той или иной степени утрата его фиксированными лексическими элементами своих лексических и грамматических свойств. В. Ю. Меликян, рассуждая о фразеосхемах русского языка, подчеркивает, что «[Г]оворить о лексико-грамматическом статусе обязательного опорного компонента в составе фразеосхемы не корректно, так как лексические элементы, составляющие его, как правило, десемантизируются в лексическом и грамматическом аспектах» [Меликян 2014: 167].

В то же время, по мнению Р. Лангакера, даже в тех случаях, когда идиоматические выражения характеризуются высокой непрозрачностью, подавляющее большинство из них в некоторой степени поддается анализу, а определенные оттенки

общего значения этих выражений можно объяснить присутствием в их составе определенных слов или морфем [Langacker 1987: 24].

Изучение лексического состава фиксированного компонента новогреческих фразеологизмов-конструкций позволит лучше понять специфику единиц этого класса в новогреческом языке, а также продемонстрировать их неоднородность по структуре, типу идиоматичности и степени образности внутренней формы.

3.2. Фразеологизмы-конструкции, образованные служебными словами, местоименными словами или неполнознаменательными глаголами

К первому структурному типу мы относим фразеологизмы-конструкции, фиксированный компонент которых полностью состоит из лексических элементов, изначально слабо нагруженных семантически, — служебных слов, местоименных слов и / или неполнознаменательных глаголов.

Так, в новогреческом языке можно выделить фразеологизмы-конструкции, фиксированная часть которых содержит только служебные слова — союзы, предлоги или непроизводные частицы, не имеющие, согласно своему определению, «живых словообразовательных связей и формальных соотношений со словами других классов» [Русская грамматика 1980, т. 1: 722].

Примеры подобных фразеологизмов-конструкций в новогреческом языке представлены в Таблице 1.

Таблица 1 — Фразеологизмы-конструкции, образованные служебными словами

ФК	Пример употребления	Перевод примера
1	2	3
<i>Ούτε να Ρ</i>	<i>Με άφησαν εκεί κι έφυγαν. Ούτε σκυλί να ήμουνα! (Μουρ.)</i>	‘Они бросили меня там и ушли. Даже с собакой так не поступают! ’ (букв. ‘ни собакой если бы я был’)

Продолжение таблицы 1

1	2	3
<i>Και δεν P</i>	<i>«Να σβήσω το τσιγάρο μου στο τασάκι σας;» [...] «Και δεν το σβήνετε!» (Σαμ., Λ.)</i>	‘«Я затушу свою сигарету в вашей пепельнице?» [...] « А мне то что, тушите! »’ (букв. ‘и не тушите ее’)
<i>Αμα / Αρα P₁ και (άμα / άρα) δεν / μη P₁</i>	<i>Ο Λελέγκος δεν πρόκειται να έρθει, είπε η μάνα μου [...]. — Αμα έρθει και δεν έρθει! φώναξε ο Γιάννης. (Ιορδ.)</i>	‘— Леленгос не придет, — сказала мама [...]. — Мне все равно, придет он или нет! — выкрикнул Яннис.’ (букв. ‘если придет и не придет’)
<i>P₁ κι αν P₁</i>	<i>Μπάλωσα κι αν μάλωσα παλιά ρούχα, Κύριε! (Σωτ.)</i>	‘ Вот уж поштопала я старой одежды, Господи! ’ (букв. ‘[я] поштопала и если поштопала старую одежду’)

Лексическим элементам, формирующим фиксированный компонент представленных фразеологизмов-конструкций, присуще максимально абстрактное значение, и их индивидуальный семантический вклад в общее значение фразеологизма-конструкции представляется не слишком значительным. По определению «Русской грамматики» служебные слова «не называют предметов и признаков» [Русская грамматика 1980, т. 1: 456]. Идиоматичность фразеологизмов-конструкций этой группы, таким образом, не связана с переинтерпретацией лексического значения их фиксированных элементов, а всецело основывается на нерегулярности и непрозрачности всей конструкции в целом.

В некоторых случаях непрозрачность подобных фразеологизмов-конструкций может быть объяснена тем, что они были образованы за счет структурной редукции какого-либо синтаксически регулярного построения. Согласно А. Н. Баранову и Д. О. Добровольскому, «[н]епрозрачность редуцированной формы характеризуется тем, что какое-то полное и вполне прозрачное выражение редуцируется до его отдельных фрагментов. Пропущенные составляющие семантически, однако, не исчезают, и тем

самым при понимании данного выражения требуются какие-то дополнительные усилия» [Баранов, Добровольский 2014: 54].

Так, образование греческого фразеологизма-конструкции *Ούτε να Ρ* (букв. ‘ни если Р’) можно, по всей видимости, связать с редукцией синтаксически регулярного построения *Ούτε να Ρ₁, (δεν) θα Ρ₂* (‘даже если бы Р₁, то бы не Р₂’), например, *Ούτε σκυλί να ήμουνα, δεν θα με άφηναν έτσι* (‘даже если бы я был собакой, они бы меня так не бросили’). В свою очередь, образование фразеологизма-конструкции *Αμα / Άρα Ρ₁ και (άμα / άρα) δεν / μη Ρ₁* (букв. ‘если Р₁ и (если) не Р₁’) можно объяснить структурной редукцией фразы *Δεν με νοιάζει / ενδιαφέρει άμα Ρ₁ ή άμα δεν Ρ₁* (букв. ‘меня не беспокоит / интересуется, если Р₁ или если не Р₁’, т.е. ‘меня не беспокоит / интересуется, Р₁ или не Р₁’), в котором союз *άμα* ‘если’ используется для ввода придаточной части.

Сказанное выше, разумеется, не означает, что определенный структурный тип фразеологизма-конструкции всегда имеет определенный вид идиоматичности. Идиоматичность редукции распространена не только среди фразеологизмов-конструкций, но и среди фразеологизмов других типов. А. Н. Баранов и Д. О. Добровольский, говоря о непрозрачности редуцированной формы как одном из факторов идиоматичности, в качестве примеров рассматривают русские идиомы (*от и до, как только так сразу* и др.) [Баранов, Добровольский 2014: 44].

Фразеологизмы-конструкции, фиксированный компонент которых содержит только служебные слова, наиболее близки к области синтаксиса. Эти фразеологизмы-конструкции почти не фиксируются в словарях новогреческого языка как устойчивые выражения с пометой *ΦΡ.* ‘фразеологизм’. Исключение составляют те немногочисленные случаи, когда подобные фразеологизмы фиксируются в словаре с заполненными слотами. Именно в таком виде, как уже упоминалось ранее, занесен в несколько словарей новогреческого языка фразеологизм-конструкция *Ούτε να Ρ* — в одной из своих частных реализаций *Ούτε παραγγελία να το έκανα / είχα κάνει / να το 'χαμε* (букв. ‘ни заказ если бы я это сделал / если бы мы это имели’, т.е. ‘словно по заказу’) [Χρηστικό λεξικό 2014: 1193; ΛΚΝ]. В остальных случаях значение, выражаемое фразеологизмом-конструкцией как единым целым, обычно описывается в словарях как одна из специфических функций какого-либо служебного слова, входящего в состав фиксированной части этого фразеологизма-конструкции.

Фразеологизмы-конструкции, фиксированный компонент которых содержит только служебные слова, наиболее сложны для корпусного анализа из-за высокой омонимии со структурами регулярного синтаксиса.

Следующую группу в рамках первого структурного типа составляют фразеологизмы-конструкции, фиксированная часть которых включает местоименные слова (как собственно местоимения, так и местоименные наречия типа *πού* 'где, куда').

Примеры таких фразеологизмов-конструкций в новогреческом языке представлены в Таблице 2.

Таблица 2 — Фразеологизмы-конструкции с местоименными словами

ΦΚ	Пример употребления	Перевод примера
1	2	3
<i>Από Χ άλλο τίποτα</i>	<i>Από λάθη βέβαια άλλο τίποτα.</i> (Μουρ.)	‘Чего-чего, а ошибок, конечно, хватает.’ (букв. ‘что до ошибок другого ничего’)
<i>Κάθε Χ και Υ</i>	<i>Τα Γεροσόλυμα, λέω είναι στ’ αλήθεια η πιο αλλόκοτη πολιτεία. Κάθε καμπαναριό και μια αίρεση.</i> (Τσίρ., Λ.)	‘— Иерусалим, — говорю я, — поистине самый чудной город. Что ни колокольня, так какая-нибудь ересь. ’ (букв. ‘каждая колокольня и ересь’)
<i>Τι Χ τι Υ</i>	<i>«Α, α, професέρ;» λέει, σαν να μπαίνει στο νόημα. Τι μαθητής, τι δάσκαλος! «Ναι, професέρ», του λέω.</i> (Βεν.)	‘«А, а, <i>професер?</i> » — говорит он, как будто начиная догадываться. Школьник или учитель — какая разница! «Да, <i>професер</i> », — отвечаю я’. (букв. ‘что школьник, что учитель’)

Продолжение таблицы 2

1	2	3
<i>Άλλο X άλλο Y</i>	<i>Θα μου πεις, άλλο παιδάκι επαρχιωτάκι και άλλο κυρία στας Αθήνας, και μάλιστα καλλιτέχνις! (Μάτ.)</i>	‘Ты скажешь: одно дело — девочка из провинции, а другое — афинская дама , да к тому же артистка!’ (букв. ‘другое девочка [...] другое леди [...]’)
<i>Άλλος X και αυτός</i>	<i>Η Μάρθα έμενε μακρινή και αδιάφορη. Άλλη Αλέκα κι αυτή. (Μουρ.)</i>	‘Марфа была по-прежнему далека и безучастна. Еще одна Алека. ’ (букв. ‘другая Алека и эта’)
<i>(P₁) και τι δεν P₁</i>	<i>Είπε και τι δεν είπε η Ιουλία. (Μουρ.)</i>	‘ И чего только не наговорила Юлия. ’ (букв. ‘сказала и что не сказала Юлия’)
<i>Τι X και αυτός / εκείνος</i>	<i>Τι μέρα και κείνη για το Μέλιο! Έφυγε σαν πεθαμένος. (Λουντ.)</i>	‘ Что за день для Мельоса! Он ушел словно убитый.’ (букв. ‘что день и тот для Мельоса!’)
<i>Πού να P</i>	<i>Τον έχεις ακουστά; Πού να τον έχεις... (Λουντ.)</i>	‘Ты о нем слышал? Где тебе о нем слышать... ’ (букв. ‘где чтобы [ты] о нем слышал’)
<i>Πού X για Y</i>	<i>Πόλεμος, Δεκέμβριος, εμφύλιος, πού νους για ταξίδια. (Ζέη, ΑΑ)</i>	‘Война, декабрь, гражданская, где тут думать о путешествиях. ’ (букв. ‘где ум для путешествий’)

Местоименные слова выражают дейктическое или референциальное значение и, подобно служебным словам, «не называют предметов и признаков» [Русская грамматика 1980, т. 1: 456]. Г. В. Федюнева отмечает, что «[м]естоимения часто выпадают из системных дейктических оппозиций и активно переходят в служебные слова. При этом они утрачивают семантику заместительности и указательности, приобретая широкий спектр модальных, субъективно-оценочных, экспрессивных значений» [Федюнева 2008: 175].

Идиоматичность фразеологизмов-конструкций этого типа также связана с их общей непрозрачностью, а также дополнительным семантическим «обесцвечиванием» фиксированных лексических элементов, изначально не слишком насыщенных по своему значению. Так, А. Дзардзанос обращает внимание на то, что в составе фразеологизма-конструкции *Τι Χ τι Υ* (букв. ‘что X что Y’) вопросительное местоимение *τι* ‘что’ утрачивает свою вопросительность и становится частью конструкции, выражающей значение равнозначности двух оцениваемых объектов [Τζάρτζανος 2016, т. 1: 151]. В составе фразеологизма-конструкции *Πού να Ρ* (букв. ‘где чтобы Р’), по мнению А. Дзардзаноса, также «совершенно не проявляется исходное значение» местоименного наречия *πού* ‘где’ [Τζάρτζανος 2016, т. 2: 233].

Для некоторых фразеологизмов-конструкций рассматриваемой группы характерна и нестандартная расстановка лексических элементов в фиксированной части, как например, в случае с фразеологизмом-конструкцией *Από Χ άλλο τίποτα*, местоименные элементы которого имеют нестандартное расположение *άλλο τίποτα* ‘другого ничего’ вместо стандартного *τίποτα άλλο* ‘ничего другого’.

Местоименные слова, подобно служебным, лишены номинативной функции. В то же время присутствие местоименных слов в составе фиксированного компонента значительно повышает степень «лексичности» фразеологизма-конструкции, о чем свидетельствует тот факт, что большинство фразеологизмов-конструкций, представленных в Таблице 2, включено в словарь Афинской академии в виде устойчивых выражений с пометой *ΦΡ.* ‘фразеологизм’ [Χρηστικό λεξικό 2014: 95, 737, 96, 1330, 95, 1038, 77].

Еще одну группу, выделяемую в рамках первого структурного типа, составляют новогреческие фразеологизмы-конструкции, фиксированный компонент которых включает глаголы с ослабленной знаменательностью — глаголы-связки (*είναι* ‘быть’, *θα πει* ‘значит’), полужнаменательные глаголы (*φαίνομαι* ‘казаться’), глаголы номинации (*λέω* ‘называть’) и др. Согласно «Русскому семантическому словарю» под редакцией Н. Ю. Шведовой, неполнознаменательные глаголы «объединяет один общий признак: такие глаголы сами по себе, вне условий речи, лишены способности именования определенных реалий — действий, поступков, состояний; функция

неполнозначительных глаголов — в широком смысле слова связующая» [Русский семантический словарь 2007, т. 4: XXIII].

Примеры новогреческих фразеологизмов-конструкций, в состав которых входят глаголы с ослабленной знаменательностью, приведены в Таблице 3.

Таблица 3 — Фразеологизмы-конструкции с неполнозначительными глаголами

ΦΚ	Пример употребления	Перевод примера
1	2	3
<i>Χ είναι Χ</i>	<i>Είτε παράθυρον, το πεις, είτε «φενέτρ», είτε Καππαδοκίαν... το παράθυρον είναι παράθυρον!</i> (Λουντ.)	‘Хоть «окном» его назови, хоть «фенетром», хоть «Каппадокией»... Окно — оно и есть окно! ’ (букв. ‘окно есть окно’)
<i>Αυτό θα πει Χ</i>	<i>Αυτό θα πει ζωή, αφεντικό· ζωή και κότα, έλεγε. (Καζ., ΑΖ)</i>	‘ Вот она — настоящая жизнь, хозяин, словно сыр в масле катаюсь... — говорил он.’ (букв. ‘это значит жизнь’)
<i>Αυτό κι αν (δεν) είναι Χ</i>	<i>Αυτό κι αν είναι τύχη!</i> (Μαν.)	‘ Вот это удача так удача! ’ (букв. ‘это и если есть удача’)
<i>Τι σου είναι Χ</i>	— <i>Μωρέ τι σου είναι αυτό το Κολωνάκι. Μέχρι και τα σκυλιά τους ακόμα μιλάνε γαλλικά!</i> (Ψαθ.)	‘— Это ж надо, что такое этот их Колонаки. У них тут и собаки говорят по-французски!’ (букв. ‘что тебе есть этот [район] Колонаки’)
<i>Αυτά έχει Χ</i>	« <i>Αυτά έχει ο πόλεμος</i> », του λέω, «δεν είν’ ανάγκη να το πάρεις τόσο κατάκαρδα». (Ταχ.)	‘« Война — она такая », — говорю ему я, — «не нужно принимать это так близко к сердцу»’ (букв. ‘это имеет война’)
<i>Χ το λες αυτό;</i>	[...] <i>στα καλά καθούμενα το λες εσύ αυτό;</i> (Μίσ.)	‘[...] это, по-твоему, «ни с того ни с сего»? ’ (букв. ‘ни с того ни с сего ты это называешь?’)

Продолжение таблицы 3

1	2	3
<i>Χ δεν θα πει τίποτα</i>	« Πολλή δε θα πει τίποτα! » με κάρφωσε. « Φο-βε-ρή! » (Σαμ., Λ.)	‘« Сказать сильная — ничего не сказать! » — оборвал он меня. « У-жас-ная! »’ (букв. ‘сильная не скажет ничего’)
<i>Χ είσαι και φαίνεσαι</i>	— <i>Πάρτε αυτή την τουαλέτα!</i> — <i>Το νεροχύτη; — Νεροχύτης είσαι και φαίνεσαι, ηλίθιε!</i> (Ψαθ.)	‘— Возьмите этот <i>toilette!</i> — Раковину? — Сам ты раковина, дурак! ’ (букв. ‘раковиной являешься и кажешься’)

Наличие глагола в составе фиксированного компонента этих фразеологизмов-конструкций обеспечивает их структурную связность, при этом интонационным центром конструкции в большинстве случаев выступает не глагол, а местоимение, входящее в состав фиксированного компонента, или актант, заполняющий пустой слот. Это объяснимо самой семантической опустошенностью неполнозначительных глаголов и их связующей функцией. Лишь в редких случаях интонационным центром фразеологизма-конструкции становится сам глагол, как например, в случае с *Χ είσαι και φαίνεσαι* (букв. ‘Х-ом являешься и кажешься’), где фразовое ударение устойчиво падает на глагол *φαίνεσαι* ‘кажешься’.

В зависимости от характера элементов, образующих их фиксированный компонент, фразеологизмы-конструкции этой группы отображаются в словарях по-разному. Так, в словари не занесена конструкция *Χ είναι Χ* ‘Х есть Х’, единственным фиксированным элементом которой является глагол-связка *είναι* ‘быть’. Это можно объяснить не только малой степенью лексикализации данного фразеологизма-конструкции, но и его слабой идиоматичностью, на что указывает Д. О. Добровольский при описании конструкции [X COPULA X] в немецком языке [Добровольский 2013: 408]. Более «лексичные» фразеологизмы-конструкции с тем же глаголом *είναι* ‘быть’, в частности, *Τι σου είναι Χ* ‘что тебе есть Х’ и *Αυτός κι αν (δεν) είναι Χ* ‘это и если (не) Х’, включены в словарь Афинской академии как устойчивые выражения с пометой *ΦΡ.* ‘фразеологизм’, однако в статье своих местоименных элементов *τι* ‘что’ и *αυτός* ‘этот’

[Χρηστικό λεξικό 2014: 1591, 290], а не глагола *είναι* ‘быть’. В свою очередь, фразеологизмы-конструкции, в состав которых входят глаголы *λέω* ‘говорить’, *φαίνομαι* ‘казаться’, *έχω* ‘иметь’, фиксируются как устойчивые выражения в словарных статьях соответствующих глаголов [Χρηστικό λεξικό 2014: 929, 1688, 649].

3.3. Фразеологизмы-конструкции, фиксированный компонент которых включает полностью десемантизированные знаменательные слова

Ко второму структурному типу мы относим фразеологизмы-конструкции, фиксированный компонент которых включает знаменательные слова, подвергшиеся значительной десемантизации и полностью утратившие в составе конкретного синтаксического построения семантическую прозрачность. Пользуясь формулировкой «Русской грамматики» 1980 г., эти фразеологизмы-конструкции можно охарактеризовать как построения «с утраченными или ослабленными грамматическими или прямыми лексическими значениями тех компонентов, с которыми связано выражение тех или иных субъективно-модальных значений» [Русская грамматика 1980, т. 2: 217].

Примеры таких фразеологизмов-конструкций в новогреческом языке приведены в Таблице 4.

Таблица 4 — Фразеологизмы-конструкции с десемантизированными знаменательными словами

ФК	Пример употребления	Перевод примера
1	2	3
<i>Σιγά (να) μην (και) Ρ</i>	— <i>Μμ!... τι λες, που θα στο δώσω! Σιγά να μη στο δώσω.</i> (Λουντ.)	‘— Э!... ты решил, что я тебе ее отдам? Так я тебе ее и отдал. ’ (букв. ‘ <i>тихо</i> чтобы [я] не отдал ее тебе’)
<i>Σιγά που Ρ</i>	<i>Και τα βιβλία που της δάνειζα; Σιγά που τα διάβαζε.</i> (Γκι.)	‘А книги, которые я ей давал? Так прямо она их и читала! ’ (букв. ‘ <i>тихо</i> что [она] их читала’)

Продолжение таблицы 4

1	2	3
<i>Σιγά Χ</i>	<i>Σιγά τη ζημιά!</i> (Καλ.)	‘Тоже мне серьезный ущерб!’ (букв. ‘ <i>тихо</i> ущерб!’)
<i>Δεν πα’ να Ρ</i>	— <i>Μα το βρήκα... διαμαρτυρόταν ο Αργύρης δειλά. — Δεν πα’ να το ’βρες; Και εγώ το παίρνω!</i> (Βεν.)	‘— Но это я нашел... — робко сопротивлялся Аргирис. — Ну и что, что нашел? А я забираю!’ (букв. ‘не <i>идет</i> чтобы [ты] это нашел?’)
<i>Μη σώσεις και Ρ</i>	« <i>Δεν κατεβαίνω στο επίπεδό σου, Τζένη!</i> » « <i>Μη σώσεις και κατέβεις!</i> » (Ζουμπ.).	‘«Я не стану опускаться до твоего уровня, Дженни!» « Можешь не опускаться! »’ (букв. ‘пусть не <i>добьешься</i> и опустишься’)
<i>Σώπα / Σωπάτε και Ρ</i>	<i>Σωπάτε και γλιτώσαμε από την τηλεόρασι, έστω και προσωρινά.</i> (Τσίμ.)	‘Наконец-то мы избавились от телевидения, пусть хоть и временно.’ (букв. ‘ <i>молчите</i> и мы избавились’)

Так, опорным элементом сразу нескольких фразеологизмов-конструкций со значением отрицания или негативной оценки является слово *σιγά*, за которым в новогреческом языке закрепились такие значения, как ‘тихо, негромко’, ‘медленно, небыстро’ или ‘аккуратно, осторожно’. В составе фразеологизмов-конструкций *Σιγά (να) μην (και) Ρ* ‘*тихо* (чтобы) не (и) Ρ’, *Σιγά που Ρ* ‘*тихо* что Ρ’, *Σιγά Χ* ‘*тихо* Χ’ слово *σιγά* полностью утрачивает свое словарное значение и семантическую прозрачность и сближается по своей функции с частицей, начиная выражать значение экспрессивного отрицания или негативной оценки. Можно говорить о том, что в составе данного построения *σιγά* грамматикализуется и переходит из категории знаменательных слов в категорию служебных, лексические значения которых — «это значения, абстрагированные от тех отношений, которые они выражают в предложении» [Русская грамматика 1980, т. 1: 456]. В составе фиксированного компонента фразеологизмов-конструкций *Δεν πα’ να Ρ* ‘не *идет* чтобы Ρ’, *Μη σώσεις και Ρ* ‘[пусть] не *добьешься* Ρ’, *Σώπα / Σωπάτε και Ρ* ‘*молчи(те)* и Ρ’ аналогичный статус приобретают глагольные

компоненты *πα'* 'идет', *σώσεις* 'добьешься, достигнешь', *σώπα / σωπάτε* 'молчи(те)', непрозрачность которых затрудняет буквальный перевод рассматриваемых фразеологизмов-конструкций на русский язык.

Идиоматичность фразеологизмов-конструкций этого структурного типа связана не только с их синтаксической нерегулярностью, но и с наличием в их составе фиксированных лексических элементов, характеризующихся высокой семантической непрозрачностью и не поддающихся буквальной интерпретации. Несмотря на то, что слова *σιγά* 'тихо', *πα'* 'идет', *σώπα / σωπάτε* 'молчи(те)' обладают большей «материальностью» по сравнению с простейшими служебными словами, они также не вносят значительного семантического вклада или образности в план содержания фразеологизмов-конструкций данного структурного типа, а лишь усиливают степень их непрозрачности и немотивированности значения.

Фразеологизмы-конструкции, в состав которых входят семантически непрозрачные знаменательные слова, часто фиксируются в словарях новогреческого языка как устойчивые выражения с пометой *ΦΡ.* 'фразеологизм'. Из шести фразеологизмов-конструкций, представленных в Таблице 4, три занесены в словарь Бабиньотиса как устойчивые выражения — *Σιγά (να) μην (και) Ρ* 'тихо (чтобы) не (и) Р', *Μη σώσεις και Ρ* '[пусть] не добьешься и Р' и *Δεν πα' να Ρ* 'не идет чтобы Р' [Μπαμπινιώτης 2005: 1589, 1731, 1398].

3.4. Фразеологизмы-конструкции, содержащие полнозначные знаменательные слова

К третьему структурному типу мы относим фразеологизмы-конструкции, в состав фиксированного компонента которых входят знаменательные слова, сохраняющие свою семантическую прозрачность и вносящие в план содержания этих фразеологизмов — в большей или меньшей степени — свою образность. Примеры подобных фразеологизмов-конструкций в новогреческом языке представлены в Таблице 5.

Это — наиболее «лексический» тип фразеологизмов-конструкций, сближающийся с идиомами. На возможность вхождения в состав фиксированного компонента фразеологизма-конструкции знаменательных слов косвенно указывают

А. Н. Баранов и Д. О. Добровольский, включая в свое описание фразеологизмов-конструкций русского языка выражение *X — он и в Африке X*, в состав которого входит семантически насыщенный и обладающий образностью компонент *Африка*, а также отмечая, что выражение *быть на X ноге*, практически утратившее в современном русском языке вариативность и превратившееся в идиому, в определенный исторический период также представляло собой фразеологизм-конструкцию [Баранов, Добровольский 2014: 86, 191].

Таблица 5 — Фразеологизмы-конструкции с полнозначными знаменательными словами

ФК	Пример употребления	Перевод примера
1	2	3
<i>Να X να μάλαμα</i>	— <i>Τίποτα δε μου είπε! φώναξε αγανακτισμένη η Μυρτώ. — Να αδελφή, να μάλαμα!</i> (Σίν.)	‘— Ничего она мне не сказала! — в негодовании воскликнула Мирто. — Ну и сестра! ’ (‘вот сестра вот золото’)
<i>Πιο X πεθαίνεις</i>	<i>Πιο ανιαρό, πεθαίνεις!</i> (Κεν.)	‘ Это же смерть какая скукота! ’ (букв. ‘более скучно умираешь’).
<i>Τύφλα να έχει X</i>	[...] <i>θα βγαιναν τα παράπονα ποτάμι — τύφλα να έχουν ο Μέριτς χι ο Арντά χι ο Τούντζα μαζί.</i> (Ξανθ.)	‘[...] упреки полились бы такой рекой — куда там рекам Мерич, и Арда, и Тунджа вместе взятым. ’ (букв. ‘слепоту чтобы имели и Мерич, и Арда, и Тунджа вместе’)
<i>X τον ανεβάζει, X / Y τον κατεβάζει</i>	<i>Αλλ’ η κυρα-Εκάβη, Φωτεινή την ανεβάζε, Φωτεινή την κατέβαζε, κι όταν ήταν στις τρυφερότητές της [...] την έλεγε χαϊδευτικά και Φώφη.</i> (Ταχ.)	‘Но кира-Экави все время называла ее «Фотини» , а когда была в ласковом настроении [...], звала ее и нежным «Фофи»’. (букв. ‘Фотини ее поднимала, Фотини ее опускала’)

Продолжение таблицы 5

1	2	3
<i>X μπαίνει, X βγαίνει</i>	<i>Άντε τώρα, βράδυ μπαίνει βράδυ βγαίνει στην Αθήνα, να βρεις τρόπο να το περάσεις χωρίς να τρελαθείς... (Πλασ.)</i>	‘Так ведь что ни вечер — она в Афинах, попробуй-ка пережить это и не сойти с ума’ (букв. ‘вечер входит, вечер выходит [она] в Афинах’)
<i>X και τα μάτια σου</i>	<i>«Την Ευσταθία και τα μάτια σας. Στα όπα όπα να την έχετε». (Μουρ.)</i>	‘« Чтоб с Евстафии — глаз не спускали. Пылинки с нее сдувайте»’ (букв. ‘Евстафию и ваши глаза’)
<i>X να δουν τα μάτια σου</i>	<i>Ρέουν τα λεφτά, λεφτά να δουν τα μάτια σου. Είναι μυστήριο από πού τα ξετρυπώνουν όλοι στη δύσκολη ώρα. (Ιωάν.)</i>	‘Льются деньги, деньги в бессчетом количестве. Загадка, откуда все их достают в трудный час.’ (букв. ‘деньги чтобы увидели твои глаза’)
<i>Εκεί να δεις / ακούσεις X</i>	<i>Εκεί να δεις υπολογισμούς. [...] μετρούσα και ξαναμετρούσα τους κινδύνους, το μπλέξιμο. (Μουρ.)</i>	‘ Надо было видеть эти расчеты. [...] я считал и пересчитывал риски, опасность.’ (букв. ‘там чтобы ты увидел расчеты’)
<i>X να σου (πε)τύχει</i>	<i>Ήρωας να σου πετύχει! Μόλις του σφίξαμε το χεράκι, άρχισε να σκούζει σαν γουρούνι που το σφάζουνε. (Τσαγκ.)</i>	‘ Тоже мне герой! Только мы ему сжали ручку, он стал визжать как свинья, которую режут.’ (букв. ‘герой чтобы тебе случился’)
<i>Χαρά σε X</i>	<i>Λίγο αργότερα, επί πρωθυπουργίας Μάξιμου η Πουλίτσα, ξεχνάω, πού να τους θυμάσαι κι όλας, χαρά στους πολιτικούς, αυτό τους έλειπε να θυμάμαι κι αυτώνών το όνομα [...] (Μάτ.)</i>	‘Немного позже, когда премьер-министром был Максимос или Пулицас, — запомнила, еще бы я их всех помнила, тоже мне политики, не хватало еще их имена держать в голове [...]’ (букв. ‘радость политикам’)

Продолжение таблицы 5

1	2	3
<i>Χ και άγιος ο Θεός</i>	<i>Δουλειά λοιπόν κι άγιος ο Θεός που λέμε, απ' το πρωί μέχρι το βράδυ. (Βασίλ.)</i>	‘Так что всё работа да работа, как говорится, с утра до вечера.’ (букв. ‘работа и святой Боже’)
<i>Χ και των γονέων</i>	<i>Με 16 λίρες το μήνα θα ζήση το αντρόγυνο; Πείνα και των γονέων! (Καρ., ΚΦ)</i>	‘Молодая пара будет жить на 16 фунтов в месяц? Это ж какой голод!’ (букв. ‘голод и родителей’)

Знаменательные слова являются семантическим центром фиксированного компонента фразеологизмов-конструкций третьего структурного типа и вносят в их план содержания свою образность, поддерживающую их актуальное значение. Так, значение предельно высокой степени или интенсивности, выражаемое фразеологизмом-конструкцией *Πιο Χ πεθαίνεις* ‘более Χ умираешь’, поддерживается присутствием в составе его фиксированного компонента слова *πεθαίνεις* ‘умираешь’, указывающего на естественно допустимый для живого существа предел интенсивности — физическую смерть. Слово *μάλαμα* ‘золото’ в фиксированной части фразеологизма-конструкции *Να Χ να μάλαμα* ‘вот Χ вот золото’ указывает на идеальный оценочный стереотип, при сопоставлении с которым реализуется значение отрицательной оценки объекта как не соответствующего оценочному стереотипу. Слово *τύφλα* ‘слепота’ в составе ФК *Τύφλα να έχει Χ* связывается носителем греческого языка со специфическим для греческой культуры оскорбительным жестом «мундза» (на это указывают Н. Сарандакос [Σαραντάκος 2013: 273] и А. Димитриу [Δημητρίου 1995: 394]). Сочетание *άγιος ο Θεός* ‘святой Боже’ в составе фразеологизма-конструкции *Χ και άγιος ο Θεός* соотносится носителем греческого языка с соответствующим церковным песнопением, довольно протяжным и длительным в греческой богослужебной практике, и таким образом передается значение высокой интенсивности и длительности характеризуемого состояния.

Степень образности фразеологизмов-конструкций третьего структурного типа может варьироваться в зависимости от степени семантической насыщенности их знаменательного лексического «якоря». Менее образной внутренней формой обладают

фразеологизмы-конструкции *Χ τον ανεβάζει*, *Χ/ Υ τον κατεβάζει* (букв. ‘Х-ом его поднимает, Х-ом/ У-ом его опускает’, т.е. ‘[он] постоянно называет его Х-ом’) и *Χ μπαίνει*, *Χ βγαίνει* (букв. ‘Х входит, Х выходит’, т.е. ‘каждый Х в течение долгого времени’). Глаголы *μπαίνω* ‘входить’ / *βγαίνω* ‘выходить’ и *ανεβάζω* ‘поднимать’ / *κατεβάζω* ‘опускать’, входящие в состав этих фразеологизмов-конструкций, представляют собой векторные антонимы, указывающие на противоположное перемещение объекта или противоположное движение субъекта в пространстве. Хотя и в меньшей степени, исходное значение этих глаголов также привносит в план содержания фразеологизмов-конструкций свою образность, рисуя образ ритмичного, маятникообразного движения с возвращением в исходную точку, и определяет часть семантики фразеологизмов-конструкций — значение множественности повторяющихся действий или постоянства ситуации. Глагол *πετυχαίνω* ‘случаться’ близок к неполнозначительным глаголам, однако его присутствие привносит в значение фразеологизма-конструкции *Χ να σου (πε)τύχει* (букв. ‘Х чтобы тебе случился’) дополнительные семантические оттенки случайности, произвольности, отсутствия выбора.

Знаменательные слова в составе фиксированного компонента фразеологизмов-конструкций третьего типа, в большей или меньшей степени нагруженные семантически и обладающие образностью, являются существенной частью внутренней формы этих фразеологизмов-конструкций и обогащают их значение. К. Шчешняк подчеркивает, что чем больше собственно лексического материала содержит конструкция, тем богаче выражаемое ей значение [Szcześniak 2014: 19].

Как правило, фразеологизмы-конструкции третьего структурного типа фиксируются в новогреческих словарях (за исключением отдельных неологизмов, таких, как например, *Πιο Χ πεθαίνεις* ‘более Х умираешь’) и наиболее легко поддаются корпусному анализу.

3.5. Структурные типы фразеологизмов-конструкций новогреческого языка в аспекте лексико-синтаксического континуума

Как фразеологические единицы с частично фиксированным и частично вариативным лексическим составом фразеологизмы-конструкции находятся на стыке фразеологии и синтаксиса. По мнению некоторых лингвистов (см. например, [Mollica, Schafroth 2018: 104; Benigni et al 2015: 282]), термин «фразеологизмы-конструкции», предложенный Д. О. Добровольским, наиболее удачно отражает положение структур, занимающих промежуточное место между фразеологизмами с фиксированным лексическим составом и свободными синтаксическими конструкциями, на лексико-синтаксическом континууме (Рисунок 1).

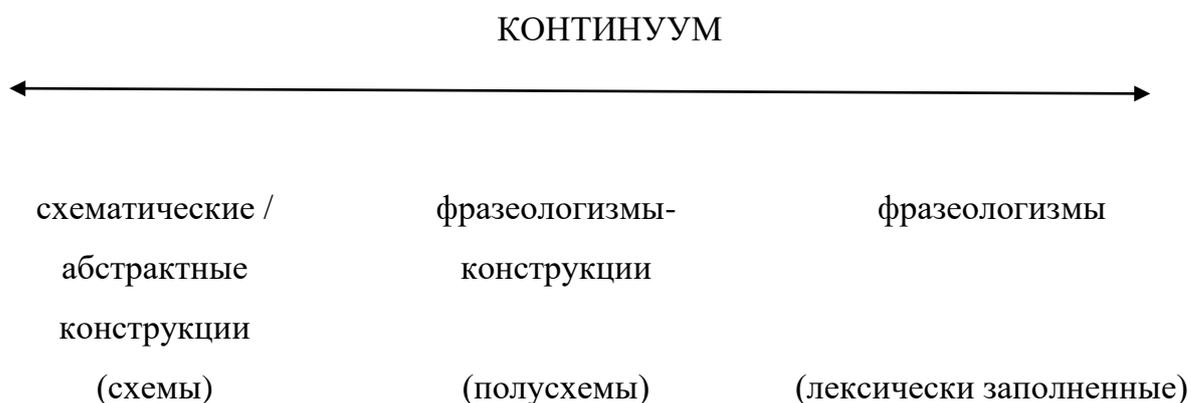

Рисунок 1 — Класс фразеологизмов-конструкций на лексико-синтаксическом континууме [Benigni et al 2015: 282]

Понятие лексико-синтаксического, или лексико-грамматического, континуума является одной из центральных идей когнитивной грамматики Р. Лангакера, отрицающей, в противовес генеративной грамматике Н. Хомского, возможность четкого разделения грамматики на отдельные компоненты-модули, одним из которых является лексикон. По определению Р. Лангакера, «лексикон, морфология и синтаксис образуют континуум символьных структур, которые различаются по многим параметрам, но могут быть разделены на отдельные компоненты лишь произвольно» [Langacker 1987: 3].

В пользу лексико-синтаксического континуума свидетельствует и тот факт, что многие языковые конструкции не вписываются в традиционное представление о синтаксисе как отвечающем за построение новых выражений по общему правилу и лексиконе как состоящем по большей части из однословных единиц, поскольку являются лишь частично продуктивными. В частности, это касается множества устойчивых выражений различного типа [Langacker 1987: 35–36; Broccias 2012: 736]. Кроме того, в некоторых случаях понять значение лексемы можно только опираясь на тип синтаксической конструкции, в которой она появляется [Langacker 2008: 240–241].

Согласно Р. Лангакеру, постулирование лексико-синтаксического континуума «не препятствует пониманию качественных различий между его разными областями» [Langacker 1987: 54]. В. Эванс и М. Грин отмечают, что у лексического полюса континуума сосредоточены единицы «с богатым и конкретным содержательным значением» (content meaning), в то время как у грамматического полюса — единицы со «схематическим значением» (schematic meaning) [Evans, Green 2006: 554–555]. При этом само понятие континуума предполагает отсутствие четкой границы между различными типами языковых единиц и наличие между ними переходных форм. К. Шчешняк, говоря о разнообразных грамматических конструкциях, указывает на то, что они не образуют единой группы — некоторые из них расположены ближе к грамматическому полюсу континуума, в то время как другие — ближе к лексическому [Szczęśniak 2014: 42]. По убеждению Р. Лангакера, даже единицы, относимые к одному классу языковых явлений, могут значительно друг от друга отличаться. Так, Лангакер указывает на то, что в рамках класса знаменательных слов можно найти лексические единицы, обладающие столь же малой степенью семантической нагруженности и столь же высокой степенью абстрактности, как и служебные слова [Langacker 1987: 18]. В свою очередь, грамматические единицы способны вносить собственный семантический вклад и определенную образность в конструкции, в которых используются [Langacker 1987: 19, 39].

Исследователи рассматривают с позиций лексико-синтаксического континуума различные языковые единицы: аффиксы [Berg 2015], отдельные синтаксические конструкции [Szczęśniak 2016], разнообразные типы идиоматичных выражений [Nenonen, Penttilä 2014] и др. На наш взгляд, класс фразеологизмов-конструкций,

объединяющий широкий спектр языковых явлений, как более грамматических, так и более лексических, также является показательным объектом для иллюстрации лексико-синтаксического континуума.

Структурные и семантические различия между разными типами фразеологизмов-конструкций новогреческого языка позволяют не только охарактеризовать их как единицы, занимающие промежуточное положение между синтаксисом и лексиконом, но также сделать вывод, что и сам класс фразеологизмов-конструкций в целом представляет континуум, так что одни фразеологизмы-конструкции приближаются к лексическим идиомам, а другие — к абстрактным синтаксическим конструкциям. Это заключение позволяет расположить рассматриваемый класс фразеологических единиц на лексико-синтаксическом континууме не локально, а протяженно (Рисунок 2).

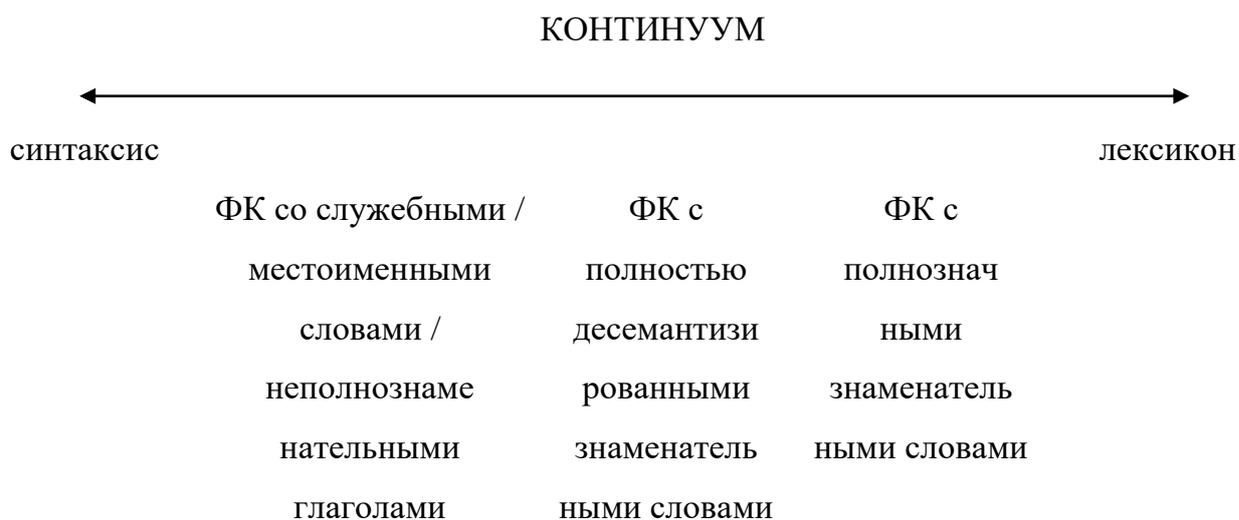

Рисунок 2 — Структурные типы фразеологизмов-конструкций
на лексико-синтаксическом континууме

Первый выделенный нами структурный тип фразеологизмов-конструкций — со служебными словами, местоименными словами и неполнознаменательными глаголами в фиксированной части (например, *Ούτε να Ρ* ‘ни если Р’, *Χ είναι Χ* ‘Х есть Х’ и другие фразеологизмы-конструкции, представленные в Таблицах 1, 2, 3 выше) — тяготеет, на наш взгляд, к синтаксическому полюсу континуума, где сосредоточены единицы с максимально абстрактным, схематическим значением (schematic meaning). Лексические

элементы, составляющие фиксированный компонент этих фразеологизмов-конструкций, лишены номинативной функции и не слишком нагружены в семантическом отношении. Для фразеологизмов-конструкций рассматриваемого типа не свойственна переинтерпретация собственно лексического значения фиксированных элементов. Идиоматичность этих фразеологизмов-конструкций связана, главным образом, с непрозрачностью рассматриваемых построений, их синтаксической нерегулярностью и дополнительным семантическим «обесцвечиванием» фиксированных лексических элементов. При этом в рамках первого структурного типа также присутствует градация по признаку большей или меньшей «лексичности». Наиболее близки к области синтаксиса фразеологизмы-конструкции, состоящие только из служебных слов, обычно не фиксируемые в словарях в качестве устойчивых выражений, в то время как фразеологизмы-конструкции с местоименными словами несколько более «лексичны» и попадают в словарь чаще.

Третий тип фразеологизмов-конструкций — с семантически прозрачными знаменательными словами (например, *Να Χ να μάλαμα* ‘вот X вот золото’, *Πιο Χ πεθαίνεις* ‘более X умираешь’ и другие фразеологизмы-конструкции, представленные в Таблице 5) — тяготеет к лексическому полюсу континуума, где сосредоточены единицы с функцией содержательного именованя (content meaning). Сохраняющие свою прозрачность знаменательные слова вносят в план содержания этих фразеологизмов-конструкций свою образность — в большей или меньшей степени, в соответствии со своим образным потенциалом. Фразеологизмы-конструкции, в фиксированный компонент которых входят знаменательные слова с яркой образностью, наиболее близки к лексическим идиомам: образная внутренняя форма является значимой частью их семантики. Другие фразеологизмы-конструкции рассматриваемого структурного типа содержат знаменательные слова, менее нагруженные семантически и образно и оценочно нейтральные. Как правило, все фразеологизмы-конструкции третьего типа фиксируются в словарях новогреческого языка.

К промежуточной зоне между лексическим и синтаксическим полюсами представленного континуума относятся фразеологизмы-конструкции второго типа — с десемантизированными и семантически непрозрачными знаменательными словами в составе фиксированного компонента (например, *Σιγά Χ* ‘тихо X, *Δεν πα’ να Ρ* ‘не идет

чтобы Р' и другие фразеологизмы-конструкции, представленные в Таблице 4). Из-за полной утраты этими словами своего исходного лексического значения, а иногда и категориальной принадлежности их индивидуальный содержательный и образный вклад в общее значение фразеологизма-конструкции представляется менее очевидным.

Таким образом, в структурном отношении фразеологизмы-конструкции новогреческого языка представляют собой неоднородный класс единиц. Понятие континуума можно распространить не только на этот класс в целом, но и на каждый из его структурных типов, между которыми и внутри которых наблюдаются градация выделяемых признаков и наличие переходных форм.

3.6. Семантические группы фразеологизмов-конструкций новогреческого языка

Как отмечают А. Н. Баранов и Д. О. Добровольский, фиксированный компонент фразеологизма-конструкции вместе с его синтаксисом «характеризуются единым значением, приближающимся к лексическому» [Баранов, Добровольский 2014: 86]. Наличие у фразеологизмов-конструкций устойчивого значения позволяет фиксировать их в словаре, как единицы лексикона, а также распределять разные фразеологизмы-конструкции по смысловым категориям на основании общности их семантики.

Анализ фразеологизмов-конструкций новогреческого языка показывает, что среди них есть единицы, обладающие общими семантическими признаками и выражающие сходное или противоположное значение. Это означает, что новогреческие фразеологизмы-конструкции можно дифференцировать не только на основании их структуры, но и на основании выражаемого ими значения.

По сравнению со структурным подходом к описанию фразеологизмов-конструкций семантический подход гораздо более практически ориентирован. А. В. Величко характеризует семантическую классификацию предложений фразеологизированной структуры русского языка как «наиболее эффективную и целесообразную», подчеркивая возможность ее практического применения в процессе преподавания языка как иностранного [Величко 2016: 124]. Несмотря на то, что структурный анализ фразеологизмов-конструкций не менее важен для теоретического осмысления этого класса фразеологических единиц, семантический подход,

несомненно, в большей степени актуален для лексикографической практики и сферы перевода.

Безусловно, любая семантическая классификация фразеологизмов, обладающих более сложным строением по сравнению со словом, не может считаться строгой, и в рамках одной смысловой категории не будет полных синонимов или антонимов. Отношения синонимии и антонимии во всей фразеологии затруднены различиями в категориальной принадлежности фразеологизмов, их индивидуальных семантических оттенках, внутренней форме, стилистических характеристиках, степени экспрессивности или частоте употребления в речи (на это указывают А. Н. Баранов и Д. О. Добровольский [Баранов, Добровольский 2014: 111, 113], К. Л. Киселева [Киселева 2011: 306] и другие исследователи). В случае с фразеологизмами-конструкциями к этим различиям могут добавиться различия в ограничениях на заполнение слота и селективных предпочтениях.

Само разделение языкового материала на семантические группы также не лишено субъективизма. Ю. Д. Апресян, говоря о принципах выделения семантических полей, указывает на то, что «единственного разбиения словаря на семантические поля [...] не существует; из любого семантического поля, через более или менее длинную цепочку посредствующих звеньев, можно попасть в любое другое поле, так что семантическое пространство языка оказывается в этом смысле непрерывным» [Апресян 1995: 252].

Предлагаемое в нашей диссертации распределение новогреческих фразеологизмов-конструкций по семантическим группам основано на имеющемся на текущий момент языковом материале. По мере накопления новых данных количество выделяемых семантических групп может быть увеличено. Представлены наиболее общие семантические группы, включающие по меньшей мере несколько фразеологизмов-конструкций¹¹.

¹¹ При анализе типового значения новогреческих фразеологизмов-конструкций и распределении их по семантическим группам в диссертации учитывались, помимо данных корпусов текстов, имеющиеся толкования этих фразеологизмов-конструкций в общеязыковых словарях (в частности [Χρηστικό λεξικό 2014; ΛΚΝ; Μπαμπινιώτης 2005] и пр.) и сборниках фразеологизмов новогреческого языка ([Σαραντάκος 2013; Κάτος; Δημητρίου 1995; Σκαρτσής 1997, 1998; Παλαδόπουλος 1955; Lexigram]). Также принимались во внимание принципы распределения лексических и фразеологических единиц по семантическим классам в «Русском семантическом словаре» под общей редакцией Н. Ю. Шведовой [2002а; 2002б; 2003; 2007], «Словаре-тезаурусе современной русской идиоматики» под редакцией А. Н. Баранова и Д. О. Добровольского [2007], классификация синтаксических фразеологизмов в работах А. В. Величко

1. Положительная или отрицательная оценка

К этой группе мы относим фразеологизмы-конструкции, типовое значение которых непосредственно связано с оценочными смыслами «хорошо» или «плохо». Согласно Е. М. Вольф, «[о]ценка как семантическое понятие подразумевает ценностный аспект значения языковых выражений, который может интерпретироваться как “А (субъект оценки) считает, что Б (объект оценки) хороший / плохой”» [Вольф 2002: 5–6]. В той или иной степени оценочный компонент присутствует в значении большинства новогреческих фразеологизмов-конструкций, однако лишь для некоторых из них оценка с детерминированным знаком «+» или «-» является основным семантическим содержанием.

Так, оценку со знаком «-» устойчиво выражают следующие новогреческие фразеологизмы-конструкции:

— *Χ να σου (πε)τύχει* (*Αδερφός να σου πετύχει!*, букв. ‘брат чтобы тебе случился’, т.е. ‘плохой брат’, *Ενοικιαστής να σου πετύχει*, букв. ‘арендатор чтобы тебе случился’, т.е. ‘плохой арендатор’);

— *Να Χ να μάλαμα* (*Να γαμπρός να μάλαμα!*, букв. ‘вот зять вот золото’, т.е. ‘плохой зять’, *Να δήμαρχος να μάλαμα!*, букв. ‘вот мэр вот золото’, т.е. ‘плохой мэр’).

Значение отрицательной оценки заложено в фиксированном компоненте этих фразеологизмов-конструкций и остается стабильным вне зависимости от того, какой лексемой выражен переменный компонент или в каком контексте находится фразеологизм. Функцией актантов, заполняющих слот этих фразеологизмов-конструкций, является обозначение объекта оценки, при этом сами актанты являются оценочно нейтральными. Как подчеркивает Е. М. Вольф, оценочные предикаты «хороший» или «плохой» сочетаются только с лексическими единицами, в значении которых присутствует аспектуальный компонент и не содержатся собственные оценочные семы [Вольф 2002: 62].

Согласно замечанию А. Н. Баранова и Д. О. Добровольского во фразеологии в целом преобладают единицы, выражающие отрицательную оценку [Баранов, Добровольский 2008: 406]. Е. М. Вольф также отмечает, что «способы отрицательной

[Величко 2016: 125–129] и М. В. Всеволодовой [Всеволодова 2017: 456–463], а также некоторые другие работы [Русская грамматика 1980; Логический анализ языка 1989, 1990, 2005, 2009; НОССРЯ 2003].

оценки более разнообразны в собственно семантическом плане» [Вольф 2002: 20]. Тем не менее, в новогреческом языке можно найти и отдельные фразеологизмы-конструкции, выражающие положительную оценку, например:

— *Σαν Χ δεν έχει* (*Σαν την Αθήνα δεν έχει*, букв. ‘как Афины не имеется’, т.е. ‘Афины прекрасны’, *Σαν το ελληνικό φαγητό δεν έχει*, букв. ‘как греческая еда не имеется’, т.е. ‘греческая еда превосходна’).

Необходимо отметить, что многие фразеологизмы-конструкции, описываемые в словарях новогреческого языка как средства выражения восторга или неодобрения, оказываются при их корпусном изучении экспрессивными высказываниями, положительная или отрицательная оценочность которых определяется не фиксированным компонентом, а семантикой актанта, заполняющего слот. Например, фразеологизм-конструкция *Αυτό θα πει Χ* ‘это значит Х’ характеризуется в словаре Афинской академии как выражение со значением «признания и восхищения» [Χρηστικό λεξικό 2014: 929], однако корпусное исследование показывает, что этот фразеологизм-конструкция легко сочетается с любыми оценочно-окрашенными актантами: как положительно-оценочными (*Αυτό θα πει ευτυχία!* ‘Это значит счастье!’), так и отрицательно-оценочными (*Αυτό θα πει κυνισμός!* ‘Это значит цинизм!’). Это свидетельствует о том, что собственное значение рассматриваемого фразеологизма-конструкции не связано с выражением оценочного смысла «хорошо», и к категории собственно-оценочных его отнести нельзя.

2. Ценность, важность, значимость объекта

В отдельную группу выделяются фразеологизмы-конструкции, значение которых подразумевает оценку какого-либо объекта с точки зрения его ценности, важности или значимости. Из них оценку объекта как не являющегося ценным, важным или значимым выражают следующие фразеологизмы-конструкции:

— *Σιγά Χ* (*Σιγά την αποκάλυψη*, букв. ‘тихо открытие’, т.е. ‘тоже мне открытие!’), *Σιγά τον παίκτη*, букв. ‘тихо игрок’, т.е. ‘тоже мне игрок!’);

— *Χαρά σε Χ* (*Χαρά στο κακό*, букв. ‘радость беде’, т.е., ‘тоже мне беда!’), *Χαρά στο δύσκολο*, букв. ‘радость трудности’, т.е. ‘тоже мне трудность!’).

Эти фразеологизмы-конструкции характеризуются негативной оценочностью и обычно описываются в словарях как средства выражения иронии, пренебрежения, неодобрения. Используя их, говорящий подчеркивает, что нечто, представленное ему как важное, значительное, ценное, на самом деле таковым не является. Одновременно с этим говорящий указывает на то, что сама номинация (X), выбранная в отношении характеризуемого объекта (*αποκάλυψη* ‘открытие’, *παίκτης* ‘игрок’), является неуместной, так как объект не обладает всеми признаками, с этой номинацией ассоциирующимися. В этом отношении значение представленных фразеологизмов-конструкций близко к значению отрицания (‘объект не является X’).

Новогреческие фразеологизмы-конструкции *Σιγά X* и *Χαρά σε X* имеют некоторое сходство с русскими именными построениями с частицей *тоже*. Согласно характеристике Н. Ю. Шведовой, построения типа *Тогда мне барыня! Тогда служитель искусства!* имеют значение «отрицания у предмета (обычно — лица) того основного качества, которое должно быть присуще ему в соответствии с его названием» и «всегда ярко окрашены выражением отрицательного отношения, насмешки, иронии» [Шведова 1960: 172].

В отличие от фразеологизмов-конструкций со значением оценки в узком смысле (‘плохой X’ / ‘хороший X’), рассматриваемые фразеологизмы-конструкции способны сочетаться с актантами, в значении которых содержатся собственные оценочные семы (например, *какó* ‘зло, беда’).

К рассматриваемой семантической группе мы также относим фразеологизмы-конструкции, основной функцией которых является выражение безразличия в отношении какой-либо ситуации и указания на то, что данная ситуация в целом находится вне сферы оценочных интересов говорящего. Значение, выражаемое фиксированным компонентом этих фразеологизмов-конструкций, можно обозначить как ‘мне безразлично, что (не) P’, ‘мне нет дела, P или не P’. К ним относятся, например:

— *Δεν πα' να P* (*Δεν πα' να το 'βρες*, букв. ‘не идет, чтобы [ты] это нашел’, т.е. ‘мне безразлично, что ты это нашел’, *Δεν πα' να λέει ό,τι θέλει*, букв. ‘не идет, чтобы [она] говорила, что хочет’, т.е. ‘да пускай она говорит, что хочет’);

— *Μη σώσεις και Ρ* (*Μη σώσεις κι έρθεις!*, букв. ‘пусть [ты] не добьешься и приедешь’, т.е. ‘мне безразлично, приедешь ты или нет’, *Μη σώσει και πεθάνει*, букв. ‘пусть [она] не добьется и умрет’, т.е. ‘мне безразлично, умрет [она] или нет’);

— *Άμα / Άρα Ρ₁ και (άμα / άρα) δεν / μη Ρ₁* (*Άμα σ' αρέσει κι άμα δεν σ' αρέσει!*, букв. ‘если [это] тебе нравится и если тебе не нравится’, т.е. ‘мне все равно, нравится [это] тебе или нет’, *Άμα έρθει και δεν έρθει!*, букв. ‘если [он] придет и не придет’, т.е. ‘мне все равно, придет [он] или нет’).

Представленные фразеологизмы-конструкции часто используются в диалогическом режиме как ответные реплики на сообщения, являющиеся для говорящего нежелательными, неприятными. Демонстрируя подчеркнутое безразличие к предмету сообщения, говорящий, на самом деле, не остается к этому сообщению равнодушным, а, напротив, испытывает разнообразные негативные эмоции — досаду, обиду, разочарование, неприязнь и пр. Об этом свидетельствует не только экспрессивность рассматриваемых фразеологизмов-конструкций и полемичность контекстов, в которых они употребляются, но и словарные толкования некоторых из них, где сообщается, что указанные выражения используются в ситуациях, когда не происходит что-то, чего мы желаем (так, например, интерпретируется выражение *(να) μη σώσει και...* в словаре Катоса [Κάτος]). Таким образом, значение безразличия, выражаемое этими фразеологизмами-конструкциями, не всегда коррелирует с истинной целью их употребления, и говорящий, устранившись от оценки, в действительности часто к предмету сообщения не безразличен.

Несколько иное значение и употребление имеют такие псевдovoпpocитeльнoе новогреческие конструкции, как *(Και) τι που Ρ* (букв. ‘(и) что что Р’) или *Τι κι αν Ρ* (букв. ‘что и если Р’). Используя их, говорящий не столько стремится продемонстрировать подчеркнутое безразличие к предмету сообщения, сколько оценивает какой-либо аспект ситуации как несущественный, не влияющий на результат. Эти построения лишены яркой пренебрежительной или полемической окраски и обычно используются в нейтральных контекстах со значением ‘ни на что не влияет, что Р’:

— *(Και) τι που Ρ* (*Και τι που υπάρχει κρίση*, букв. ‘и что что существует кризис’, т.е. ‘не имеет значения, что [сейчас] кризис’, *Και τι που κάνει ζέστη*, букв. ‘и что что жарко’, т.е. ‘не имеет значения, что жарко’);

— *Τι κι αν Ρ* (*Τι κι αν πέρασαν τα χρόνια*, букв. ‘что и если прошли годы’, т.е. ‘неважно, что прошли годы’, *Τι κι αν δεν πάρουμε πτυχίο*, букв. ‘что и если [мы] не получим диплом’, т.е. ‘не имеет значения, что мы не получим диплом’).

3. Подлинность признаков объекта, его соответствие определенной номинации

Значение подлинности признаков характеризуемого объекта и его полного соответствия используемой по отношению к нему номинации выражают такие новогреческие фразеологизмы-конструкции, как:

— *Αυτό θα πει Χ* (*Αυτό θα πει ελευθερία!* букв. ‘это значит свобода’, т.е. ‘вот она — свобода!’, *Αυτό θα πει ευτυχία!* букв. ‘это значит счастье’, т.е. ‘вот оно — настоящее счастье!’);

— *Αυτό κι αν (δεν) είναι Χ* (*Αυτό κι αν είναι τύχη!*, букв. ‘это и если есть удача!’, т.е. ‘это самая настоящая удача!’, *Αυτή κι αν δεν είναι είδηση!*, букв. ‘это и если не есть новость!’, т.е. ‘это самая что ни на есть новость!’).

В терминах лексических функций значение подлинности, истинности признаков характеризуемого объекта соответствует функции Ver, т.е. ‘истинный, правильный, соответствующий назначению’ [Мельчук 1999: 90]. Это значение осложняется дополнительным семантическим оттенком высокой степени проявления признаков, свойственных объекту: для того, чтобы характеризуемый объект был признан настоящим, истинным, он должен в максимальной степени обладать признаками идеального оценочного стереотипа. Фраза *Αυτό θα πει ζωή!* ‘это значит жизнь’ подразумевает, что в конкретной ситуации признаки, ассоциирующиеся в представлении говорящего с понятием ‘жизнь’, реализуются максимально полно. Аналогичные фразеологизированные построения в русском языке описываются Н. Ю. Шведовой. Так, фраза *То ли не жизнь* выражает, согласно Н. Ю. Шведовой, «характеристику называемого как безусловно положительного, “полноценного”» [Шведова 1960: 273].

Фиксированный компонент фразеологизмов-конструкций *Αυτό θα πει Χ* и *Αυτό κι αν (δεν) είναι Χ* лишен негативной окраски. Напротив, значение подлинности признаков

характеризуемого объекта, его соответствия определенной номинации приближает эти фразеологизмы-конструкции к положительному полюсу шкалы оценки, несмотря на то что они могут сочетаться и с негативно-оценочными актантами. Свидетельством этому служит тот факт, что, как уже отмечалось, фразеологизм-конструкция *Αυτό θα πει Χ* ‘это значит Х’ зафиксирован в словаре Афинской академии как выражение со значением «признания и восхищения» [Χρηστικό λεξικό 2014: 929].

4. Исключительность, необычность, неординарность объекта оценки

Особую группу фразеологизмов-конструкций в новогреческом языке составляют экспрессивные построения, значение которых указывает на то, что характеризуемый объект обладает некоторыми исключительными, необычными, неординарными признаками, отличающими его от всех других объектов этой же категории. Характер оценки указанных признаков как положительных или отрицательных при этом не задан и выводится из контекста. К этой группе относятся такие фразеологизмы-конструкции, как:

— (*Ένας*) *Χ μα / αλλά / και τι Χ* (*Μια γυναίκα μα τι γυναίκα!*, букв. [одна] женщина, но что [за] / какая женщина! *Ένα χαμόγελο μα τι χαμόγελο!*, букв. ‘[одна] улыбка, но что [за] / какая улыбка!’);

— *Τι Χ και αυτός / εκείνος* (*Τι Σαββατόβραδο κι αυτό!*, букв. ‘что [за] субботний вечер и этот!’, *Τι έρωτας κι αυτός!*, букв. ‘что [за] любовь и эта!’);

— (*Να*) *Χ μια φορά*¹² (*Νύφη μια φορά!*, букв. ‘невеста один раз’, т.е. ‘вот это невеста!’, *Σπίτι μια φορά!*, букв. ‘дом один раз’, т.е. ‘вот это дом!’).

Фразеологизмам-конструкциям рассматриваемой группы свойственна определенная информативная недостаточность. Смысловое акцентирование лексемы, заполняющей пустой слот, предполагает, что интерпретатор сообщения сам сделает выводы о том, какими именно неординарными признаками обладает характеризуемый объект, на основании ассоциативных признаков этой лексемы или общего контекста. Е. М. Вольф характеризует построения типа *Какой спектакль! Какая женщина!* как оценочные выражения с эксплицитным объектом оценки и имплицитной оценкой и

¹² На данную конструкцию, в настоящий момент, по всей видимости, устаревшую, обращает внимание А. Пападопулос в работе «Φρασεολογικά» [Παπαδόπουλος 1950: 17].

отмечает, что в них конкретный признак «должен быть выведен адресатом на основе имеющихся в его “картине мира” стереотипных представлений о возможных признаковых характеристиках объекта» [Вольф 2002: 183–184]. Иногда фразеологизмы-конструкции этой группы сопровождаются соответствующим пояснением, где указывается, в чем именно заключается необычность, неординарность признаков характеризуемого объекта, например: «Ἦταν παρῆα μονάχα με μιὰ γυναίκα, μιὰ τι γυναίκα! Κορμί σου κολαρίσσι, δέρμα σου ὠρῖο σιτάρι [...]» (Кар., МХ) ‘С ним была лишь одна женщина, но что за женщина! Стан как кипарис, кожа цвета спелой пшеницы’.

А. В. Величко и М. В. Всеволодова относят фразеологизированные предложения русского языка типа *Вот это X! Ну и X! Какой это X!* к семантической категории «недифференцированной оценки» [Величко 2016: 125; Всеволодова 2017: 458]. В «Русском семантическом словаре» под редакцией Н. Ю. Шведовой лексические единицы, «способные выражать оценку по признаку отношения к обычному, нейтральному» и выделяющие объекты с точки зрения их новизны, необычности, значимости, включаются в класс оценочно-характеризующих [Русский семантический словарь 2003, т. 3: 564, 574].

Имеющийся у нас языковой материал не содержит фразеологизмов-конструкций, значение которых указывало бы на полное соответствие характеризуемого объекта норме, его обычность (см., например, рус. *Дом как дом, Мальчик как мальчик*). Н. Д. Арутюнова, обращая внимание на то, что «норма имеет слабый выход в лексику», объясняет это тем, что «[с]тандарт не возбуждает ни интереса, ни эмоций. О том, что не отходит от нормы, обычно не делается сообщений» [Арутюнова 1988: 234].

5. Степень проявления признака или интенсивность состояния

Обширную группу составляют в новогреческом языке фразеологизмы-конструкции, типовое значение которых указывает на высокую (иногда — предельно высокую) степень проявления какого-либо признака или интенсивность некоторого состояния. К ним относятся такие фразеологизмы-конструкции, как:

— *Πιο Χ πεθαίνεις* (*Πιο γελοίος πεθαίνεις*, букв. ‘более смешной умираешь’, т.е. ‘очень смешной’, *Πιο ρωσικό πεθαίνεις*, букв. ‘более по-русски умираешь’, т.е. ‘очень по-русски, в высшей степени по-русски’);

— *Πιο Χ δεν γίνεται* (*Πιο μακριά δεν γίνεται*, ‘более далеко невозможно’, т.е. ‘очень далеко’, *Πιο φρέσκια δεν γίνεται*, букв. ‘более свежая невозможно’, т.е. ‘наисвежайшая’);

— *Χ δεν θα πει τίποτα* (*Ντροπή δεν θα πει τίποτα!*, букв. ‘стыд не скажет ничего’, т.е. ‘очень стыдно, сказать стыдно — ничего не сказать’, *Φωνάζω δεν θα πει τίποτα!*, букв. ‘кричу не скажет ничего’, т.е. ‘кричу очень громко, ору’);

— *Ένας Χ και μισός* (*Ένας βλάκας και μισός*, букв. ‘один дурак и половина’, т.е. ‘круглый дурак’, *Ένας φοβιτσιάρης και μισός*, букв. ‘один трус и половина’, т.е. ‘большой трус’);

— *Χ και των γονέων* (*Φόβος και των γονέων*, букв. ‘страх и родителей’, т.е. ‘сильный страх, ужас’, *Πείνα και των γονέων*, букв. ‘голод и родителей’, т.е. ‘сильный голод’).

— *Ρ₁ κι αν Ρ₁* (*Γελάσαμε κι αν γελάσαμε!*, букв. ‘[мы] посмеялись и если посмеялись’, т.е. ‘мы посмеялись от души’, *Είχε κι αν είχε αγριέψει η ψυχή μας*, букв. ‘ожесточилась и если ожесточилась наша душа’, т.е. ‘наша душа сильно ожесточилась’).

Несмотря на структурную, стилистическую и сочетаемостную разнородность фразеологизмов-конструкций рассматриваемой группы, типовое значение каждого из них можно свести к значению ‘очень’, что в терминах лексических функций соответствует функции Magn (об этом см., например, [Мельчук 1999: 89]). Переменный компонент этих фразеологизмов-конструкций выражается актантами, значение которых включает поддающийся градации признак — качественный, количественный или оценочный.

При этом, как уже отмечалось ранее, индивидуальные селективные предпочтения у фразеологизмов-конструкций, относимых к одной и той же смысловой категории, как правило, различаются. Так, фразеологизм-конструкция *Ένα(ς) Χ και μισό(ς)* (букв. ‘один Х и половина’) обычно сочетается со словами, представляющими собой негативно-оценочные обозначения человека (*χωριάτης* ‘деревенщина’, *κτήνος* ‘животное, тварь’, *γελοίος* ‘смешной, умора’). Слот фразеологизма-конструкции *Χ και των γονέων* ‘Х и родителей’ обычно заполняется обозначениями неприятных или негативно оцениваемых

состояний (*πείνα* ‘голод’, *φτώχεια* ‘бедность’, *φόβος* ‘страх’). В свою очередь, актант, заполняющий слот фразеологизма-конструкции *Χ δεν θα πει τίποτα* ‘Х не скажет ничего’, обычно обнаруживает тесную связь со своим антецедентом (— *Έγινε τίποτα;* — *Έγινε δεν θα πει τίποτα!* ‘— Что-то случилось? — Сказать «случилось» — ничего не сказать!’).

В новогреческом языке можно найти и отдельные фразеологизмы-конструкции, с формальной точки зрения обозначающие очень слабую степень проявления признака, близкую к нулевой, например:

— ***Πολύ που Ρ*** (*Πολύ που με νοιάζει!*, букв. ‘очень что меня [это] беспокоит’, т.е. ‘меня это мало беспокоит’, *Πολύ που τον τρέμω*, букв. ‘очень что [я] его боюсь’, т.е. ‘не слишком-то я его боюсь’).

Основным лексическим якорем рассматриваемого фразеологизма-конструкции является показатель степени (*πολύ* ‘очень’), сохраняющий свою смысловую прозрачность несмотря на семантическую инверсию. В то же время экспрессивность этого фразеологизма-конструкции приводит к тому, что значение минимальной степени проявления признака в реальном языковом употреблении переходит в значение полного отрицания, о чем свидетельствуют существующие словарные толкования этого фразеологизма, закрепляющие за ним значение ‘совершенно не’ [Χρηστικό λεξικό 2014: 1315; Μπαμπινιώτης 2005: 1442; ΑΚΝ].

6. Количество объектов

Основной функцией фразеологизмов-конструкций со значением количества является неопределенная, нечисловая квантификация однородных объектов, т.е. их оценка по шкале «много» — «мало». Значение неопределенно большого числа объектов выражают в новогреческом языке такие фразеологизмы-конструкции, как:

— ***Από Χ άλλο τίποτα*** (*Από μουσεία άλλο τίποτα*, букв. ‘что до музеев другого ничего’, т.е. ‘много музеев’, *Από αποτυχίες άλλο τίποτα*, букв. ‘что до неудач другого ничего’, т.е. ‘сплошные неудачи’);

— ***Από Χ άλλο καλό*** (*Από γυναίκες άλλο καλό*, букв. ‘что до женщин другого добра’, т.е. ‘много женщин’, *Από παραδάκι άλλο καλό*, букв. ‘что до денежек другого добра’, т.е. ‘много денежек’).

Помимо значения неопределенно большого количества, представленные фразеологизмы-конструкции могут также передавать идею количественного преобладания объектов или явлений и нехватки в описываемой ситуации иных объектов или явлений, возможно, представляющихся говорящему более предпочтительными.

Некоторые фразеологизмы-конструкции рассматриваемой группы способны выражать как значение большого количества, так и значение высокой степени признака:

— *Χ να δουν τα μάτια σου* (*Λεφτά να δουν τα μάτια σου*, букв. ‘деньги чтобы увидели твои глаза’, т.е. ‘много денег’, *Βροχή να δουν τα μάτια σου*, букв. ‘дождь чтобы увидели твои глаза’, т.е. ‘интенсивный дождь’);

— *Εκεί να δεις / ακούσεις Χ* (*Εκεί να δεις ελληνικές σημαίες*, букв. ‘там чтобы ты увидел греческие флаги’, т.е. ‘множество греческих флагов’, *Εκεί να δεις τρόμο*, букв. ‘там чтобы ты увидел ужас’, т.е. ‘сильнейший ужас’).

В целом, как отмечают А. Н. Баранов и Д. О. Добровольский, в идиоматике «смысл ‘много’ существенно более продуктивен, чем смысл ‘мало’» [Баранов, Добровольский 2008: 406]. Значение отдельных фразеологизмов-конструкций, выражающих значение крайне малого количества объектов, сближается со значением отрицания, полного отсутствия:

— *Πού Χ για Υ* (*Πού λεφτά για να 'ρθει να με δει!*, букв. ‘Где деньги, чтобы приехать навестить меня!’, т.е. ‘нет денег на то, чтобы приехать навестить меня’, *Πού καιρός για γιορτές!*, букв. ‘Где время для праздников!’, т.е. ‘нет времени для праздников’).

Переменный компонент всех фразеологизмов-конструкций рассматриваемой группы заполняется обозначениями объектов, допускающих количественное измерение.

7. Множественность и разнообразие объектов

В отдельную группу мы выделяем новогреческие фразеологизмы-конструкции, значение которых указывает не только на множественность предметов, лиц или локаций, имеющих отношение к описываемой ситуации, но и на их разнообразие, разнородность и принадлежность к множеству различных категорий. Это такие фразеологизмы-конструкции, как:

— (*P₁*) (*και*) *τι δεν P₁* (*Είπε και τι δεν είπε*, букв. ‘сказала и что [она] не сказала’, т.е. ‘[она] наговорила много чего’, *Και τι δεν έκανε*, ‘и что [он] не делал’, т.е. ‘[он] делал многое’);

— (*P₁*) *και πού δεν P₁* (*Πήγα και πού δεν πήγα*, букв. ‘ездил и куда [я] не ездил’, т.е. ‘[я] много куда ездил’, *Και πού δεν έχω δει Έλληνες να χορεύουν*, букв. ‘и где [я] не видел танцующих греков’, т.е. ‘[я] видел танцующих греков много где, в самых неожиданных и разных местах’);

— *Και ποιος δεν P₁* (*Και ποιος δεν ήρθε κοντά μου!* букв. ‘и кто только ко мне не пришел!’, *Και ποιος δεν ήταν εκεί!*, ‘И кого там только не было!’).

Значение представленных фразеологизмов-конструкций включает семантический оттенок полноты охвата разнообразных предметов, локаций и лиц, что сближает эти фразеологизмы-конструкции с кванторными словами *всё, везде, все*.

Соответствующие конструкции русского языка рассматриваются в «Русской грамматике» 1980 г. как синтаксические фразеологизмы со значением «множественности и разнообразия (субъектов, объектов, действий, обстоятельств)» с ослабленными прямыми значениями у местоименных слов и отрицания [Русская грамматика 1980, т. 2: 217].

8. Повторяемость действия или постоянство ситуации

Отдельную группу в новогреческом языке составляют разнородные по своим частным семантическим оттенкам фразеологизмы-конструкции, в значение которых входит общий смысловой компонент неоднократной повторяемости действия или постоянства ситуации. К ним относятся, например:

— *X τον ανεβάζει, X / Y τον κατεβάζει* (*Βλάκα τον ανεβάζει, βλάκα τον κατεβάζει*, букв. ‘[она] дураком его поднимает, дураком его опускает’, т.е. ‘[она] постоянно называет его дураком’, *Αδέρφια μας ανεβάζουν, αδέρφια μας κατεβάζουν*, букв. ‘[они] братьями нас поднимают, братьями нас опускают’, т.е. ‘[они] постоянно называют нас братьями’);

— *Από X μπαίνει και σε X βγαίνει* (*Από μίτινγκ έβγαине και σε μίτινγκ έμπαινε*, букв. ‘[он] с митинга выходил и на митинг входил’, т.е. ‘[он] постоянно ходил по митингам’),

Από φυλακή έβγαίνε και σε φυλακή έμπαινε, букв. '[он] из тюрьмы выходил и в тюрьму входил', т.е. '[он] постоянно сидел в тюрьме').

Несмотря на то, что конкретное действие, обозначаемое представленными фразеологизмами-конструкциями, индивидуально (ср. значение номинации / характеристики и значение участия в каком-либо мероприятии / пребывания в каком-либо заведении), общим для них является характеристика рассматриваемого действия как регулярно повторяющегося, постоянного.

Значение некоторых фразеологизмов-конструкций рассматриваемой группы включает семантический оттенок дистрибутивности, указывая не только на многократную повторяемость действия, но и на то, что субъектами этого действия являются разные лица, пребывающие при этом в разных точках пространства:

— *X (από) εδώ X (από) εκεί* (*Κύριε εδώ, κύριε εκεί*, букв. 'господин здесь, господин там', т.е. 'со всех сторон слышится обращение «господин»'), *Ντάρλιγκ εδώ ντάρλιγκ εκεί*, букв. 'дарлинг здесь, дарлинг там', т.е. 'со всех сторон слышится «дарлинг»').

Отметим, что многие фразеологизмы-конструкции этой группы характеризуются не только семантическим, но и структурным сходством. Так, все фразеологизмы-конструкции, приведенные выше, представляют собой двухчастные построения, ключевыми лексическими якорями которых являются антонимичные компоненты с локативной семантикой (антонимичные векторные глаголы или наречия места).

Сходной внутренней формой обладают и некоторые фразеологизмы-конструкции, выражающие значение узуальности и при этом функционирующие в составе предложения как обстоятельственные обороты:

— *X μπαίνει, X βγαίνει* (*Μήνας μπαίνει μήνας βγαίνει*, букв. 'месяц входит месяц выходит', т.е. 'из месяца в месяц, каждый месяц'), *Μάης μπαίνει Μάης βγαίνει*, букв. 'май входит май выходит', т.е. 'из мая в май, каждый май').

9. Тождество, различие, сходство

Значение, выражаемое фразеологизмами-конструкциями этой группы, предполагает сравнение двух и более объектов или ситуаций и выявление между ними отношений тождества, различия или сходства.

Часть фразеологизмов-конструкций рассматриваемой группы используется для одновременной оценки двух разных реально существующих объектов и указания на их тождество или различие. Значение, выражаемое фиксированным компонентом таких фразеологизмов-конструкций, можно обозначить как ‘X и Y являются одним и тем же’ или ‘X и Y не являются одним и тем же’. В этом случае речь идет о конкретном, а не образном сравнении. Примером таких фразеологизмов-конструкций в новогреческом языке могут служить следующие:

— *Τι Χ τι Υ* (*Τι ΠΑΣΟΚ τι Νέα Δημοκρατία*, букв. ‘что [партия] «ПАСОК», что [партия] «Новая Демократия»’, т.е. ‘[партия] «ПАСОК» и [партия] «Новая демократия» ничем друг от друга не отличаются’, *Τι τότε, τι σήμερα* ‘что тогда, что сейчас’, т.е. ‘прошлое и настоящее одинаковы’);

— *Άλλο Χ άλλο Υ* (*Άλλο Μάρτης, άλλο Νοέμβρης*, букв. ‘другое март, другое ноябрь’, т.е. ‘совсем не то же самое март и ноябрь, сравнили тоже март и ноябрь’, *Άλλο Εκκλησία, άλλο εκκλησία*, букв. ‘другое Церковь, другое церковь’, т.е. ‘совсем не то же самое Церковь [с большой буквы] и церковь [с маленькой буквы]’).

Другие фразеологизмы-конструкции рассматриваемой группы предполагают не конкретное, а образное сравнение: некоторый реально существующий объект или реальная ситуация метафорически уподобляются другому объекту или ситуации, представляющим собой эталонный образец какого-либо признака:

— *Ούτε να Ρ* (*Με σηκώνει επάνω — ούτε φτερό να ήμουνα!* букв. ‘Он меня поднимает — ни перышком если бы [я] был’, т.е. ‘как будто бы я перышко!’, *Τέτοια πολυλογία, ούτε βουλευτής να 'σουνα!* букв. ‘Столько болтовни — ни депутатом если бы [ты] был’), т.е. ‘ты болтаешь больше депутата!’);

— *Τύφλα να έχει Χ* (*Η δουλειά του είναι μυστική — τύφλα να έχει ο Τζέιμς Μποντ!*, букв. ‘Его работа секретная — слепоту чтобы имел Джеймс Бонд’, т.е. ‘его работа более

секретная, чем у Джеймса Бонда’, *Τύφλα να’ χουν τα Μπολσόγια*, букв. ‘слепоту чтобы имели Большие [театры]’, т.е. ‘[их танец] лучше, чем в Большом театре’).

В последнем случае сопоставление выполняет функцию интенсификации, указания на то, что оцениваемый объект или ситуация обладают неким признаком в очень высокой степени (‘как перышко’ — ‘очень легко, без малейшего труда’, ‘как депутат’ — ‘очень говорливый, болтливый’ и т.д.).

10. Отрицание

Большую группу фразеологизмов-конструкций в новогреческом языке составляют разнообразные идиоматичные построения со значением отрицания. К ним относятся, например:

— *Σιγά (να) μην (και) Ρ* (*Σιγά να μη στο δώσω*, букв. ‘тихо чтобы [я] тебе его не отдал’, т.е. ‘я тебе его не отдам’, *Σιγά μην περιμέναμε εκεί*, букв. ‘тихо чтобы [мы] не ждали там’, т.е. ‘мы там ждать не стали’);

— *Σιγά που Ρ* (*Σιγά που θα με προστατέυε*, букв. ‘тихо что [он] бы меня защитил’, т.е. ‘он бы меня не защитил’, *Σιγά που σε ψάχνει*, ‘тихо, что [он] тебя ищет’, т.е. ‘он тебя не ищет’).

Фразеологизмы-конструкции с компонентом *σιγά* ‘тихо’ могут выражать множество смыслов, объединенных общей идеей отрицания. Эти конструкции используются для того, чтобы указать на ложность какого-либо высказывания и подчеркнуть, что реальное положение дел является прямо противоположным (— *Τελείωσε;* — *Σιγά που τελείωσε!* ‘— [Газета] закончилась? — Так уж и закончилась!’), а также для того, чтобы полностью исключить возможность наступления какой-либо ситуации (*Σιγά να μη φτωχύνουμε τον Αντύπα!* ‘Уж прямо и обеднеет Антипас!’). С их помощью можно также выразить подчеркнутое недоверие к словам собеседника, иногда сопровождающееся оттенком иронии, насмешки (*Σιγά τώρα που φοβάσαι!* ‘Так-таки я и поверил, что ты боишься!’), отказаться выполнить просьбу собеседника или в целом подчеркнуть нежелание соответствовать ожиданиям собеседника (*Τι λες, που θα στο δώσω!* *Σιγά να μη στο δώσω!* ‘Ты вот решил, что я тебе ее отдам! Так я тебе ее и отдал’).

Значение отрицания выражают и другие новогреческие фразеологизмы-конструкции. Так, фразеологизм-конструкция *Πού να Ρ* (букв. ‘где чтобы Р’) указывает на невозможность осуществления некоторого действия, его недостижимость. Фразеологизм-конструкция *Όσο αυτός / Αν είναι Χ, (άλλο τόσο) (εγώ) είμαι Υ* (букв. ‘насколько это Х, настолько я — Υ’) выражает не столько отрицательную оценку какого-либо объекта, сколько сомнение в истинности декларируемого этим объектом статуса. В свою очередь, построение *Μόνο Χ δεν Υ* (букв. ‘только Х не Υ’) утверждает признак характеризуемого объекта через отрицание противоположного признака:

— *Πού να Ρ* (*Πού να ξέρω!*, букв. ‘где [мне] знать!’, т.е. ‘[я] не могу этого знать’, *Πού να υποπτευτεί τι εννοούσα!*, букв. ‘где [ему] заподозрить, что я имел в виду!’, т.е. ‘[он] не мог заподозрить, что я имел в виду’);

— *Χ το λες αυτό;* (*Αγάπη το λες αυτό;* букв. ‘ты это любовью называешь?’, т.е. ‘это нельзя назвать любовью’, *Εξυπνάδα το λες εσύ αυτό;* букв. ‘ты это сообразительностью называешь?’, т.е. ‘это нельзя назвать сообразительностью’);

— *Όσο αυτός / Αν είναι Χ, (άλλο τόσο) (εγώ) είμαι Υ* (*Όσο αυτός είναι αγρότης, άλλο τόσο είμαι εγώ πρότανης του Πανεπιστημίου!*, букв. ‘насколько он — фермер, насколько я — ректор университета’, т.е. ‘никакой он не фермер’, *Όσο αυτός είναι Γερμανός, άλλο τόσο είμαι Κινέζος*, букв. ‘насколько он — немец, насколько я — китаец’, т.е. ‘никакой он не немец’);

— *Μόνο Χ δεν Υ* (*Μόνο τυχαίο δεν είναι*, букв. ‘только случайным [это] не является’, т.е. ‘[это] неслучайно’, *Μόνο εύκολο δεν είναι*, букв. ‘только легким [это] не является’, т.е. ‘[это] нелегко, трудно’).

Выводы по главе 3

Класс фразеологизмов-конструкций в новогреческом языке неоднороден в структурном отношении. Одни единицы этого класса состоят только из служебных слов и сближаются с полностью абстрактными синтаксическими конструкциями, а другие — содержат знаменательные слова, обладают образной внутренней формой и граничат с идиомами. Это — крайние полюса рассматриваемого класса фразеологических единиц, и между этими полюсами есть переходные формы.

Всего в новогреческом языке можно выделить три структурных типа фразеологизмов-конструкций. К первому из них относятся фразеологизмы-конструкции, фиксированный компонент которых образован лексическими элементами, изначально слабо нагруженными семантически, — служебными словами, местоименными словами и неполнознаменательными глаголами. Идиоматичность этих фразеологизмов-конструкций обусловлена, в основном, их синтаксической нерегулярностью. Ко второму структурному типу принадлежат фразеологизмы-конструкции, в фиксированный компонент которых входят десемантизированные знаменательные слова. Идиоматичность этих фразеологизмов-конструкций обусловлена не только их синтаксической нерегулярностью, но и компонентной непрозрачностью. К третьему структурному типу относятся фразеологизмы-конструкции, фиксированный компонент которых содержит знаменательные слова. Знаменательные слова привносят в план содержания фразеологизма-конструкции свою образность — в большей или меньшей степени. Идиоматичность фразеологизмов-конструкций этого типа может быть связана с метафорической переинтерпретацией их знаменательных элементов.

Разделение на структурные типы важно не столько для индивидуального описания отдельных фразеологизмов-конструкций, сколько для того, чтобы дать общую характеристику рассматриваемому классу фразеологизмов и по возможности очертить его границы.

Для лексикографической практики, сферы перевода, а также преподавания языка как иностранного не менее важен семантический подход к описанию фразеологизмов-конструкций. Наличие в новогреческом языке фразеологизмов-конструкций, обладающих общими семантическими признаками, позволяет распределить исследуемый материал по семантическим группам. При этом фразеологизмы-конструкции, относимые к одной и той же семантической группе, не обязательно будут являться полными синонимами или антонимами и могут различаться по индивидуальным семантическим оттенкам, внутренней форме, частоте употребления в речи и иным параметрам. Специфика исследуемого материала предполагает обязательное индивидуальное описание каждого фразеологизма-конструкции в отдельности.

Глава 4. Практический анализ структуры и семантики фразеологизмов-конструкций новогреческого языка

В данной главе представлен индивидуальный анализ 15 новогреческих фразеологизмов-конструкций, принадлежащих к разным семантическим группам: (1) *X να σου (πε)τύχει*, (2) *Να X, να μάλαμα*, (3) *Από X άλλο τίποτα*, (4) *X να δουν τα μάτια σου*, (5) *Ούτε να P*, (6) *Τύφλα να (έ)χει X*, (7) *Πιο X πεθαίνεις*, (8) *Μόνο (που) δεν P*, (9) *X τον ανεβάζει, X / Y τον κατεβάζει*, (10) *X μπαίνει, X βγαίνει*, (11) *Σιγά X*, (12) *Χαρά σε X*, (13) *Μη σώσει και / να P*, (14) *Πολύ που P*, (15) *Μόνο X δεν Y*.

Только в ходе индивидуального комплексного анализа, предполагающего сбор информации о каждом фразеологизме-конструкции из разных источников — словарей, сборников фразеологизмов и выражений разговорной речи, корпусов текстов и интернета, текстов литературных произведений и их переводов на другие языки, научных работах по синтаксису и фразеологии, — можно понять, что из себя представляет каждая из конструкций, являющихся объектом данного исследования.

При анализе представленных фразеологизмов-конструкций было изучено около 28 тыс. контекстов корпуса текстов eTenTen14 и иных баз данных (Twitter), а также индивидуально подобраны фрагменты из литературных произведений на греческом языке и их переводов на другие языки.

4.1. Фразеологизмы-конструкции со значением отрицательной оценки

4.1.1. Фразеологизм-конструкция *X να σου (πε)τύχει*

Фразеологизм-конструкция *X να σου (πε)τύχει* (букв. ‘X чтобы тебе случился’) занесен во многие новогреческие словари и сборники фразеологизмов как устойчивое выражение с пометой *φρ.* ‘фраза’. В словарях можно найти следующие толкования этого выражения: «[фраза служит для того,] чтобы выразить недовольство, разочарование кем-либо или чем-либо» [Χρηστικό λεξικό 2014: 1277]; «о чем-либо неприятном или неудачном» [ΛΚΝ]. Наиболее подробное объяснение рассматриваемому выражению дается в «Словаре неозелинизмов»: «То, к чему относится [эта фраза], не является

хорошим, либо не выполняет своей функции, либо не соответствует ожиданиям, либо обладает низким качеством, либо не достигает среднего или привычного уровня и пр.» [Δημητρίου 1995: 298].

Пометы, сопровождающие фразеологизм-конструкцию *Χ να σου (πε)τύχει* в новогреческих словарях, свидетельствуют о том, что он употребляется иронически [Χρηστικό λεξικό 2014: 1277; ΛΚΝ; Κάτος], иронически-пренебрежительно [Δημητρίου 1995: 298], выражает иронию или недовольство [Μπαμπινιώτης 2005: 1396; Σαραντάκος 2014: 222].

Таким образом, фразеологизм-конструкция *Χ να σου (πε)τύχει* имеет значение отрицательной оценки. Переменный компонент этого фразеологизма-конструкции служит для обозначения объекта оценки — одушевленного либо неодушевленного, как в примерах (1)–(2).

(1) *Σα βράδιασε, το λοιπόν, και κοιμήθηκαν οι καλόγεροι, πήδηξε ο καλός σου από τον τοίχο του μοναστηριού και το βάνει στα πόδια. [...] Ακούς τον αθεόφοβο, καλόγερος να σου πετύχει!* (Καζ., ΧΞ)

‘Как стемнело, значит, и заснули монахи, перепрыгивает твой любезный через монастырскую ограду и пускается бежать. [...] Смотри, какой безбожник, **а еще монах называется!**’ (букв. ‘монах чтобы тебе случился’).

(2) *Είδα κι έπαθα να μάθω τα νέα ελληνικά — μωρέ γλώσσα να σου πετύχει! — τώρα πρέπει να πάρω καθηγητή, να μου μάθει και τα αρχαία!* (Καρ., ΓΣ)

‘Я столько труда приложил, чтобы выучить новогреческий — **ну и язык!** — так поди теперь нанимай учителя, чтобы выучить и древнегреческий!’ (букв. ‘язык чтобы тебе случился’).

М. Сетатос рассматривает фразу *Χ να σου (πε)τύχει* как фразеологему, фиксированный компонент которой имеет структуру предложения [Σετάτος 1994с: 178].

В словаре Афинской академии рассматриваемый фразеологизм-конструкция зафиксирован в форме ... *να σου (πε)τύχει* [Χρηστικό λεξικό 2014: 1277]. Это показывает, что глагол *πετυχαίνω* в составе фиксированного компонента может быть «сокращен» до глагола *τυχαίνω*, что подтверждается и некоторыми литературными контекстами, в которых рассматриваемый фразеологизм-конструкция употребляется в форме *Χ να σου τύχει*:

(3) *Πριν φύγουμε απ' την Υδροπούλα με τον ίδιο τρόπο που ήρθαμε, ο θεός μου τηλεφώνησε στο νεκροτόμο και στον καθηγητή του Τοξικολογικού Εργαστηρίου του Πανεπιστημίου Αθηνών, τον κ. Αβοήθητο (όνομα να σου τύχει!)* (Βασ.)

‘Прежде чем мы покинули Идропулу тем же путем, что и приехали туда, мой дядя позвонил патологоанатому и профессору токсикологической лаборатории Афинского университета г-ну Авоифитосу¹³ (ну и имя!)’ (букв. ‘имя чтобы тебе случилось’).

За глаголом *τυχαίνω* в современном греческом языке закреплено несколько значений: а) ‘случайно находиться, присутствовать где-либо’, б) ‘непредвиденно, неожиданно появляться’ или ‘в) происходить случайно, по стечению обстоятельств’ [ΛΚΝ]. Родственный глаголу *τυχαίνω* глагол *πετυχαίνω* также имеет в современном языке несколько значений, из которых в наибольшей степени соотносится с глаголом *τυχαίνω* и, по нашему мнению, является наиболее релевантным для рассматриваемого фразеологизма-конструкции значение ‘случайно находить что-либо или встречать кого-либо’¹⁴ [ΛΚΝ].

Входя в состав фразеологизма-конструкции *Χ να σου (πε)τύχει*, глаголы *πετυχαίνω* / *τυχαίνω* привносят в его значение семантический оттенок случайности, произвольности, отсутствия выбора. На это обращает внимание и А. Пападопулос, который, разъясняя значение фразы *να σου πετύχει* в своей работе «Φρασεολογικά», отмечает: «Подлежащее этой фразы изменяется согласно ситуации, подобно *αναίδεια* — *αναποδιά* — *κακό να σου πετύχει!* [букв. ‘бесстыдство — злключение — беда чтобы тебе случилась/-лось’] и пр., говорится же она о плохом положении, вызванном неожиданными вещами»¹⁵ [Παπαδόπουλος 1955: 98].

А. Пападопулос также высказывает свое мнение по поводу того, как было образовано выражение *να σου πετύχει*: «Изначально всегда говорилось *να σε πετύχει αναποδιά* [букв. ‘чтобы тебя постигло злключение’], как говорится, вероятно, и по сей день, потом произошла инверсия для выделения значения подлежащего, *αναποδιά να σε πετύχει!* [букв. ‘злключение чтобы тебя постигло’] Так как простой глагол *τυχαίνω*

¹³ Греческое слово *αβοήθητος* переводится как ‘оставшийся без помощи, не получивший помощи’ [ΛΚΝ].

¹⁴ В словаре Триандафиллидиса выражение ... *να σου πετύχει* расположено в словарной статье глагола *πετυχαίνω* именно рядом с этим значением [ΛΚΝ].

¹⁵ «Το υλοκείμενον της φράσεως παραλλάσσει κατά τας περιστάσεις, καθώς *αναίδεια* — *αναποδιά* — *κακό να σου πετύχει!* κт., λέγεται δε αυτή επί κακής καταστάσεως πραγμάτων απροσδοκήτων» [Παπαδόπουλος 1955: 98].

сочетается с родительным заинтересованности, подобно *μου 'τυχε αναποδιά* [букв. 'мне случилось злключение'], подобно этому стал использоваться и глагол *πετυχαίνω*, и начали говорить *αναποδιά να σου πετύχη* [букв. 'злключение чтобы тебе случилось'] вместо *να σε πετύχη* [букв. 'чтобы тебя постигло']» [Παπαδόπουλος 1955: 98–99]¹⁶.

К сожалению, мы не смогли найти реальных случаев употребления выражений, подобных приводимому А. Пападопулосом *αναποδιά να σε πετύχη* 'злключение чтобы тебя постигло', что не дает нам возможности подтвердить предположение о том, что местоименный компонент выражения *να σου πετύχει* изначально имел форму винительного падежа (*σε*).

Необходимо также отметить, что примеры, приводимые А. Пападопулосом, не вполне соотносятся с рассматриваемыми нами случаями употребления фразеологизма-конструкции *X να σου πετύχει*, так как в этих примерах функцию подлежащего фразы *να σου πετύχη* выполняют лексемы с негативно окрашенным значением (*αναίδεια* 'бесстыдство', *αναποδιά* 'злключение', *κακό* 'беда, зло'). В случае с рассматриваемым нами фразеологизмом-конструкцией *X να σου πετύχει* слот заполняется оценочно нейтральными лексемами (например, *καλόγερος* 'монах', *γλώσσα* 'язык'), а значение негативной оценки является типовым значением самого фразеологизма-конструкции и выражается его фиксированным компонентом.

Наличие негативной оценочности у лексемы, заполняющей слот, как правило, служит признаком того, что мы имеем дело с построением, синтаксически омонимичным фразеологизму-конструкции *X να σου (πε)τύχει*. В качестве примера подобного омонима можно привести следующий контекст из корпуса текстов eITenTen14:

(4) *Πριν προλάβουμε να του διαβάσουμε το ζόρκι και να το σταυρώσουμε, έσκασε. Μάτι να σου πετύχει!*

'Не успели мы прочесть над ним отговор и перекрестить его, как он сдох. **Надо же как его сглазили!**' (букв. 'сглаз чтобы тебе случился').

¹⁶ «Ελέγετο εξάπαντος κατ' αρχάς *να σε πετύχη αναποδιά*, όπως και θα λέγεται έτι και νυν, έπειτα έγινε αντιστροφή προς έξαρσιν της εννοίας του υποκειμένου *αναποδιά να σε πετύχη!* Επειδή το απλούν ρήμα *τυχαίνω* συντάσσεται με γενικήν χαριστικήν, καθώς *μου 'τυχε αναποδιά*, κατά τούτο συνετάχθη και το *πετυχαίνω* και ελέχθη *αναποδιά να σου πετύχη* αντί *να σε πετύχη*» [Παπαδόπουλος 1955: 98–99].

Фраза *Μάτι να σου πετύχει!* в примере (4) структурно идентична фразеологизму-конструкции *X να σου (πε)τύχει*. В то же время иное значение, выражаемое этой фразой, отсутствие у нее иронической или иронически-пренебрежительной окраски позволяет нам расценить контекст в примере (4) как синтаксический омоним.

Всего в корпусе текстов e1TenTen14 было обнаружено 181 соответствие фразеологизму-конструкции *X να σου (πε)τύχει*¹⁷. В большинстве случаев (86%) рассматриваемый фразеологизм-конструкция имеет следующую структуру:

$$\frac{\text{NP}_{\text{Nom}} + \text{να} + \text{σου} + \text{πετύχει} / \text{πετύχουν}}{(\text{NP}_{\text{Nom}} + \text{'чтобы'} + \text{'тебе'} + \text{'случился / случились'})}$$

Вариант *X να σου τύχει*, как показывают корпусные данные, является менее употребительным — на его долю приходится менее 8% всех случаев употребления фразеологизма-конструкции в корпусе.

Слот фразеологизма-конструкции заполняется преимущественно отдельными существительными (например, *γιορτή* ‘праздник’, *δημοκράτες* ‘демократы’) и реже — субстантивными словосочетаниями (*αρχή της εβδομάδας* ‘начало недели’), как правило, без артикля. При этом глагольный компонент фразеологизма-конструкции, как правило, согласуется в числе с актантом, заполняющим слот, как в примере (5).

(5) *Αμ οι γονείς του; Μωρέ, γονείς να σου τύχουν! Αριστεράτζες. Κομμούνια.*

‘А его родители? Да тоже мне родители! Левые. Коммуняки’ (букв. ‘родители чтобы тебе случились’).

В нескольких корпусных контекстах согласования глагола с актантом не происходит, и глагол используется в форме единственного числа *πετύχει*, в то время как лексема, заполняющая слот, — в форме множественного числа (пример 6):

(6) [...] *οσοι απαντησαν με διαολοστειλαν αλλοι με το γαντι αλλοι κυριολεκτικά! Φίλοι να σου πετύχει!*

‘[...] те, кто ответил, послали меня к дьяволу — кто-то деликатно, кто-то в открытую! Ну и друзья!’ (букв. ‘друзья чтобы тебе случилось’).

¹⁷ Поиск случаев употребления фразеологизма-конструкции *X να σου (πε)τύχει* в корпусе проводился по ключевым словам *να* и *(πε)τύχει / (πε)τύχουν* с максимальным расстоянием между ними в три слова.

Подобные контексты в корпусе можно было бы расценить как проявление речевой небрежности говорящего, ввиду их немногочисленности и орфографической небезупречности, однако случаи подобного несогласования глагольного форманта и слова, заполняющего слот, встречаются и в отдельных литературных контекстах:

(7) *Κάθε βράδυ πηγαίνει και τρίβεται με κείνους τους νεαρούς που τους αποκαλεί «φοιτητές». Φοιτητές να σου πετύχει!* (Κέδ.)

‘Каждый вечер она ходит и путается с теми парнями, которых называет «студентами». Ну и студенты!’ (букв. ‘студенты чтобы тебе случилось’).

В немногочисленных случаях в корпусе структура фразеологизма-конструкции модифицируется: меняется форма местоимения в составе фиксированного компонента (пример 8) или формально отсутствует переменный компонент, при этом фиксированный компонент заключается в скобки и вставляется в текст в качестве метатекстового комментария к какому-либо слову (пример 9).

(8) *α ρε, εκπαιδευτικό system να μας τύχει... βάλτε ρε τα παιδιά να παίζουν και σταθείτε δίπλα τους!!*

‘Ай, тоже мне образовательная система... Вы посадите детей играть и будьте рядом с ними!!’ (букв. ‘образовательная система чтобы нам случилась’).

(9) [...] *ενώ ο Πρόεδρος (να σου πετύχει) Μπους χαρακτηρίζει σταυροφορία τον αγώνα κατά της τρομοκρατίας.*

‘[...] тогда как президент (тоже мне) Буш называет крестовым походом борьбу с терроризмом’ (букв. ‘президент (чтобы тебе случился) Буш’).

Актанты, наиболее часто заполняющие слот фразеологизма-конструкции *X να σου (πε)τύχει* в корпусе текстов, представлены в Таблице 6.

Таблица 6 — Актанты, наиболее часто заполняющие слот конструкции *X να σου (πε)τύχει*

Слово	Перевод	Частотность	Процент от общего числа употреблений
1	2	3	4
<i>φίλος, -η, φιλενάδα</i>	друг; подруга; подружка	16	8,84%

Продолжение таблицы 6

1	2	3	4
<i>όνομα</i>	имя, название	12	6,63%
<i>γυναίκα, -ες</i>	женщина; жена	4	2,21%
<i>δάσκαλος, δασκάλα</i>	учитель; учительница	4	2,21%
<i>γείτονας, γειτόνισσα</i>	сосед; -ка	3	1,66%
<i>ηγέτης</i>	вождь, лидер	3	1,66%
<i>θεός</i>	бог	3	1,66%
<i>κράτος</i>	государство	3	1,66%
<i>μάνα</i>	мама	3	1,66%
<i>πρόεδρος</i>	президент	3	1,66%
<i>υπουργός, υπουργίνα</i>	министр	3	1,66%

В 60% всех случаев слот фразеологизма-конструкции *X να σου (πε)τύχει* заполняется актантами, обозначающими одушевленные объекты. Это могут быть обозначения отдельного человека или группы людей по признаку родственных или неродственных отношений (например, *μάνα* ‘мама’, *φίλοι* ‘друзья’, *γείτονας* ‘сосед’), профессиональной принадлежности или роду занятий (*δάσκαλος* ‘учитель’, *πρόεδρος* ‘президент’), идеологических убеждений или религиозной принадлежности (*κομμουνιστής* ‘коммунист’, *χριστιανοί* ‘христиане’), социальному статусу (*βασιλόπουλο* ‘царевич’) и др. Чуть реже (40%) слот фразеологизма-конструкции заполняется обозначениями неодушевленных объектов или явлений, в частности абстрактными (*ασφάλεια* ‘безопасность’, *διάψευση* ‘опровержение’) или собирательными существительными (*ελίτ* ‘элита’, *οικογένεια* ‘семья’).

Актанты, заполняющие слот, могут быть как оценочно нейтральными (например, *όνομα* ‘имя’, *γείτονας* ‘сосед’), так и оценочно положительными (*υπεύθυνο κράτος κοινωνικό* ‘ответственное социальное государство’). Актанты с негативной оценочностью потенциально также возможны (например, *καυγάς* ‘скандал, ссора’) при условии сохранения у фразеологизма-конструкции значения отрицательной оценки и

выражения иронического или пренебрежительного отношения к характеризующему объекту.

Семантической ролью актанта, заполняющего слот фразеологизма-конструкции *Χ να σου (πε)τύχει*, является обозначение объекта оценки, не соответствующего, по мнению говорящего, идеальному оценочному стереотипу. В некоторых контекстах в корпусе (7% случаев) значение несоответствия объекта идеальному оценочному стереотипу подчеркивается тем, что слово, заполняющее слот, заключается в кавычки:

(10) *Εμεις βεβαία είμαστε 100 χρόνια πίσω “ευρωπαίοι” να σου πετυχουν ...*

‘Мы, конечно, на 100 лет позади — **тоже мне «европейцы»...**’

При переводе фразеологизма-конструкции *Χ να σου (πε)τύχει* на другие языки переводчиками, как правило, используются языковые средства иронии. Так, для перевода фразы *Αδερφός να σου πετύχει* (букв. ‘брат чтобы тебе случился’) были использованы такие выражения, как русское «Вот уж повезло с братцем» или французское «*Charmant frère en vérité!*» (пример 11). Фраза *Δημοσιογράφος να σου πετύχει* (букв. ‘журналист чтобы тебе случился’) переводится на французский язык ироническим «*Bravo, pour un journaliste !*» (пример 12). Используются и другие иноязычные эмфатические конструкции, как например, «*And that from a brother*» в примере 11 или «*and you call yourself a journalist*» в примере 12.

(11) *[Ε]ίχε την απονιά να μου πει ότι ήμουνα τρελή και δικαίως μ’ είχε εγκαταλείψει ο Λόγγος. Αδερφός να σου πετύχει!* (Ταχ.)

«[Ο]н имел наглость заявить, что я — больная на всю голову и правильно Лонгос сделал, что сбежал от меня! **Вот уж повезло с братцем, дай бог всякому!**» (Ταχ., пер. на рус.: А. Ковалева)

«[H]e had the unfeeling gull to say to me that I was a crazy woman and that Longos was right to have left me. **And that from a brother, don’t you know!**» (Ταχ., TWW, пер. на англ.: J. Chioles)

«Il eut même le toupet de me dire que j’étais folle et que mon mari avait eu raison de me quitter! **Charmant frère en vérité!**» (Ταχ., ΤΑ, пер. на франц.: J. Lacarrière)

(12) «*Δημοσιογράφος να σου πετύχει!*» του λέω τώρα καμιά φορά για να τον πειράξω (Ταχ.)

«Надо ж было тебе стать журналистом, — говорю я ему иной раз, чтобы подразнить» (Тах., пер. на рус.: А. Ковалева)

— “**Imagine! and you call yourself a journalist,**” I say to him now sometimes just to tease him, [...]. (Тах., TWW, пер. на англ.: J. Chioles)

«**Bravo, pour un journaliste !** lui dis-je maintenant quand, pour le taquiner, nous en parlons » (Тах., ТА, пер. на франц.: J. Lacarrière)

Интерес представляют также контексты, в которых фразеологизм-конструкция *X να σου (πε)τύχει* используется для перевода на греческий язык иноязычных конструкций, выражающих иронию, как в примере (13).

(13) *Хороша также и мама. Она надула, конечно, его и Воскобойникова, когда уезжала* (Паст.).

«**Ωραίος τύπος, να σου πετύχει, και η μαμά!**» Το δίχως άλλο ξεκινώντας για δώ είχε ξεγελάσει κι αυτόν και το Восκομπόϊνκοφ (Паст., пер. на греч.: Μ. Λίλλης, Γ. Δυριώτης)

Таким образом, новогреческое идиоматичное выражение *X να σου (πε)τύχει* представляет собой фразеологизм-конструкцию со значением отрицательной оценки. Переменный компонент в составе этого фразеологизма-конструкции служит для указания на объект оценки и одновременно — на соответствующий оценочный стереотип. Фразеологизм-конструкция допускает заполнение своего слота лексемами, в значении которых содержится признак, поддающийся оценке. Чаще эти лексемы представляют собой обозначения одушевленных объектов.

Для перевода фразеологизма-конструкции *X να σου (πε)τύχει* на русский язык могут быть использованы такие обороты, как *Ну и X; Вот так X; Хорош X; Тоже мне X; А еще X называется; И достался же X; Какой же это X*, или другие языковые средства, способные в определенном контексте выразить значение отрицательной оценки.

4.1.2. Фразеологизм-конструкция *Να X, να μάλαμα*

Фразеологизм-конструкция *Να X, να μάλαμα* (букв. ‘вот X, вот золото’) зафиксирован в новогреческих общезыковых словарях и сборниках фразеологизмов как устойчивое выражение со следующими толкованиями: «о человеке, не заслуживающем доверия» [Χρηστικό λεξικό 2014: 964], «о человеке, мало внушающем

доверие, с плохим поведением» [Μπαμπινιώτης 2005: 1041]. Как можно видеть из этих толкований, в словарях подчеркивается, что выражение *Να Χ, να μάλαμα* обычно используется в отношении одушевленных объектов. В то же время, согласно Н. Сарандакосу, оно может употребляться для отрицательной оценки не только одушевленных, но и неодушевленных объектов: «[это] фраза, означающая, что названный человек или вещь представляет собой наихудший образец своего вида» [Σαραντάκος 2013: 160]. По данным словарей рассматриваемое выражение используется иронически [Χρηστικό λεξικό 2014: 964; Σαραντάκος 2013: 160], служит для выражения насмешки [Μπαμπινιώτης 2005: 1041] или осуждения [ΛΚΝ].

Таким образом, фразеологизм-конструкция *Να Χ, να μάλαμα* представляет собой высказывание со значением отрицательной оценки. Функцией переменного компонента Χ является обозначение объекта оценки.

Приведем несколько примеров употребления фразеологизма-конструкции *Να Χ, να μάλαμα* в произведениях новогреческой литературы:

(1) *Ο αστυνόμος προς στιγμή έχασε τα λόγια του, μόλις τα ξαναβρήκε, είπε: «Να παιδί, να μάλαμα! Εσύ, παιδάκι μου, χρειάζεσαι νευρολόγο, ακόμα δεν σε αγγίζαμε και τρελάθηκες.* (Γκούρ.)

‘Полицейский на мгновение потерял дар речи, а как только пришел в себя, сказал: **“Ну и парень!”** Да тебе, малыш, нужен невролог, мы тебя еще пальцем не тронули, а ты уже с ума сошел’ (букв. ‘вот парень, вот золото!’).

(2) *«Απειλούσε, έμμεσα αλλά καθαρά, πως θα πετάξουμε τους αξιωματικούς στη θάλασσα, αν αντιστέκονταν στην κινητοποίηση. [...] Να ταχτική μετώπου, να μάλαμα!»* (Τσίρ., Ν.)

‘Он угрожал, не напрямую, но ясно, вышвырнуть офицеров за борт, если те будут сопротивляться мобилизации. [...] **Хороша военная тактика, ничего не скажешь!**’ (букв. ‘вот фронтовая тактика, вот золото’).

Ключевым лексическим «якорем» фразеологизма-конструкции *Να Χ, να μάλαμα* является слово *μάλαμα* ‘золото’, за которым в словарях новогреческого языка обычно закрепляются два значения. Первым из этих значений является обозначение золота как ценного металла. В этом значении слово *μάλαμα* сопровождается в словарях пометами *παρωχ.* ‘устар.’ [ΛΚΝ; Χρηστικό λεξικό 2014: 964] или *λαϊκ.* ‘народн.’ [Μπαμπινιώτης

2005: 1041]. Другое употребление слова *μάλαμα* основано на метафоре — ‘человек исключительной доброты и добродетельности; исключительно добрый, вежливый, замечательный человек’ [Δημητράκος 1953: 4458], ‘человек с очень хорошим характером’ (например, *παιδί μάλαμα* ‘ребенок-золото’, *έχει καρδιά μάλαμα* ‘у него / неё сердце-золото’) [Χρηστικό λεξικό 2014: 964]. В более современных словарях именно второе значение, основанное на метафорическом использовании слова *μάλαμα*, располагается в словарной статье этого слова первым по порядку (см., например, словарь Афинской академии [Χρηστικό λεξικό 2014: 964]).

А. Пападопулос объясняет функционирование выражения *Να Χ, να μάλαμα* следующим образом: «По всей видимости, происходит сравнение человека, о котором идет речь, с поддельным металлом, имеющим, однако, вид золота. Паратаксически соположенное упоминание о поддельном золоте иронически указывает и на фальшивый или скверный характер этого человека»¹⁸ [Παπαδόπουλος 1955: 97].

В словарях новогреческого языка и некоторых сборниках фразеологизмов фразеологизм-конструкция *Να Χ, να μάλαμα* зафиксирован как выражение с переменным компонентом, обозначенным многоточием *να ...(.), να μάλαμα* (см., например, [Χρηστικό λεξικό 2014: 964; Μπαμπινιώτης 2005: 1041; Παπαδόπουλος 1955: 97]). Необходимость обозначить переменный компонент в составе этого выражения многоточием объясняется и самим расположением слота — непосредственно внутри фразеологизма-конструкции. В некоторых других словарях фразеологизм-конструкция *Να Χ, να μάλαμα* зафиксирован в одной из своих частных реализаций, с конкретным лексическим наполнением на месте слота — *να παιδί, να μάλαμα* ‘вот парень / ребенок, вот золото’ [Κάτος; Lexigram]. М. Сетатос также рассматривает выражение *Να παιδί να μάλαμα* ‘вот парень / ребенок вот золото’ как всесторонне устойчивую фразу (φρασεολογισμός) [Σετάρτος 1994с: 180].

Поиск фразеологизма-конструкции *Να Χ, να μάλαμα* в корпусе текстов дал 43 результата¹⁹. В большинстве случаев фразеологизм-конструкция представляет собой двухчастную структуру следующего типа:

¹⁸ «Φαίνεται ότι γίνεται σύγκρισις του περί ου πρόκειται προσώπου προς μέταλλον κίβδηλον έχον όμως την όψιν χρυσού. Η κατά παράταξιν συνεκφορά του κίβδηλου χρυσού εκφράζει ειρωνικώς και τον κίβδηλον ή κακόν χαρακτήραν του προσώπου» [Παπαδόπουλος 1955: 97].

¹⁹ Поиск в корпусе текстов проводился по ключевому слову *μάλα(γ)μα* ‘золото’.

$$\frac{Να + NP_{Nom} + να + μάλαμα}{1 \quad 2}$$

‘вот’ + NP_{Nom} + ‘вот’ + ‘золото’

Между двумя частями фразеологизма-конструкции обычно ставится какой-либо знак препинания (чаще всего — запятая), однако в некоторых контекстах в корпусе формальный разделитель между частями отсутствует.

Случаи отклонения структуры фразеологизма-конструкции *Να Χ, να μάλαμα* от представленной выше схемы в корпусе текстов единичны. Так, в одном из контекстов происходит перестановка частей фразеологизма-конструкции местами (пример 3), а в другом частица *να* ‘вот’ заменяется на более книжную частицу *ιδού* с аналогичным значением (пример 4).

(3) *Για κοιτάτε τι άνθρωποι πάνε για Δήμαρχοι!!! Να μάλαμα, να ήθος...*

‘Посмотрите-ка, что за люди идут в мэры!!! Ну и нравы...’ (букв. ‘вот золото, вот мораль’).

(4) *Ιδού Επίσκοπος, ιδού μάλαμα.*

‘Хорош епископ!’ (букв. ‘вот епископ, вот золото’).

Актанты, заполняющие слот фразеологизма-конструкции *Να Χ, να μάλαμα* в корпусе текстов более одного раза, представлены в Таблице 7.

Таблица 7 — Актанты, заполняющие слот фразеологизма-конструкции *Να Χ, να μάλαμα* в корпусе текстов

Слово	Перевод	Частотность	Процент от общего числа употреблений
1	2	3	4
<i>πεθερός</i>	тесть; свекор	6	13,95%
<i>παιδί</i>	ребенок; парень	4	9,30%
<i>γαμπρός</i>	жених; зять	3	6,98%
<i>δήμαρχος</i>	мэр	3	6,98%

Продолжение таблицы 7

1	2	3	4
<i>κορίτσι</i>	девочка	3	6,98%
<i>γονείς / γονέοι</i>	родители	2	4,65%
<i>σύμβουλος</i>	консультант, советник	2	4,65%
<i>συνδικαλιστής</i>	синдикалист	2	4,65%

Данные корпуса текстов показывают, что слот фразеологизма-конструкции может быть заполнен отдельным существительным (например, *πεθερός* ‘тесть, свёкор’) или субстантивным словосочетанием (*σχολικοί σύμβουλοι* ‘школьные консультанты’) в форме именительного падежа единственного или множественного числа без артикля. Большая часть актантов (93%) представлена обозначениями одушевленного объекта (отдельного человека или группы лиц) по признаку профессиональной принадлежности или роду занятий (*δήμαρχος* ‘мэр’, *δάσκαλος* ‘учитель’), родственных или неродственных отношений (*γονείς* ‘родители’, *γαμπρός* ‘жених, зять’, *φίλος* ‘друг’), полу и / или возрасту (*κορίτσι* ‘девочка’). Меньшее число актантов представлено обозначениями неодушевленных объектов — абстрактными (например, *ήθος* ‘нравственность, мораль’, *μυαλά* ‘мозги, ум’) или собирательными существительными (*γενιά* ‘поколение’).

Приведем несколько примеров употребления фразеологизма-конструкции *Να Χ, να μάλαμα* в корпусе текстов.

(5) *Να υπουργός να μάλαμα, δεν είναι η πρώτη φορά που ο συγκεκριμένος υπουργός τα θαλασώνει και μας γυρνά δεκαετίες πίσω.*

‘**Вот так министр**, и ведь это не первый раз, когда конкретный министр всё проваливает и отбрасывает нас на десятилетия назад’ (букв. ‘вот министр вот золото’).

(6) *Κι εσείς αντί να με βοηθήσετε ρίχνετε πετρέλαιο στον καυστήρα του ιδεολογικού μου λέβητα! Να φίλοι, να μάλαμα.*

‘А вы, вместо того чтобы помочь мне, подливаете масла в огонь моей идеологической топки! **Хороши друзья**’ (букв. ‘вот друзья, вот золото’).

Поиск фразеологизма-конструкции в интернете, за пределами корпуса текстов, показывает также, что компонент *μάλαμα* может принимать форму множественного

числа (*μαλάματα*) в тех случаях, когда слот заполняется актантом в форме множественного числа:

(7) *Να υπουργοί, να μαλάματα!*

‘Хороши министры!’ (букв. ‘вот министры, вот золото_{pl}’)

Наиболее часто, как видно из Таблицы 7, слот фразеологизма-конструкции *Να Χ, να μάλαμα* заполняется словом *πεθερός* ‘тесть, свекор’. Это можно объяснить существованием соответствующего прецедентного феномена — греческого комедийного фильма под названием «*Να πεθερός, να μάλαμα*» (букв. ‘вот тесть, вот золото’) (1959 г.), ссылками на который и являются все случаи использования данной реализации фразеологизма-конструкции в корпусе.

Фразеологизм-конструкция *Να Χ, να μάλαμα* использовался и в названиях других греческих фильмов, в частности комедии «*Να παιδί να μάλαμα*» (букв. ‘вот парень вот золото’) (1951 г.), а также при переводе на греческий язык названий иностранных фильмов. Так, например, название американского фильма *Jumping Jacks* (1952 г.) переведено на греческий язык как «*Να φαντάρος να μάλαμα*» (букв. ‘вот солдат-призывник, вот золото’), название фильма *Three On a Couch* (1966 г.) — как «*Να γιατρός να μάλαμα*» (букв. ‘вот врач, вот золото’), а название фильма *Son in Law* (1993 г.) — как «*Να γαμπρός να μάλαμα*» (букв. ‘вот зять, вот золото’). На частое использование фразеологизма-конструкции *Να Χ, να μάλαμα* в качестве названия фильмов обращает внимание Н. Сарандакос, отмечающий, что это выражение «[ч]асто [используется] в названиях комедий старого кино [Σαραντάκος 2013: 160].

В литературных произведениях фразеологизм-конструкция *Να Χ, να μάλαμα* широко используется уже с XIX в. Особенно часто его можно встретить в различных театральных пьесах, как например, в известном произведении Д. Визандиоса «*Βαβυλωνία*» (1836 г.):

(8) [...] *μήτε Ικρίσι, μήτε Γλάμε μήτε τίποτα, εμέν ίσια στη χάψι αζάμπα μόδα στην Ελλάδαντα έτζι είναι; έμεν δυό λόγια λένε, χωρίς φταιζίμο, χωρίς τίποτα χάψι βάνουνε; να λευτερία να μάλαμα.....* (Βυζ.)

‘[...] ни тебе суда, ни приговора, ничегошеньки, а прямым в арестантскую, неужто мода такая в Греции? всего два слова скажешь, безвинно, ни за что, сразу в арестантскую волокут? **вот так свобода.....**’ (букв. ‘вот свобода, вот золото’).

В XIX в. этот фразеологизм-конструкция фиксируется и в сборнике И. Венизелоса «Παροιμίαι δημόδεις» ‘Народные паремии’ (1867 г.) в форме *Να νους, να μάλαμα* (букв. ‘вот ум, вот золото’) с толкованием ‘насмешливо о говорящих безраздумно’ [Βενιζέλος 1867: 169].

Несмотря на то, что фразеологизм-конструкция *Να X, να μάλαμα* используется и в современных литературных произведениях (примеры 1–2 выше), наличие в его составе лексемы, имеющей в современных словарях помету «устаревшее», и невысокая частотность его употребления в веб-корпусе дают нам основание предположить, что этот фразеологизм постепенно устаревает и, вероятно, выходит из употребления. Это подтверждают и характерные фразы, сопровождающие фразу *Να X, να μάλαμα* в некоторых корпусных контекстах, например: *έλεγαν οι παλιότεροί μας* ‘говорили наши предки’, *που λέει και ο λαός* ‘как говорят в народе’.

При переводе фразеологизма-конструкции *Να X, να μάλαμα* на другие языки обычно используются разнообразные эмфатические конструкции. Так, фраза *Να μυαλά, να μάλαμα!* (букв. ‘вот мозги, вот золото!’) из книги С. Циркаса «Λέσχη» была переведена на английский язык как «How’s that for common sense!» (Tsir., пер. на англ.: К. Cicellis). Для перевода фразы *Να συγγενής, να μάλαμα!* (букв. ‘вот родственник, вот золото’) из произведения А. Кодзиаса «Ιαγούάρος» был использован оборот «That’s a relative for you!» (Kotz., пер. на англ. Н. Е. Criton). Фраза *Να μητέρα να μάλαμα* (Ξέν.) была переведена на английский язык с помощью иронического «There’s a mother — there’s a bit of preciousness» (Xen., пер. на англ.: Н. Corpe).

Таким образом, идиоматичное построение *Να X, να μάλαμα* также представляет собой фразеологизм-конструкцию со значением отрицательной оценки. Слот этого фразеологизма-конструкции заполняется обозначением объекта оценки, всегда оценочно-нейтральным или оценочно-положительным. В подавляющем большинстве случаев (93%) актанты, заполняющие слот, представляют собой различные обозначения одушевленных объектов.

Фразеологизм-конструкция *Να X, να μάλαμα* отличается от проанализированного ранее фразеологизма-конструкции *X να σου (πε)τύχει*, также выражающего значение отрицательной оценки, своей внутренней формой и большей степенью образности, а также своими стилистическими характеристиками, что связано с наличием в составе его

фиксированного компонента устаревшего слова *μάλαμα* ‘золото’. Помимо этого, фразеологизм-конструкция *Να Χ, να μάλαμα* имеет меньшую частотность употребления.

Для перевода фразеологизма-конструкции *Να Χ, να μάλαμα* на русский язык могут быть использованы такие обороты, как *Ну и Χ; Вот это Χ; Вот так Χ; Хорош Χ; Тоже мне Χ; Вот тебе и Χ* и пр. При этом выбор конкретного варианта перевода всегда определяется контекстом и спецификой слова, заполняющего слот.

4.2. Фразеологизмы-конструкции со значением неопределенно большого количества

4.2.1. Фразеологизм-конструкция *Από Χ άλλο τίποτα*

Фразеологизм-конструкция *Από Χ άλλο τίποτα* (букв. ‘что до Χ другого ничего’) включен во многие новогреческие словари как устойчивое выражение с пометой «фразеологизм». В словарях он дается в различном виде: как структурно развернутом, с предлогом *από* ‘что до’ и вариативным компонентом, обозначенным многоточием (*από... άλλο τίποτα/-ε* ‘что до... другого ничего’) [Χρηστικό λεξικό 2014: 96; ΛΚΝ; Lexigram], так и усеченном — без предлога *από* и без указаний на наличие переменного компонента (*άλλο τίποτα/-ε* ‘другого ничего’) [Μπαμπινιώτης 2005: 125; Παλαζαχαρίου 1999: 573; Κάτος]. При этом даже в тех случаях, когда этот фразеологизм-конструкция указывается в словаре в усеченном виде, примеры, приводимые в словарной статье для иллюстрации его значения, как правило, всегда содержат предлог *από* и вариативный компонент.

В большинстве словарей за выражением *Από Χ άλλο τίποτα* закреплено значение неопределенно большого количества, превышающего необходимое: «о чем-либо, что имеется в излишке» [Χρηστικό λεξικό 2014: 96; Μπαμπινιώτης 2005: 125] или «в избытке» [Μπαμπινιώτης 2005: 125], «в большом количестве» или «большом избытке» [Κάτος]. В отдельных словарях значение выражения *Από Χ άλλο τίποτα* объясняется с помощью идеи высокой степени: «чтобы указать на существование того, что обозначено существительным, в большой степени» [ΛΚΝ], «в избыточной степени» [Παλαζαχαρίου 1999: 573].

Основной функцией рассматриваемого фразеологизма-конструкции является, таким образом, количественная оценка объекта, обозначенного переменной X, что можно видеть из следующих примеров:

(1) *Τον ρώτησα αν είχαν κανένα καβγαδάκι, πώς και έφυγε. — Εντάξει, από καβγαδάκια άλλο τίποτα...* (Μουρ.)

‘Я спросил его, не было ли у них скандала, с чего это она взяла и ушла. — Ну, **чего-чего, а скандальчиков хватало...**’ (букв. ‘что до скандальчиков другого ничего’).

(2) *Περί ημάς το²⁰ αναγκαιούμενα τρόφιμα ημερησίως είναι τα εξής και παρακαλώ το κράτος να μου τα εξασφαλίσει οπωσδήποτε, καθόσον από λεπτά άλλο τίποτε.* (Ψαθ.)

‘Для нас ежедневно требуются следующие продукты, и прошу государство меня ими неукоснительно обеспечить, так как **денег навалом**’ (букв. ‘что до денег другого ничего’).

Выражая значение большого количества X (‘много скандалов’, ‘много денег’), фразеологизм-конструкция *Από X άλλο τίποτα* косвенно передает также, с одной стороны, идею преобладания X в описываемой ситуации, а с другой стороны — идею нехватки других объектов или явлений, возможно, представляющихся говорящему более предпочтительными. О наличии у рассматриваемого фразеологизма-конструкции подобных оттенков значения свидетельствует не только его компонентный состав, но и некоторые варианты его перевода на другие языки. Так, помимо тех случаев, когда *Από X άλλο τίποτα* переводится на другие языки с помощью оборотов, выражающих значение большого количества или разнообразия (например, англ. *plenty of X around here, brimming with X, all the X you like* или исп. *hay X para regalar*), можно найти и переводы, в которых делается акцент на значение нехватки других объектов:

(3) — *Νίκο, του λέω με φωνή που νουθετούσε παρακαλεστικά. Δεν είναι για να λέγονται αυτά. Χρειάζεται περίσκεψη. — Από περίσκεψη, άλλο τίποτα.* (Τσίρ., Ν.)

«“Nicos,” I said, in a tone of reproof mixed with entreaty, “you must not say such things. We’ve got to be cautious.” “Oh, yes, caution. That’s about all we’ve got left”» (Tsir., пер. на англ.: K. Cicellis)

В тексте фразеологизм-конструкция *Από X άλλο τίποτα* функционирует преимущественно как отдельное предложение. С. Скарцис, характеризующий

²⁰ Цитата приведена с сохранением орфографических особенностей текста оригинала.

выражение *Από Χ άλλο τίποτα* как «концентрированную» (πυκνή) и «эллиптическую фразу», указывает на то, что это выражение «включает в себя слова другого говорящего». Под этим, по всей видимости, подразумевается тенденция к наличию у фразеологизма-конструкции прямого antecedента в предшествующей реплике собеседника (как в приводимом в работе Скарциса примере: — *Έχεις κανένα βιβλίο; — Από βιβλία άλλο τίποτα.* ‘— У тебя какая-нибудь книга есть? — Что до книг другого ничего’) [Σκαρτσής 1997: 74]. В то же время процитированные выше фрагменты из литературных произведений показывают, что фразеологизм-конструкция может использоваться не только в диалогическом режиме (примеры 1, 3), но и нарративном (2), а наличие antecedента не является обязательным условием его употребления.

Поиск фразеологизма-конструкции *Από Χ άλλο τίποτα* в корпусе текстов e1TenTen14 дал 916 результатов. В большинстве случаев (93%) фразеологизм-конструкция имеет следующую структуру:

$$\underline{\text{από} + \text{NP}_{\text{Ac}} + \text{άλλο} + \text{τίποτα}/\text{ε}}$$

‘что до’ + NP_{Ac} + ‘другого’ + ‘ничего’

В 7% случаев в корпусе структура фразеологизма модифицируется по одному или нескольким параметрам одновременно. Так, в некоторых контекстах предлог *από*, играющий роль выделителя переменной X, отсутствует (*Γαμπροί άλλο τίποτε*, букв. ‘женихи другого ничего’) (2,95%) или заменяется другими лексическими элементами с аналогичной функцией (*όσο για / όσο από* ‘что до’, *όσον αφορά* ‘в том, что касается’) (1,86% случаев). Встречаются также случаи изменения позиции слота (*Άλλο τίποτα από προβλήματα* ‘другого ничего что до проблем’) (0,87%) и разбивки фразеологизма на две отдельные реплики, преимущественно вопросо-ответные (*Από Αλβανούς; Άλλο τίποτα* ‘Что до албанцев? Другого ничего’) (2,18%).

Нормативным (около 20% случаев) можно считать вклинивание в состав фразеологизма-конструкции *Από Χ άλλο τίποτα* лексических элементов, не принадлежащих к его компонентному составу. Это могут быть обозначения субъекта описываемого действия или состояния, обстоятельства места или времени, комментарии говорящего и пр.:

(4) *Από λόγια οι πολιτικοί μας άλλο τίποτα.*

‘Уж на что, а на слова наши политики горазды’ (букв. ‘что до слов наши политики другого ничего’).

(5) *Από δρόμους γεμάτους λακκούβες η Πάτρα άλλο τίποτα [...]*

‘Уж чего, а дорог, полных лужами, в Патрах хоть отбавляй [...]

(6) [...] *από... παρανόμια ο μήνας τούτος, το όνομα του οποίου προήλθε από το λατινικό “novem” που σημαίνει εννιά, μια που κάποτε υπήρξε ένατος στη σειρά, άλλο τίποτα.*

‘[...] что до... прозвищ у этого месяца, название которого произошло от латинского “novem”, что означает ‘девять’, так как когда-то он был девятым по порядку, так их навалом’ (букв. ‘что до... прозвищ этот месяц [...] другого ничего’).

Актанты, наиболее часто заполняющие слот фразеологизма-конструкции *Από Χ άλλο τίποτα* в корпусе текстов, показаны в Таблице 8 в форме именительного падежа.

Таблица 8 — Актанты, заполняющие слот фразеологизма-конструкции

Από Χ άλλο τίποτα в корпусе текстов

Слово	Перевод	Частотность	Процент от общего числа употреблений
1	2	3	4
<i>λόγια</i>	слова	21	2,29%
<i>ιδέες</i>	идеи	18	1,97%
<i>τέτοιος, -α, -ο</i>	такой, -ая, -ое	18	1,97%
<i>αυτός, -η, -ο</i>	он, она, это	14	1,53%
<i>δικαιολογίες</i>	оправдания	12	1,31%
<i>θεωρίες, θεωρία</i>	теории, теория	12	1,31%
<i>προβλήματα</i>	проблемы	10	1,09%
<i>υπομονή</i>	терпение	10	1,09%
<i>όνειρα</i>	мечты, мечтания	9	0,98%
<i>φαντασία</i>	фантазия	9	0,98%
<i>επιλογές</i>	выбор, варианты	8	0,87%

Продолжение таблицы 8

1	2	3	4
<i>όρεξη</i>	желание, настроение	8	0,87%
<i>ευκαιρίες</i>	возможности, шансы	7	0,76%

Большую группу актантов составляют слова, связанные с речевой деятельностью человека (например, *λόγια* ‘слова’, *δηλώσεις* ‘заявления’, *δικαιολογίες* ‘оправдания’, *υποσχέσεις* ‘обещания’, *μπλα μπλα* ‘бла-бла’ и пр.), ментальной деятельностью человека (*ιδέες* ‘идеи’, *θεωρίες* ‘теории’, *όνειρα* ‘мечты’, *αναμνήσεις* ‘воспоминания’), чувствами и эмоциональными состояниями (*άγχος* ‘стресс’, *έμπνευση* ‘вдохновение’, *χαρά* ‘радость’). В целом широко используются актанты, обозначающие различные действия или состояния (*δράση* ‘деятельность’, *καθιστό* ‘сидение’, *τρέξιμο* ‘беготня’). Встречаются актанты, обозначающие качества одушевленного или неодушевленного объекта (*υπομονή* ‘терпение’, *διαφάνεια* ‘прозрачность’, *ομορφιά* ‘красота’). Также используются различные обозначения людей, в том числе оценочные (*γαμπροί* ‘женихи’, *φίλοι* ‘друзья’, *κορόιδα* ‘лохи’), реже — животных (*αγριογούρουνα* ‘кабаны’), артефактов (*φωτογραφίες* ‘фотографии’, *γκατζετάκια* ‘гаджеты’) и пр. Общим требованием к актантам, заполняющим слот рассматриваемого фразеологизма-конструкции, является наличие у них способности подвергаться количественной оценке.

Таким образом, построение *Από Χ άλλο τίποτα* в новогреческом языке представляет собой фразеологизм-конструкцию со значением неопределенно большого количества некоторых однородных объектов (‘очень много X’). Функцией переменного компонента в рассматриваемом построении является обозначение объекта количественной оценки. Фразеологизм-конструкция допускает заполнение слота обозначениями объектов, поддающихся нечисловой квантификации.

Для перевода фразеологизма-конструкции *Από Χ άλλο τίποτα* на русский язык могут быть использованы такие обороты, как *Уж чего-чего / кого-кого, а X полно / хватает / достаточно; в X(-то) недостатка нет; Один / одни X; Сплошной / сплошные X; чего много, так это X;* и пр.

4.2.2. Фразеологизм-конструкция *X va δουν τα μάτια σου*

Фразеологизм-конструкция *X va δουν τα μάτια σου* (букв. ‘X чтобы увидели твои глаза’) зафиксирован во многих словарях новогреческого языка как устойчивое выражение. Согласно словарным толкованиям это выражение служит для того, чтобы «подчеркнуть большое количество» [Χρηστικό λεξικό 2014: 330], «множество» [Χρηστικό λεξικό 2014: 330; Μπαμπινιώτης 2005: 371], «большой избыток» чего-либо [ΛΚΝ; Κάτος; Σαραντάκος 2013: 164], указать на то, что что-либо имеется «в количестве, достаточном для того, чтобы насытить взор нашего собеседника»²¹ [Σαραντάκος 2013: 164].

Рассматриваемый фразеологизм-конструкция служит, таким образом, средством количественной оценки и выражает значение неопределенно большого количества однородных объектов — ‘очень много’. Функцией переменного компонента этой конструкции является обозначение квантифицируемых объектов. В словарях переменный компонент, как правило, оформляется многоточием: ... *va δουν τα μάτια σου* (см., например, [Χρηστικό λεξικό 2014: 330; Μπαμπινιώτης 2005: 371; Σαραντάκος 2013: 164; Κάτος]).

Продемонстрировать употребление фразеологизма-конструкции *X va δουν τα μάτια σου* можно на следующих примерах:

(1) *Λάσπη, κουμπάρε μου... λάσπη va δουν τα μάτια σου. Πού τη βρίσκουνε, θε μου μεγαλοδύναμε, τόση λάσπη;* (Λουντ.).

‘Грязи-то, кум... **сколько грязи**. Где они ее находят, Боже Вседержителю, всю эту грязь?’ (букв. ‘грязь чтобы увидели твои глаза’).

(2) *Ποντίκια va δουν τα μάτια σου. Και δεν ήταν όλα ένα σόι. Διαφέρανε σε μέγεθος και τρίχωμα* (Φλούντ.).

‘**Мышей было видимо-невидимо**. И они не были все одного вида. Различались размером и шкуркой’ (букв. ‘мышей чтобы увидели твои глаза’).

Как можно видеть из этих примеров, фразеологизм-конструкция *X va δουν τα μάτια σου* может выражать количественную оценку как недискретных объектов (*λάσπη* ‘грязь’

²¹ «[Σ]ε τέτοια ποσότητα που φτάνει για να χορτάσει το μάτι του συνομιλητή μας» [Σαραντάκος 2013: 164].

или в других контекстах — γνώση ‘знание’), так и дискретных множеств (ποντίκια ‘мыши’ или παραγγελίες ‘заказы’, βαγόνια ‘вагоны’).

Типовое значение большого количества, выражаемое этим фразеологизмом-конструкцией, поддерживается его внутренней формой, апеллирующей к воображению собеседника и имплицитно указывающей на то, что некоторых объектов необыкновенно много в зрительном отношении. При этом актант, заполняющий слот фразеологизма-конструкции, интонационно выделяется, на что обращают внимание М. Сетатос [Σετάτος 1994с: 178] и С. Скарцис [Σκαρτσής 1997: 181]. Сам фразеологизм-конструкция сопровождается в некоторых словарях пометой «разговорно-эмфатическое» (см., например, [Χρηστικό λεξικό 2014: 330]).

Помимо чисто количественного значения, фразеологизм-конструкция *X να δουν τα μάτια σου* может также выражать семантический оттенок высокой степени проявления признака или интенсивности некоторого действия или состояния. Это становится заметным в тех случаях, когда актант, заполняющий слот, обозначает градуируемое действие или процесс (например, κλάμα ‘плач’, ζύλο ‘избиение, побои’):

(3) *Κλάμα να δουν τα μάτια σου, ξάδελφε. Με λυγμούς.* (Μουρ.)

‘Как же она плакала, братишка. Со всхлипываниями’ (букв. ‘плач чтобы увидели твои глаза’).

Поиск фразеологизма-конструкции *X να δουν τα μάτια σου* в корпусе текстов eITenTen14 дал 82 результата. В большинстве случаев (около 82%) рассматриваемая конструкция имеет следующую структуру:

NP + να + (ι)δουν(ε) + τα + μάτια + σου / σας

NP + ‘чтобы’ + ‘увидели’ + At_{DEF} + ‘глаза’ + ‘твой’ / ‘ваши’

Модификации представленной выше схемы заключаются, главным образом, в использовании слов *μάτια* ‘глаза’ и *δουν* ‘увидели’, входящих в состав фиксированного компонента, в форме единственного числа: *X να δει το μάτι σου / σας* ‘X чтобы увидел твой / ваш глаз’ (например, *χρήμα να δει το μάτι σου* ‘деньги чтобы увидел твой глаз’) (17% случаев). В единичных случаях в фиксированный компонент вводятся дополнительные лексические элементы (*να δουν και τα μάτια σας* ‘чтобы увидели и ваши

глаза’) или изменяется позиция слота (*Εκεί να δουν τα μάτια σου κόσμο* ‘там чтобы увидели твои глаза людей’²²).

Также обращают на себя внимание немногочисленные случаи лексического распространения фразеологизма-конструкции *X να δουν τα μάτια σου* дополнительной качественной или оценочной характеристикой квантифицируемого объекта: *Πίτες να δουν τα μάτια σου και να απολαύσει ο ουρανίσκος σου!* (букв. ‘пироги чтобы увидели твои глаза и насладились твоё нёбо!’), т.е. ‘пирогов много, и они вкусные’), *Λιποθυμίες, θανάτους, κακουχίες να δουν τα μάτια σου και να φρίξεις...* (букв. ‘обмороки, смерти, лишения чтобы увидели твои глаза, и чтобы ты ужаснулся’, т.е. ‘обмороков, смертей, лишений много, и они ужасны’).

Слот фразеологизма-конструкции заполняется в корпусе отдельным существительным без артикля или именным словосочетанием. При этом строго не заданы ограничения на падеж актанта: он может либо использоваться в форме винительного падежа, либо копировать падеж слова-антецедента (...*έργων. Έργων να δουν τα μάτια σας* ‘... проектов. Проектов чтобы увидели ваши глаза’).

Актанты, заполняющие слот фразеологизма-конструкции *X να δουν τα μάτια σου* более одного раза в корпусе, показаны в Таблице 9 в форме именительного падежа.

Таблица 9 — Актанты, заполняющие слот фразеологизма-конструкции
X να δουν τα μάτια σου в корпусе текстов

Слово	Перевод	Частотность	Процент от общего числа употреблений
1	2	3	4
<i>κόσμος</i>	народ	3	3,66%
<i>ξύλο</i>	избиение, побои	3	3,66%
<i>χρήμα</i>	деньги	3	3,66%
<i>κλάματα</i>	плач, слезы	2	2,44%

²² В данном контексте, по всей видимости, представлен гибрид двух разных фразеологизмов-конструкций, сходных по своей структуре и значению: *Εκεί να δεις X* (букв. ‘там чтобы ты увидел X’) и *X να δουν τα μάτια σου* (букв. ‘X чтобы увидели твои глаза’).

Продолжение таблицы 9

1	2	3	4
<i>ουρές</i>	очереди	2	2,44%
<i>φτώχεια</i>	бедность	2	2,44%

Актанты, заполняющие слот фразеологизма-конструкции в корпусе текстов, представляют собой различные обозначения множества людей (например, *κόσμος* ‘народ’, *κοσμοσυρροή* ‘скопление людей’, *ουρές* ‘очереди’, *παιδιά* ‘дети’, *γιατροί* ‘врачи’), в том числе метонимические (*φάτσες* ‘физиономии, лица’), обозначения множества животных или растений (*άλογα* ‘лошади’, *έλατα* ‘ели’). Также используются названия различных артефактов (*βαγόνια* ‘вагоны’, *παιχνίδια* ‘игрушки’, *τανκς* ‘танки’), действий, процессов или состояний (*ξύλο* ‘избиение’, *κλάματα* ‘плач’, *λιποθυμίες* ‘обмороки’, *πείνα* ‘голод’), абстрактных понятий (*παραδείγματα* ‘примеры’, *δημόσιες σχέσεις* ‘связи с общественностью’) и др. Основным требованием к словам, заполняющим слот, является наличие у них способности поддаваться количественной оценке.

В качестве примера переводов фразеологизма-конструкции *Χ να δουν τα μάτια σου* на другие языки можно привести английский перевод уже цитировавшегося выше фрагмента из романа К. Мурселаса «Βαμμένα κόκκινα μαλλιά»: «*Κλάμα να δουν τα μάτια σου, ξάδελφε*» — “Crying like you’d never believe, cousin” (Mour., пер. на англ.: F. A. Reed).

М. Сетатос рассматривает выражение *Χ να δουν τα μάτια σου* как «фразеологему», фиксированный компонент которой имеет структуру предложения [Σετάτος 1994с: 178].

Таким образом, идиоматичное построение *Χ να δουν τα μάτια σου* представляет собой фразеологизм-конструкцию со значением неопределенно большого количества однородных объектов (‘очень много Χ’). Переменный компонент в составе фразеологизма указывает на объект количественной оценки, а слот заполняется обозначениями объектов, допускающих количественное измерение. В тех случаях, когда слот заполняется обозначениями градуируемых действий или состояний, фразеологизм-конструкция может выражать дополнительный семантический оттенок интенсивности действия или состояния.

По сравнению с фразеологизмом-конструкцией *Από Χ άλλο τίποτα*, также выражающим значение неопределенно большого количества, фразеологизм-конструкция *Χ να δουν τα μάτια σου* обладает более образной внутренней формой, что связано с наличием в его составе знаменательных слов, не утративших полностью своего исходного лексического значения. Также значительно различается частотность употребления этих двух фразеологизмов-конструкций и их индивидуальные семантические оттенки.

Для перевода фразеологизма-конструкции *Χ να δουν τα μάτια σου* на русский язык можно предложить такие конструкции, как *Сколько же (было) Х!*; *Х — видимо-невидимо*; *Х — очень много / бесчисленное количество / огромное количество*; *Куда ни глянь — Х!*, выражающие значение большого количества, или конструкции *Какой же (был) Х!*, *Х — очень сильный* со значением интенсивности.

4.3. Фразеологизмы-конструкции со значением тождества, сходства или превосходства

4.3.1. Фразеологизм-конструкция *Ούτε να Ρ*

Фразеологизм-конструкция *Ούτε να Ρ* (букв. ‘ни если Р’) в настоящий момент зафиксирован в словарях и сборниках фразеологизмов новогреческого языка лишь в нескольких частных вариантах своей реализации — с конкретным лексическим наполнением на месте слотов.

Так, в словарь Афинской академии и словарь Триандафиллидиса занесено устойчивое выражение *Ούτε παραγγελία να το έκανα / είχα κάνει / να το 'χαμε* (букв. ‘ни заказ если бы я это сделал / если бы мы это имели’) с толкованиями ‘о чем-то, что произошло по совпадению, случайно, именно так, как желал говорящий’ [Χρηστικό λεξικό 2014: 1193] и ‘о чем-то, что произошло по совпадению, именно так, как мы этого желали’ [ΛΚΝ 1998]. В «Словаре народного и периферийного языка» Г. Катоса, помимо аналогичного выражения со словом *παραγγελία* ‘заказ’, зафиксированы также выражения *Ούτε γαμπρός να ντυνόσουν / στολιζόσουν!* (букв. ‘ни женихом если бы ты одевался / наряжался!’) с толкованием ‘выражение негодования в адрес мужчины, который сильно

задерживается, заботясь о своем наряде'; *Ούτε νύφη να ντυνόσουν / στολιζόσουν!* (букв. 'ни невестой если бы ты одевалась / наряжалась!') с толкованием 'выражение негодования в адрес женщины, которая так тщательно наряжается, что заставляет нас очень долго себя ждать', и *Ούτε συνεννοημένοι να 'μασταν!* (букв. 'ни сговорившимися если бы мы были!') с толкованием 'выражение восхищения по поводу того, что два человека действуют одновременно одинаковым образом, без предварительной договоренности' [Κάτος].

Все эти выражения, представленные в словарях как полностью устойчивые, являются частными случаями реализации общей для них идиоматичной синтаксической конструкции *Ούτε να Ρ* 'ни если Р'. Отметим, что частные реализации фразеологизма-конструкции *Ούτε να Ρ* фиксируются в словарях в статьях лексем, входящих в состав его переменного компонента (*παραγγελία* 'заказ' [Χρηστικό λεξικό 2014: 1193; ΛΚΝ; Κάτος], *γαμπρός* 'жених', *νύφη* 'невеста', *συνεννοούμαι* 'сговориться' [Κάτος]). Очевидно, что в случае заполнения слота фразеологизма-конструкции *Ούτε να Ρ* другими лексемами его идентификация с помощью существующих словарных описаний будет невозможной. Значения, закрепляемые словарями за частными вариантами реализации этого фразеологизма-конструкции, основываются на лексическом заполнении слота в каждом конкретном случае.

Чтобы определить типовое значение, выражаемое фиксированным компонентом фразеологизма-конструкции *Ούτε να Ρ*, рассмотрим несколько примеров его употребления в текстах новогреческой художественной литературы.

(1) *Μέτρο δεν είχε τότες η χαρά του Παυλή. Μήτε στον Άγιο Τάφο να πήγαίνε.* (Εφταλ.)

букв. 'Предела не было тогда радости Павлиса. **Ни к Святому Гробу если бы он шел.**'

(2) *Ο στοχασμός σου έχει χυδαιότητα αποκρουστική. Ούτε μπακάλης να ήσουνα.* (Καρ.,

ΚΦ.)

букв. 'Твоя мысль отвратительно вульгарна. **Ни бакалейщиком если бы ты был.**'

(3) *Λέγε, ρε Μιστόκλη, τέτοια πολυλογία, αδερφάκι μου, ούτε βουλευτής να 'σουνα.*

(Μίσ.)

букв. 'Говори, Мистоклис, столько слов, братишка, **ни депутатом если бы ты был.**'

По всей видимости, фразеологизм-конструкция *Ούτε να Ρ* представляет собой редуцированный вариант синтаксически регулярного двухчастного построения *Ούτε / Μήτε να Ρ₁, (δεν) θα Ρ₂* ‘Даже если бы Р₁, то бы не Р₂’. Представленные выше примеры можно условно реконструировать следующим образом:

(1а) *Μήτε στον Άγιο Τάφο να πήγαινε, δεν θα χαιρόταν τόσο πολύ.*

‘Даже если бы он шел ко Гробу Господню, он бы так сильно не радовался’.

(2а) *Ούτε μπακάλης να ήσουνα, δεν θα είχες τόσο χυδαίους στοχασμούς.*

‘Даже если бы ты был бакалейщиком, твои мысли не были бы так вульгарны’.

(3а) *Ούτε βουλευτής να ήσουνα, δεν θα μιλούσες περισσότερο.*

‘Даже если бы ты был депутатом, ты не говорил бы больше’.

Идиоматичность фразеологизма-конструкции *Ούτε να Ρ*, таким образом, связана со структурной редуцией синтаксически регулярного построения, т.е., по А. Н. Баранову и Д. О. Добровольскому, «непрозрачностью редуцированной формы», когда «какое-то полное и вполне прозрачное выражение редуцируется до его отдельных фрагментов. Пропущенные составляющие семантически, однако, не исчезают, и тем самым при понимании данного выражения требуются какие-то дополнительные усилия» [Баранов, Добровольский 2014: 54].

Приведенные выше примеры показывают, что с помощью фразеологизма-конструкции *Ούτε να Ρ* говорящий метафорически сравнивает некую оцениваемую им ситуацию с другой ситуацией, обозначенной актантом Р. При этом ситуация, являющаяся объектом оценки, не уступает по своим параметрам ситуации, обозначенной актантом Р, и даже превосходит последнюю. На основании этого для примеров (1)–(3) можно предложить следующие варианты перевода:

(1б) ‘Предела не было радости Павлиса. **Он радовался больше, чем если бы шел ко Гробу Господню.**’

(2б) ‘Твоя мысль отвратительно вульгарна. **Хуже, чем у какого-нибудь бакалейщика.**’

(3б) ‘Валяй, Мистоклис, столько слов, братишка, **ты говоришь больше депутата.**’

Анализ текстов художественной литературы показывает также, что фразеологизм-конструкция *Ούτε να Ρ* может подвергаться дополнительной редукции, в результате чего

его фиксированная часть сокращается до одного союза *ούτε* ‘ни’, как в примерах (4)–(5) ниже.

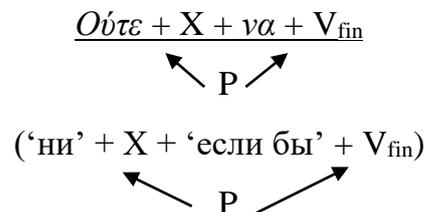
(4) [...] *την ώρα που ξεκινούσε το τρένο, τη βλέπω να καταφτάνει και να πηδά στο τελευταίο βαγόνι. Ούτε αθλήτρια άλματος επί κοντώ.* (Μουρ.)

‘[...] и когда уже трогался поезд, я вижу, как она подбегает и запрыгивает в последний вагон. **Просто прыгунья с шестом какая-то**’ (букв. ‘ни прыгунья с шестом’).

(5) *Η Ιζαμπέλ ανυπομονεί να δει τη συγκινητική συνάντηση, μετά από τόσα χρόνια. Ούτε στον κινηματογράφο...* (Ζέη, ΑΑ)

‘Изабель не терпится увидеть трогательную встречу спустя столько лет. **Совсем как в кино...**’ (букв. ‘ни в кино...’).

Поиск фразеологизма-конструкции *Ούτε να Ρ* в корпусе текстов eTenTen14 дал 1 390 результатов²³. В большинстве из них (95%) этот фразеологизм-конструкция имеет следующую структуру:

Как можно видеть из представленной схемы, пропозициональный актанта Р, формирующий переменный компонент фразеологизма-конструкции, в подавляющем большинстве случаев разбивается на две части, одна из которых — неглагольная (X) —

²³ Поиск случаев употребления фразеологизма-конструкции *Ούτε να Ρ* в корпусе проводился по ключевым словам *ούτε / μήτε* ‘ни’ и *να* ‘если’ с максимально возможным расстоянием между ними в три слова. Так как предложения с сослагательным наклонением образуются в новогреческом языке с помощью глагольных форм имперфекта и плюсквамперфекта, мы предположили, что в случае с фразеологизмом-конструкцией *Ούτε να Ρ* переменный компонент также будут формировать глаголы в одной из этих видовременных форм. Этот критерий был использован для того, чтобы отделить в корпусе нужный фразеологизм-конструкцию от множества синтаксических омонимов. Необходимо отметить, что в корпусе имеются случаи использования с рассматриваемым фразеологизмом-конструкцией и других временных форм, в частности аориста (например, *Ούτε να με άκουσε!* ‘Он как будто меня услышал!’) и настоящего времени (*Ούτε παραγγελία να ‘ναι κάποιες από αυτές* ‘Некоторые из них — как по заказу’), однако их мы расценивали как единичные и при подсчете не учитывали. Учень корпусные контексты, в которых фразеологизм-конструкция подвергается дополнительной редукции (до *Ούτε / Μήτε Χ*), не представлялось возможным из-за необходимости в этом случае обрабатывать вручную большое число контекстов (около 1,1 млн).

располагается непосредственно после союза *ούτε* ‘ни’. Основной функцией этой части (X) является обозначение семантического центра образного сравнения. Именно X и сохраняется в случае дополнительной редукции фразеологизма-конструкции (как в примерах (4)–(5) выше).

Как правило, (72% всех случаев в корпусе) X представлен именной группой (например, *μητέρα Τερέζα* ‘мать Тереза’, *Σομαλοί πειρατές* ‘сомалийские пираты’). Реже используются предложные группы (*στην Ανταρκτική* ‘в Антарктиде’, *καθ’ υπαγόρευση* ‘под диктовку’) (10%), отдельные причастия (*δασκαλεμένος* ‘науськанный’, *προγραμματισμένος* ‘запланированный’) (7%), прилагательные (*καινούργιος* ‘новый’, *παγκόσμιος* ‘всемирный’) (3%) или наречия (*επίτηδες* ‘нарочно’) (3%).

В составе пропозиционального актанта компонент X может выполнять различную синтаксическую функцию. Он может представлять собой именную часть сказуемого (пример 6), дополнение (7), обстоятельство (8) или подлежащее (9):

(6) *Είναι τέλεια τα τραγούδια, ούτε ο Μότσαρτ να σουν βρε!*

‘Эти песни — само совершенство, ты получишь любого Моцарта!’ (букв. ‘ни Моцартом если бы [ты] был’).

(7) *Τόσο σκάψιμο, ούτε θεμέλια ουρανοξύστη να ετοιμάζατε.*

‘Вы столько копаете, можно подумать, фундамент для небоскреба закладываете’ (букв. ‘ни фундамент небоскреба если бы [вы] закладывали’).

(8) *Ρε παιδιά, 3,50 ευρώ ένα ποτήρι coca cola? Ούτε από την Αμερική να το φέρνατε.*

‘Ну ребята, 3,50 евро за стакан кока-колы? Можно подумать, вы его из Америки доставили’ (букв. ‘ни из Америки если бы вы его доставили’).

(9) *Και μετά η καταγίδα! Ούτε ο Τυφώνας Κατρίν να πέρναγε!*

‘А потом — гроза! Будто ураган Катрина прошел!’ (букв. ‘ни ураган Катрина если бы прошел’).

В 5% случаев употребления фразеологизма-конструкции в корпусе пропозициональный актант не разбивается на две части, и построение имеет следующую структуру:

Ούτε + να + Ρ

(‘ни’ + ‘если бы’ + Ρ)

Приведем несколько примеров употребления фразеологизма-конструкции в корпусе в такой форме:

(10) *Λαός-ταξιδευτής και ανήσυχος. Ούτε να τους κυνηγούσαν.*

‘Народ кочующий и беспокойный. **Как будто их преследуют**’ (букв. ‘ни если бы их преследовали’).

(11) [...] *τα βλέπουμε όλα άσπρα ή μαύρα. Τόσο ασπρόμαυρο ούτε να παίζαμε σε ταινία νουβέλ βάγκ.*

‘[...] мы всё видим белым или черным. Всё в таких черно-белых тонах, что **можно подумать, мы играем в фильме nouvelle vague**’.

Общая частотность глаголов, формирующих пропозициональный акт фразеологизма-конструкции *Ούτε να P* в корпусе, показана в Таблице 10 (включены глаголы с частотностью более 10 употреблений).

Таблица 10 — Частотность глаголов, формирующих переменный компонент фразеологизма-конструкции *Ούτε να P*

Слово	Перевод	Частотность	Процент от общего числа употреблений
1	2	3	4
<i>είμαι</i>	быть	864	62,16%
<i>έχω</i>	иметь	114	8,20%
<i>κάνω</i>	делать	96	6,91%
<i>γράφω</i>	писать	23	1,65%
<i>παίζω</i>	играть	21	1,51%
<i>πηγαίνω</i>	идти	17	1,22%
<i>δίνω</i>	давать	16	1,15%
<i>ξέρω</i>	знать	16	1,15%
<i>παίρνω</i>	брать	14	1,01%
<i>γίνομαι</i>	становиться	13	0,94%

Как видно из Таблицы 10, спектр глаголов, используемых с этим фразеологизмом-конструкцией, довольно широк, однако наиболее часто используется глагол *είμαι* ‘быть’ и значительно реже — *έχω* ‘иметь’ и *κάνω* ‘делать’. На долю этих трех глаголов приходится около 80% всех корпусных контекстов.

Наиболее частотные словосочетания, образуемые глаголами переменного компонента, приведены в Таблице 11.

Таблица 11 — Наиболее частотные словосочетания, образуемые глаголами переменного компонента фразеологизма-конструкции *Ούτε να Ρ*

Словосочетание	Перевод	Частотность	Процент от общего числа употреблений
1	2	3	4
<i>είμαι συνεννοημένος</i>	быть сговорившимся	43	3,09%
<i>κάνω παραγγελία</i>	делать заказ	33	2,37%
<i>έχω παραγγελία</i>	иметь заказ	31	2,23%
<i>κάνω επίτηδες</i>	делать нарочно	25	1,80%
<i>είμαι βαλτός</i>	быть подосланным	19	1,37%
<i>είμαι προφήτης</i>	быть пророком	14	1,01%
<i>το ξέρω</i>	знать это	14	1,01%

На долю представленных в Таблице 11 словосочетаний — наиболее частотных — приходится в совокупности около 13% всех случаев употребления фразеологизма-конструкции *Ούτε να Ρ* в корпусе текстов. Фразеологизм является высокопродуктивным, и лексическое заполнение его слота может быть самым разнообразным.

В связи с этим, можно еще раз поднять вопрос о достаточности репрезентации рассматриваемого фразеологизма-конструкции в новогреческих словарях. Как видно из Таблицы 11, на долю словосочетаний *κάνω παραγγελία* ‘делать заказ’ и *έχω παραγγελία* ‘иметь заказ’, с которыми фразеологизм-конструкция *Ούτε να Ρ* зафиксирован в словаре Афинской академии, словаре Триандафиллидиса и словаре Катоса, приходится в

совокупности лишь 4,6% всех корпусных контекстов. Словосочетание *είμαι συνεννοημένος* ‘быть сговорившимся’, с которым фразеологизм-конструкция занесен в словарь Катоса, используется в 3,09% всех случаев. Варианты *Ούτε γαμπρός να ντυνόσουν / στολιζόσουν!* ‘ты будто жених одеваешься / наряжаешься’ и *Ούτε νύφη να ντυνόσουν / στολιζόσουν!* ‘ты будто невеста одеваешься / наряжаешься’, зафиксированные в словаре Катоса, не встретились в наших корпусных данных ни одного раза. Попытка найти их с помощью поисковой системы Google также не дала значимых результатов. Так, по запросу *Ούτε γαμπρός να ντυνόσουν / στολιζόσουν!* ‘ты будто жених одеваешься / наряжаешься’ было получено всего 4 точных соответствия, 2 из которых представляли собой ссылки на словарь Катоса. По запросу *Ούτε νύφη να ντυνόσουν / στολιζόσουν!* ‘ты будто невеста одеваешься / наряжаешься’ было получено два точных соответствия, оба из которых представляли собой ссылки на этот же словарь.

При переводе новогреческого фразеологизма-конструкции *Ούτε να Ρ* на другие языки переводчики могут по-разному акцентировать его семантические оттенки. Так, в приведенных ниже примерах при переводе используются языковые средства со значением превосходства (12–13), полного соответствия (14) или подобия (15).

(12) *Κατευθείαν καρδιά χτύπησε. Ούτε σφαίρα να ήτανε.* (Μουρ.)

букв. ‘Прямо в сердце ударил. Ни пулей если бы был’.

«It was a direct blow to the heart. **A bullet couldn't have done a better job**» (Μουρ., пер. с греч.: F. A. Reed).

(13) — *Τόση ανάλυση, ούτε Σαίξπηρ να παίζαμε, μурμουρίζει ο Ευγένιος.* (Ζέη, ΑΑ)

букв. ‘— Столько анализа, ни Шекспира если бы мы играли, — бормочет Евгений’.

«All this analysis — **we'd be lucky to get it if we were playing Shakespeare, murmurs Eugenios**» (Zei, AF, пер. на англ.: G. Holst-Warhaft)

(14) *Δώδεκα άτομα μέτρησα καθισμένα στο τραπέζι. Ούτε ο Μυστικός Δείπνος να ήταν* (Μουρ.)

букв. ‘Я насчитал за столом двенадцать человек. Ни Тайная вечеря если бы это была’.

«I counted twelve people at the table. **It was the Last Supper all over again**» (Μουρ., пер. с греч.: F. A. Reed)

(15) *Εβλεπες κάτι μάτια, ούτε του Χριστού, τόση αθωότητα, [...].* (Μουρ.)

букв. ‘Там такие глаза, ни Христа, столько невинности’.

«There would be these eyes full of **Christ-like** innocence, [...].» (Μουρ., пер. с греч.: F. A. Reed)

В некоторых случаях семантика новогреческого фразеологизма-конструкции передается с помощью риторического вопроса, как в примере (16).

(16) *Έτρεμα μήπως θυμηθεί τα οικονομικά μας. Δεν πρόλαβα να το σκεφτώ και το ξεφούρνισε. — Τι έκανες; Πλήρωσες το πτυχίο; — Ούτε μέντιουμ να ήτανε.* (Μουρ.)

букв. ‘Я боялся, как бы она не вспомнила про наши деньги. Не успел я об этом подумать, как она выпалила: — Чем ты занимался? Заплатил за диплом? — Ни медиумом если бы она была’.

«Would she bring up the money? I was quaking at the thought. But before I could even get that far, she blurted out: — So, what happened? You pay the fees? **Was she a medium or what?**» (Μουρ.)

Есть и случаи не вполне точной интерпретации рассматриваемого фразеологизма-конструкции переводчиками новогреческой литературы. Неточности в переводе связаны, как правило, с тем, что идиоматичная синтаксическая конструкция интерпретируется переводчиком как композиционное построение и переводится на другой язык с сохранением отрицательного значения у союза *ούτε*:

(17) *Ούτε ψυχολόγος να ήταν, ούτε ψυχίατρος. Χαρτί και καλαμάρι με ήξερε.* (Μουρ.)

«**Maybe he wasn't a psychologist or a psychiatrist**, but he sure as hell knew me inside out». (Μουρ., пер. на англ.: F. A. Reed)

(18) *Το δευτερόλεπτο που την έφερε στο στόμα, σκέφτηκε τον ύποπτο και το υδροκυάνιο. Μια τέτοια χειρονομία είχε κάνει κι αυτός. «Ούτε ασπιρίνη να ήτανε!»* (Σαμ., Λ.)

«The second that he put it to his mouth, he thought of the suspect and the cyanide. He had made an almost identical gesture. **‘Though that was no aspirin!**» (Sam., пер. на англ.: P. Mansfield, R. Burns)

(19) [...] *είχε μάθει τα ελληνικά μια χαρά, ούτε Πελοποννήσιος να ήταν πια [...]* (Μάτ.)

«[...] он очень хорошо выучил греческий, **хотя и не был с Пелопоннеса [...]**» (Ματ., пер. на рус.: Е. С. Басова)

В примерах (17)–(19) фразы *Ούτε ψυχολόγος να ήταν, ούτε ψυχίατρος* (букв. ‘Ни психологом если бы был, ни психиатром’), *Ούτε ασπιρίνη να ήτανε* (букв. ‘Ни аспирин если бы это был’) и *ούτε Πελοποννήσιος να ήταν πια* (букв. ‘ни пелопоннсец если бы он был уже’) переводятся на английский и русский языки со значением отрицания: «*he wasn't a psychologist*», «*that was no aspirin*», «не был с Пелопоннеса». Несоответствие такого перевода интенции автора особенно заметно в примере 19, где в тексте-источнике присутствует слово *πια* ‘уже’, опущенное в переводе на русский язык. Более точным, по нашему мнению, был бы английский перевод, соответствующий русскому «Он знал меня лучше любого психолога или психиатра» для примера 17, «Можно подумать, это был аспирин!» для примера 18 и русский перевод «он прекрасно освоил греческий, уже лучше любого пелопоннесца» для примера 19.

Таким образом, идиоматичная синтаксическая конструкция *Ούτε να P* представляет собой фразеологизм-конструкцию со значением сходства некоторой реальной оцениваемой ситуации с другой ситуацией, обозначенной переменным компонентом. На русский язык рассматриваемый фразеологизм-конструкция может быть переведен с помощью таких оборотов, как *Словно (бы) P*; *Как будто (бы) P*; *Можно подумать, что P*; *Лучше / больше чем, если бы P*; и пр.

4.3.2. *Τύφλα να (έ)χει X*

Фразеологизм-конструкция *Τύφλα να (έ)χει X* (букв. ‘слепоту чтобы имел X’) зафиксирован как устойчивое выражение во всех основных новогреческих общезыковых словарях и сборниках фразеологизмов. В словарях для этого выражения предлагаются следующие толкования: «о человеке, который настолько сильно отличается каким-либо качеством, что при сравнении с кем-либо [другим], знаменитым тем же качеством, оказывается лучше» [Μπαμπινιώτης 2005: 1818]; «о ком-либо или чем-либо, обладающем каким-либо качеством в гораздо большей степени, чем кто-либо или что-либо, знаменитый/-ое тем же» [Χρηστικό λεξικό 2014: 1109].

Таким образом, фразеологизм-конструкция *Τύφλα να (έ)χει X* представляет собой оценочное высказывание, функцией переменного компонента X в котором является обозначение оценочного стереотипа, т. е. того «знаменитого каким-либо качеством»

лица, предмета или явления, с которым сопоставляется объект оценки. При этом, в соответствии со значением, выражаемым фиксированным компонентом, оценочный стереотип уступает по степени выраженности этого качества объекту оценки, как в примере (1).

(1) *Της ἔλεγε «Σούζα!» κι αὐτός ο σατανάς σηκωνόταν στα πισινά του πόδια και δεν κατέβαινε ἐπ’ οὐδενί λόγῳ ἀν δὲν της ἔλεγε «Κάτω». Τύφλα να ἔχουν τα σκυλιά των τσίρκων* (Таχ.)

«Говорил: “Служи!”, и эта дьяволица вставала на задние лапки и ни за что не опускалась обратно, пока он ей не скажет: “Вниз”. **Получше всяких там цирковых собачек была**» (Тах., пер. с греч. на рус.: А. Ковалева).

В этом примере в предложении *Τύφλα να ἔχουν τα σκυλιά των τσίρκων* (букв. ‘слепоту чтобы имели собаки цирков’) слот фразеологизма-конструкции *Τύφλα να (έ)χει X* заполняется словосочетанием *τα σκυλιά των τσίρκων* ‘цирковые собачки’, выполняющим функцию идеального оценочного стереотипа. С этим оценочным стереотипом сопоставляется конкретная домашняя собачка, являющаяся непосредственным объектом оценки, при этом говорящий подчеркивает, что способности домашней собачки намного превышают способности цирковых.

М. Сетатос рассматривает данный фразеологизм-конструкцию как фразеологему, фиксированный компонент которой имеет структуру предложения [Σετάτος 1994с: 178].

Основной лексический «якорь» рассматриваемого фразеологизма-конструкции — слово *τύφλα* — имеет согласно словарю Триандафиллидиса значение ‘слепота, кривизна’ и обычно употребляется «в восклицательных репликах негодования или презрения по поводу кого-либо, кто по невнимательности оказывается в какой-либо ситуации или терпит в чем-либо неудачу» [ΛΚΝ].

Н. Сарандакос и А. Димитриу обращают внимание на связь выражения *Τύφλα να (έ)χει X* в релевантном для нас значении превосходства над оценочным стереотипом с так называемой «мундзой» — специфическим для греческой культуры оскорбительным жестом (подробнее о «мундзе» см. работу К. А. Климовой [Климова 2017]). Так, Н. Сарандакос отмечает: «*Τύφλα να ἔχει* означает “покажи ему мундзу”»²⁴ [Σαραντάκος 2013: 273]. А. Димитриу обращает внимание на то, что в выражении *Τύφλα να (έ)χει X*

²⁴ «*Τύφλα να ἔχει* σημαίνει “μούντζωσέ τον”» [Σαραντάκος 2013: 273].

слово *τύφλα/-ες* может заменяться на слово *μούντζα/-ες* ‘мундза, -ы’ [Δημητρίου 1995: 394].

Несмотря на то, что внутренняя форма фразеологизма-конструкции *Τύφλα να (έ)χει X* связана с оскорбительным для греческой культуры жестом, сам по себе фразеологизм-конструкция не является проклятием или оскорбительным высказыванием, о чем в первую очередь свидетельствует отсутствие соответствующих помет в его словарных толкованиях. Напротив, в словарях и сборниках фразеологизмов указывается на то, что фразеологизм-конструкция обычно используется для того, чтобы «похвалить какого-либо человека из [...] непосредственного окружения» [Σαραντάκος 2013: 273], сравнив его с каким-либо знаменитым лицом, или же употребляется иронически [Δημητρίου 1995: 394].

Фразеологизм-конструкция *Τύφλα να (έ)χει X* может также быть распространен вторым переменным компонентом (Y), указывающим на непосредственный объект оценки, т.е. *Τύφλα να (έ)χει X μπροστά σε Y* (букв. ‘слепоту чтобы имел X перед Y’), как в примере (2).

(2) *Γέμισε νεράκι κρύο την κούπα του και την κατέβασε χτυπώντας τη γλώσσα του ευχαριστημένος. — Τύφλες να 'χει το κρασί μπροστά στο νεράκι του Θεού! είπε.* (Καζ., ΧΞ)

«Он наполнил холодной водой чашку и поднял ее, удовлетворенно причмокивая языком. — **Гроша не стоит вино по сравнению с божьей водицей**, — сказал он» (букв. ‘слепоту чтобы имело вино перед водичкой Бога’). (Καζ., ΧΡ, пер. с греч. на рус.: И. С. Поступальский, Я. Мочос)

Именно в таком виде — с двумя переменными компонентами — рассматриваемый фразеологизм-конструкция и занесен в большинство словарей новогреческого языка, т. е. как *τύφλα να 'χει ο (τάδε) μπροστά στο(ν) δείνα* ‘слепоту чтобы имел X перед Y’ (см., например, [Μπαμπινιώτης 2005: 1818; Χρηστικό λεξικό 2014: 1109; ΛΚΝ]). При этом некоторые словари закрепляют за фразеологизмом-конструкцией максимально схематическое значение, например, ‘Y гораздо лучше X’ [ΛΚΝ].

Добавление второго переменного компонента в состав рассматриваемого фразеологизма-конструкции в некоторой степени влияет на его стилистическую окраску, в чем можно убедиться, сравнив пример (1) с примерами (2)–(3).

(3) *Τι είναι αγάπη; Πού ξέρω εγώ; [...] Ξέρεις τι λένε τα βόδια συναμεταξύ τους, σαν είναι δυό δυό; Και τι λένε τα φίδια σαν είναι ταίρια; [...] Τίποτις. Μα τύφλα να 'χει η μιλιά, μπρος σ' αυτό το «τίποτις».* (Λουντ.)

‘Что такое любовь? Да откуда мне знать? [...] Вот ты знаешь, что говорят волы друг дружке, когда вдвоем? А что змеи говорят, когда они пара? [...] Ни-че-го. Но разве сравнятся слова с этим “ничего”?’ (букв. ‘слепоту чтобы имела речь перед этим “ничего”’).

Поиск фразеологизма-конструкции *Τύφλα να (έ)χει X* в корпусе текстов eTenTen14 дал 1 431 результат²⁵. В большинстве из них (91%) рассматриваемый фразеологизм-конструкция имеет следующую структуру:

$$\underline{\text{Τύφλα} + \text{να} + \text{έχω}_{\text{fin}} + \text{NP}_{\text{Nom}}}$$

(‘слепоту’ + ‘чтобы’ + ‘иметь’_{fin} + NP_{Nom})

Случаи структурной модификации фразеологизма-конструкции в основном представлены контекстами, в которых в его состав вводится второй переменный компонент Y, указывающий на непосредственный объект оценки, как в примерах (2)–(3) выше. Второй переменный компонент вводится с помощью элементов *μπροστά / εμπρός / μπρος* ‘перед’, *απέναντι* ‘напротив’ и не имеет фиксированной позиции. Так, он может располагаться после основной части фразеологизма-конструкции (*Τύφλα να έχει X μπροστά σε Y* ‘слепоту чтобы имел X перед Y’), в предшествующей части текста (*Μπροστά σε Y, τύφλα να έχει X* ‘перед Y, слепоту чтобы имел X’), а в редких случаях — внутри фразеологизма-конструкции, перед основным переменным компонентом X (*Τύφλα να έχει μπροστά σε Y X* ‘слепоту чтобы имел перед Y X’). Низкая частотность употребления второго переменного компонента Y (9% всех случаев в корпусе) и отсутствие у него фиксированной позиции позволяют нам вынести его за пределы компонентного состава фразеологизма-конструкции *Τύφλα να (έ)χει X*.

²⁵ Корпусный анализ проводился с помощью поиска по ключевому слову *τύφλα / τύφλες* ‘слепота’ и *μού(ν)τζα / μού(ν)τζες* ‘мундза, -ы’, а также дальнейшей вычитки каждого контекста для исключения синтаксических омонимов. Как омоним расценивалась, помимо прочего, и пословица *Σαν θέλει η νύφη κι ο γαμπρός τύφλα να 'χει ο πεθερός* ‘Когда хочет невеста и жених, слепоту чтобы имел тесть / свекор’, занесенная в словари с толкованием ‘чтобы показать, что итоговое решение принимают напрямую заинтересованные [лица], а не какое-либо третье лицо’ [ΛΚΝ], а также случаи игровой трансформации этой пословицы.

Другие типы модификации структуры фразеологизма-конструкции в корпусе представлены единичными случаями употребления слова *τύφλα* ‘слепота’ в форме множественного числа (*τύφλες*) или замены слова *τύφλα* на *μού(ν)τζες* ‘мундзы’, как в примере (4).

(4) *Μ- Είδες Γιάννη στο Ληξούρι τι ζωή και λεβεντιά; Γ.- Μούντζες νάχη τ' Αργοστόλι μ' όλη του την Αρχοντιά*²⁶.

‘*Μ[αριος]*: Ты видел, Яннис, в Ликсури-то какая жизнь да удаль? *Я[ннис]*: **Гроша не стоит Аргостоли со всем его аристократизмом**’ (букв. ‘мундзы чтобы имел Аргостоли со всем его аристократизмом’).

Данные корпуса текстов показывают, что слот фразеологизма-конструкции *Τύφλα να (έ)χει Χ* заполняется именной группой в именительном падеже, обозначающей как одушевленные объекты (52% случаев), так и неодушевленные (48%). При этом ключевым требованием к актантам, заполняющим слот, является наличие у них коннотативного потенциала, достаточного для того, чтобы выполнять в конкретном контексте роль оценочного стереотипа.

Значительная часть актантов, заполняющих слот фразеологизма-конструкции, представлена в корпусе именами собственными (57% всех случаев). Это имена людей или вымышленных персонажей, например *Σβαρτσενέγκερ* ‘Шварцнеггер’, *Μακιαβέλι* ‘Макиавелли’, *Σέρλοκ Χόλμς* ‘Шерлок Холмс’ (38% всех случаев); названия организаций, творческих коллективов, спортивных команд и торговых марок, например *Greenpeace* ‘Гринпис’, *Μπάρσα* ‘Барса’, *Μπόντι Λάιν* ‘Боди Лайн’ (8%); названия книг, фильмов, сериалов, телевизионных шоу, компьютерных игр и пр., например *Πτώση του Καμύ* ‘«Падение» Камю’, *«Πουλιά» του Χίτσκοκ* ‘«Птицы» Хичкока’, *dancing with the stars* ‘Танцы со звездами’ (5%); географические наименования, например *Άλπεις* ‘Альпы’, *Ιράκ* ‘Ирак’ (5%) и др.

Среди актантов, не принадлежащих к категории имен собственных, обширную группу составляют различные характеристики человека (12% всех случаев) — по профессиональной принадлежности или роду занятий, социальному статусу, национальной принадлежности, возрасту, полу, идеологическим убеждениям и пр., например *επαγγελματίες δημοσιογράφοι* ‘профессиональные журналисты’, *Ιταλοί*

²⁶ Этот контекст представляет собой фрагмент сатирического стихотворения Г. Молфетаса и датируется 1905 г. (подробнее см. [Τζουγανάτος 1980: 214–215]).

‘итальянцы’, *20άρεις* ‘двадцатилетние [девушки]’. Также встречаются обозначения различных технических приспособлений, предметов мебели, блюд, напитков, лекарственных препаратов, наркотических веществ и пр. (7%), например *όλα τα κλιματιστικά του κόσμου* ‘все кондиционеры мира’, *σοκολάτα* ‘шоколад’, *ηρωίνη* ‘героин’; абстрактные понятия (5%), например *παν αγαθόν επίγειον* ‘всякое земное благо’; обозначения различных видов и сфер деятельности (5%), например, *παιχνίδι* ‘игра’, *επιχειρήσεις* ‘бизнес’; типы заведений и части населенных пунктов (3%), например *πεντάστερα ξενοδοχεία* ‘пятизвездочные отели’, *γειτονιές της Πόλης* ‘кварталы Константинополя’ и др.

Как правило, актанты, заполняющие слот, сопровождаются определенным артиклем.

Слова, наиболее часто заполняющие слот фразеологизма-конструкции *Τύφλα να (έ)χει Χ* в корпусе текстов, представлены в Таблице 12.

Таблица 12 — Актанты, наиболее часто заполняющие слот фразеологизма-конструкции *Τύφλα να (έ)χει Χ*

Слово	Перевод	Частотность	Процент от общего числа употреблений
1	2	3	4
<i>Μάρλον Μπράντο</i>	Марлон Брандо	38	2,66%
<i>γαμήσι</i>	секс (обсц.)	20	1,40%
<i>Γκέμπελς</i>	Геббельс	13	0,91%
<i>Χίτлер / Αδόλφος</i>	Гитлер / Адольф	10	0,70%
<i>επαγγελματίες</i>	профессионалы	8	0,56%
<i>20άρεις</i>	20-летние	7	0,49%
<i>εχθροί</i>	враги	6	0,42%
<i>Κομανέτσι</i>	Команечи	6	0,42%
<i>Τζέιμς Μποντ</i>	Джеймс Бонд	6	0,42%

Продолжение таблицы 12

1	2	3	4
<i>Λιακόπουλος</i>	Лиакопулос	5	0,35%
<i>Ντέβιντ Κόπερφιλντ</i>	Дэвид Копперфильд	5	0,35%
<i>Φώσκολος</i>	Фосколос	5	0,35%

Как видно из Таблицы 12, фразеологизм-конструкция *Τύφλα να (έ)χει X* не имеет ярко выраженных «фаворитов». Сравнительно более высокая частотность его употребления со словосочетанием *Μάρλον Μπράντο* ‘Марлон Брандо’ объясняется существованием одноименного греческого фильма: «*Τύφλα να ’χει ο Μάρλον Μπράντο*» (1963 г.).

Приведем несколько примеров употребления фразеологизма-конструкции в корпусе текстов.

(5) *Δεν μπορεί να σου μιλήσει ανοιχτά για τίποτα, η δουλειά του είναι μυστική (τύφλα να έχει ο Τζέιμς Μποντ), το σπίτι του δεν πρέπει να το βλέπεις για τη δική σου ασφάλεια, τηλέφωνο κινητό δεν έχει [...].*

‘Он не может поговорить с тобой начистоту ни о чем, его работа секретная (**он покруче, чем Джеймс Бонд**), дома у него лучше не бывать ради твоей же безопасности, мобильного телефона у него нет [...]’ (букв. ‘слепоту чтобы имел Джеймс Бонд’).

(6) *Όσοι από την άλλη χάνουν σταθερά, έχουν εναποθέσει το κακό τους σερί στην παγκόσμια συνωμοσία αφανισμού των ελλήνων παικτών από το διαδίκτυο, σε ένα σκεπτικό που, τύφλα να ’χει ο Λιακόπουλος.*

‘С другой стороны, те, кто стабильно проигрывает, списывает серию своих неудач на всемирный заговор по устранению греческих игроков из интернета, изобретая такую версию, что **сам Лиакопулос отдыхает**’ (букв. ‘слепоту чтобы имел Лиакопулос’).

На другие иностранные языки греческий фразеологизм-конструкция *Τύφλα να (έ)χει X* может переводиться по-разному. Так, для перевода на английский язык уже рассмотренного выше примера (1) *Τύφλα να ’χουν τα σκυλιά των τσίρκων* («Получше всяких там цирковых собачек была»), переводчик использовал композиционное построение «*She was better than anything you ever saw at the circus*» (Так., TW, пер. с греч.

на англ. L. Finer). При переводе на английский, французский и испанский языки фразы из примера (2) *Τύφλες να 'χει το κρασί μπροστά στο νεράκι του Θεού!* («Гроша не стоит вино по сравнению с божьей водицей») были использованы риторические вопросы и восклицания: “What’s wine, compared with the water given by the good God?” (Kaz., GP, пер. на англ.: J. Griffin); «Qu’est-ce que le vin en comparaison de l’eau que Dieu nous a donnée ?» (Kaz. CR, пер. на франц.: P. Amandry) и «¿Qué tiene que ver el vino en comparación con el agua que hizo Dios!» (Kaz. CN, пер. на исп.: J. L. de Izquierdo Hernández).

Варианты перевода фразеологизма-конструкции *Τύφλα να (έ)χει X* на русский язык также могут быть самыми разнообразными: *Куда там какому-то X! Получше всякого X! X курит в сторонке; Разве сравнится с этим X?* и пр.

4.4. Фразеологизмы-конструкции со значением степени проявления признака или степени приближения к признаку

4.4.1. Фразеологизм-конструкция *Πιο X πεθαίνεις*

Фразеологизм-конструкция *Πιο X πεθαίνεις* (букв. ‘более X умираешь’) появился в греческом языке сравнительно недавно — наиболее ранние из обнаруженных нами случаев его использования в грекоязычном сегменте интернета приходятся на первое десятилетие 2000-х гг.²⁷ На данный момент этот фразеологизм-конструкция зафиксирован только в онлайн-словаре греческого сленга *slang.gr*, где имеет следующее толкование: ‘качество / черта / поведение кого-либо выходит за красную линию жизни’, ‘суперлатив суперлатива’ [www.slang.gr/lemma/20864-pio-pethaineis]²⁸.

Рассматриваемый фразеологизм-конструкция выражает значение высокой степени некоторого свойства или высокой интенсивности некоторого состояния, — в значительной степени превышающих норму. Такое значение этого фразеологизма-

²⁷ Поиск фразеологизма-конструкции в поисковой системе Google и социальных сетях Facebook и Twitter не дал результатов ранее 2007 г.

²⁸ До 01.10.2019 выражение *πιο τάδε πεθαίνεις* также было включено в онлайн-словарь *Βικιλεξικό*, где интерпретировалось следующим образом: ‘чтобы указать на то, что чье-либо качество / чья-либо черта выражены интенсивно’ [https://el.wiktionary.org/wiki/πιο_τάδε_πεθαίνεις]. После 01.10.2019 страница с этим выражением была удалена с формулировкой «ανύπαρκτος όρος» ‘несуществующий термин’.

конструкции поддерживается его внутренней формой, указывающей на приближение описываемого свойства или состояния к естественно допустимому для живого существа пределу интенсивности — физической смерти. Слот заполняется актантами, обозначающими то свойство, степень которого определяется:

(1) *Είναι πιο τελειομανής πεθαίνεις — όλα πρέπει να είναι τέλεια, άψογα, όχι απλά καλά.*²⁹

‘Он в высшей степени перфекционист — всё должно быть идеально, безупречно, а не просто хорошо’ (букв. ‘более перфекционист умираешь’).

(2) *Όσο για τις ερωτήσεις στους καλεσμένους, πιο βαρετές πεθαίνεις.*³⁰

‘Что касается вопросов гостям, они в высшей степени скучны’ (букв. ‘более скучные умираешь’).

Значительная доля употреблений фразеологизма-конструкции *Πιο Χ πεθαίνεις* приходится на социальные сети. По нашим подсчетам, лишь в период с 2009 по 2012 гг. этот фразеологизм-конструкция был использован в социальной сети Twitter более 20 тыс. раз [Онуфриева 2020: 612]. О прочной ассоциации фразеологизма-конструкции *Πιο Χ πεθαίνεις* с социальными сетями свидетельствует и то, что его периодически включают в различные перечни «выражений Facebook» и описания «языка Twitter»³¹.

В то же время это идиоматичное выражение можно услышать и в более формальных контекстах, например в публичных выступлениях греческих политиков. В качестве примера можно привести фрагмент из телевизионного диспута депутатов греческого парламента Н. Тоскаса и П. Панайотопулоса в 2019 г.:

(3) — *Όχι και ακροδεξιός ο Μητσοτάκης! Πιο κεντρώος πεθαίνεις απ’ τον Μητσοτάκη!*

‘— Только не надо Мицотакиса называть ультраправым! **Большим центристом, чем Мицотакис, быть невозможно!**’ (букв. ‘более центрист умираешь, чем Мицотакис’)³².

²⁹ [<https://eidiseis247.gr/cposts/11/23/6814726/#>].

³⁰ [<https://blogs.gossip-tv.gr/nassos/apopsi/πρωινούλι-η-ανεπάρκεια-των-κεντρικών/>].

³¹ См., например, статья 2018 г. «14 χρόνια Facebook» ‘14 лет Facebook’ [Θεοχάρης 2018]. Статья представлена как «попытка перечислить слова и выражения, которые повторяются в Facebook настолько часто, что их невозможно (и нельзя) обойти вниманием».

³² [<https://www.youtube.com/watch?v=VLCBEIDeEBA&t=1002s>].

В литературных контекстах мы обнаружили рассматриваемый ФК только в текстах переводов на греческий язык современных иноязычных литературных произведений:

(4) *‘Ten days?’ Frank gives Dad one of his death-ray, please-die-now stares. ‘That is so out of proportion.’* (Kins.).

«Δέκα μέρες;» Ο Φρανκ ρίχνει στον μπαμπά ένα από αυτά τα βλέμματα του που σκοτώνουν άνθρωπο. «**Πιο υπερβολικό πεθαίνεις**» (Κινσ., пер. с англ. на греч.: Σ. Κάσδαγλη).

‘«Десять дней?» Фрэнк бросает на папу один из тех своих взглядов, что могут убить человека. «**Это более, чем чрезмерно**»’ (букв. ‘более чрезмерно умираешь’).

(5) “[...] *¡pero ese cojín es cursi, cursi, cursi a morir!*” (Gim.).

[...] αυτό το μαξιλαράκι είναι τελείως κίτς, **πιο κίτς πεθαίνεις!** (Χιμ., пер. с исп. на греч.: Α. Βασιλάκου).

‘[...] эта подушечка — абсолютный китч, **большего китча и не придумаешь!**’ (букв. ‘более китч умираешь’).

Расширению сферы употребления фразеологизма-конструкции *Πιο Χ πεθαίνεις* и росту частотности его употребления способствовало появление в 2012 г. песни под названием «Πιο έρωτας πεθαίνεις» (букв. ‘более любовь умираешь’, т. е. ‘большей любви быть не может’)³³, а в 2017 г. — серии рекламных видеороликов сервиса по доставке еды с общим слоганом «Πιο εύκολο πεθαίνεις» (букв. ‘более просто умираешь’ — ‘проще не бывает’).

По мнению Н. Сарандакоса, фразеологизм-конструкция *Πιο Χ πεθαίνεις* имеет негреческое происхождение и обязан своим появлением французскому выражению *Plus X que Y, tu meurs* (букв. ‘более X чем Y, ты умираешь’ — ‘более X, чем Y, умереть можно’) [Σαραντάκος 2017]. Французский аналог греческого фразеологизма-конструкции — *Plus X que Y, tu meurs* — занесен в словари французского языка. В словаре «Larousse» он имеет следующее толкование: «ироническая реплика, которая означает, что качество, выраженное прилагательным в сравнительной степени, невозможно превзойти, что лучшего (или худшего) добиться невозможно» [Larousse].

³³ В связи с выходом песни пользователи Twitter пишут: *Εμφανής η επιρροή του twitter στην ελληνική μουσική σκηνή* ‘Заметно влияние Twitter на греческую музыку’. https://twitter.com/AmberP_/status/272023909921091584.

При этом для французского языка выражение *Plus X que Y, tu meurs*, по всей видимости, также является заимствованием. Так, в словаре «Dictionnaire du français argotique et populaire» оно сопровождается пометой «pataouète» [Caradec, Pouy 2009: 167], значение которой поясняется во введении к этому словарю: «завезенное во Францию франкоалжирцами [pieds-noirs] из Алжира в 60-х гг., вместе с их синтаксисом»³⁴ [Caradec, Pouy 2009: XVIII]³⁵. Другие французские исследователи считают, что истинным источником заимствования французского выражения *Plus X que Y, tu meurs* является итальянский язык, где существует аналогичное выражение *Più X di Y si muore*. Так, Ф. Дурнон пишет: «Фильм под названием „Plus beau que moi, tu meurs!“ сделал известным во Франции это итальянское выражение» [Dournon 1994: 243]. В то же время очевидно, что обе эти версии не противоречат друг другу, если учитывать, что патауэт представляет собой «французский диалект, в который были перенесены лексика и синтаксические формы из испанского, итальянского, мальтийского и арабского языков» [Sivan 1979: 21].

Итальянский фразеологизм-конструкция *Più X di Y si muore* зафиксирован в авторитетных словарях итальянского языка (например, в «Большом словаре итальянского языка» [GDLI X 1994: 914]), а также некоторых сборниках устойчивых выражений (например, [Provenzal 1958: 244]). В письменных источниках итальянское выражение *Più X di Y si muore* встречается уже с 1920-х гг., а его происхождение связывается с прецедентным высказыванием, авторство которого приписывается римскому комику Э. Петролини (1886–1936)³⁶.

³⁴ «que les pieds-noirs d'Algérie ont introduit en France dans les années 60, avec sa syntaxe» [Caradec, Pouy 2009: XVIII]. В качестве примера далее приводится фраза *Plus beau que moi, tu meurs* (букв. 'более красивый, чем я, ты умираешь' — 'я невероятно красив').

³⁵ Особую популярность выражение *Plus X que Y, tu meurs* приобрело во Франции после выхода в 1982 г. комедии (а также песни) под названием «Plus beau que moi tu meurs!» (букв. 'более красивый, чем я, ты умираешь!' — 'Просто красавчик!'). В сборнике «Le bouquet des expressions imagées» выражение *tu meurs!* сопровождается следующим комментарием: «В то время как [этот] фильм был спорного качества, выражение *plus quelque chose que moi* (или *que lui*) *tu meurs!* сделало неплохую карьеру». Далее там же указывается: «Если получится произнести его с франкоалжирским акцентом, так еще лучше!» [Duneton, Claval 1990: 608].

³⁶ Так, 28 марта 1922 г. в итальянской ежедневной газете «Corriere della Sera» У. Ойетти пишет: «Петролини, во фраке, сделал последний пируэт, произнес последнюю шутку. Оркестр внезапно замолчал. Выпрямившись, посерьезнев, прижав цилиндр к животу, Петролини задирает крючковатый нос, распаивает черные большие глаза и произносит свою реплику: „Più stupido di così si muore“. Публика аплодирует, аплодирует, аплодирует» [Ojetti 1922].

Таким образом, можно предположить, что новогреческий фразеологизм-конструкция *Πιο Χ πεθαίνεις* представляет собой заимствование из французского и / или итальянского языков. Косвенно это подтверждается и тем фактом, что он вызывает негативную реакцию у некоторых носителей греческого языка. Об этом свидетельствуют критические сообщения в социальных сетях³⁷, исключение фразеологизма-конструкции из онлайн-словаря *Βικιλεξικό*, а также присутствие фразеологизма-конструкции в перечне фраз, употребления которых в речи следует избегать. В конце 2014 г. греческое интернет-издание *Lifo.gr* включило выражение *Πιο Χ πεθαίνεις* в перечень фраз, употребление которых в 2015 г. «запрещается» (5-е место по результатам голосования читателей) [Δημοκίδης 2015]³⁸.

Неприятие нового фразеологизма-конструкции, по-видимому, частично объясняется «инородностью [его] грамматической структуры и сочетаемости слов-компонентов» [Солодухо 1982: 136]. Подтверждением этому являются высказывания в прессе и социальных сетях, демонстрирующие непонимание синтаксических связей в конструкции. Так, комментируя уже упомянутую выше песню «Πιο έρωτας πεθαίνεις», Г. Смирнис пишет о том, что ее слова «действительно сложно понять»: «“Более любовь умираешь”. Кто умирает? Ты или любовь? И как может умирать любовь и быть более любовь?» [Σμυρνής 2013]. Показательно также, что в 5% всех случаев письменного воспроизведения фразеологизма-конструкции *Πιο Χ πεθαίνεις* в Twitter в период с 2009 по 2012 г. допущена ошибка в слове *πιο*³⁹.

³⁷ См., например, такие сообщения в Twitter: *Η εκφραση “πιο (κατι) πεθαινεις” εχει αρχισει και μου τη δινει...* ‘Фраза «πιο (что-либо) πεθαινεις» начала меня бесить...’. [<https://twitter.com/eliaskazais/status/72348209166553089>], *Ποτε θα σταματησει αυτο με τα “πιο...πεθαινεις”;* ‘Когда прекратится это «πιο...πεθαινεις?»’ [<https://twitter.com/byRevery/status/175293143288262656>] и пр.

³⁸ Схожую судьбу пока имеет в новогреческом языке и выражение *Δεν υπάρχει!* (букв. ‘не существует’), по всей видимости, также представляющее собой фразеологическую кальку с соответствующего итальянского выражения — *Non esiste!*, выражающего отрицательную или положительную оценку какого-либо объекта или ситуации. Ср. такие контексты, как итал. *Questa ragazza non esiste. È perfetta* (букв. ‘эта девушка не существует. Она совершенна’ — ‘эта девушка — само совершенство’), и новогреч. *Το άγχος για να βάλεις τα ψώνια στις σακούλες γρήγορα στο ταμείο του σουπερμάρκετ δεν υπάρχει* ‘Стресс, который ты испытываешь, пытаясь быстро разложить покупки по сумкам на кассе в супермаркете, просто не поддается описанию’, букв. ‘не существует’ [https://twitter.com/i_louko/status/7170224551]. Примечательно, что сами пользователи Twitter сравнивают фразеологизм-конструкцию *Πιο Χ πεθαίνεις* с фразой *Δεν υπάρχει: Το ‘πιο + (συμπλήρωσε επίθετο), πεθαίνεις’ είναι το νέο ‘δεν υπάρχει’* ‘Фраза ‘πιο + (вставить прилагательное), πεθαίνεις’ — это новое ‘δεν υπάρχει’» [<https://twitter.com/TheRealEltisiko/status/16250826378>].

³⁹ Наиболее распространенная ошибка — замена наречия *πιο* (‘более’) полностью созвучным местоимением *ποιο* (‘какое’), например *ποιο ψεύτικη είδηση πεθαίνεις* (букв. ‘какое фейковая новость умираешь’). В некоторых случаях *ποιο* согласуется с последующим существительным, например, *ποιος*

Так как фразеологизм-конструкция *Πιο Χ πεθαίνεις* представляет собой неологизм, существующие корпуса текстов не могут дать полного представления о его употреблении в современном греческом языке. Корпус eTenTen14, в частности, был создан в августе 2014 г. и, хотя и содержит контексты, в которых употребляется фразеологизм-конструкция *Πιο Χ πεθαίνεις* (498 случаев), эти контексты представляются не столь актуальными⁴⁰. В связи с этим мы выбрали для проведения анализа рассматриваемого фразеологизма-конструкции социальную сеть Twitter, ограничившись, ввиду высокой частотности фразеологизма-конструкции, данными за декабрь 2020 г.

Всего за рассматриваемый период фразеологизм-конструкция *Πιο Χ πεθαίνεις* был употреблен в Twitter 938 раз и в большинстве случаев имеет следующую структуру:

Πιο + Adj / NP / Ptcp / AdvP + πεθαίνεις
(‘более’ + Adj / NP / Ptcp / AdvP + ‘умираешь’)

Как показывает анализ данных Twitter, слот фразеологизма-конструкции наиболее часто заполняется отдельным прилагательным (например, *αργός* ‘медленный’, *βαρετός* ‘скучный’), существительным (*λαϊκιστής* ‘популист’, *θέατρο* ‘театр’), причастием (*στημένος* ‘подстроенный, инсценированный’, *απελπισμένος* ‘отчаявшийся’) или субстантивным словосочетанием (*χαμηλό επίπεδο* ‘низкий уровень’, *εύκολη συνταγή* ‘легкий рецепт’). Реже используются наречия (*πολύ* ‘очень, много’, *κάτω* ‘внизу’) и в единичных случаях — числительные (*2020*), местоимения (*ίδιος* ‘такой же’) и междометия (*μπα* ‘да ну!’). Интерес представляют собой немногочисленные случаи заполнения слота отдельными глаголами или предложениями (*συμφωνώ* ‘соглашаться’, *Kyrie Eleison* ‘Господи, помилуй’, *ok boomer* ‘окей, бумер’). Перечисленные варианты заполнения слота демонстрируют высокую продуктивность рассматриваемой конструкции.

πάγος πεθαίνεις (букв. ‘какой лёд умираешь’) или даже *ποιοι επικοινωνιακοί τύποι πεθαίνεις* (букв. ‘какие коммуникабельные личности умираешь’).

⁴⁰ Сравнительный корпусный анализ рассматриваемого фразеологизма-конструкции в новогреческом, французском и итальянском языках представлен в статье [Онуфриева 2020].

Наиболее значимым отклонением от представленной выше структурной схемы являются случаи использования глагольного форманта фразеологизма-конструкции в иной грамматической форме (4% всех случаев), как в примере (6):

(6) *πιο αναξιόπιστοι κ γελοίοι εκεί στην κριτική επιτροπή πεθαίνετε..*

‘Более не заслуживающих доверия и смехотворных [судей] там в судейской команде найти невозможно’ (букв. ‘вы умираете’).

Еще в 4% случаев наблюдается вклинивание какого-либо слова или группы слов (иногда — довольно распространенной) между частями фразеологизма-конструкции, как в примере (7):

(7) *Πιο γελοίος από το να βρεθείς μπροστά στα ΜΑΤ και να ουρλιάζεις ““ΑΦΗΣΤΕ ΜΕ ΝΑ ΠΕΡΑΣΩ, ΕΙΜΑΙ ΔΙΚΗΓΟΡΟΣ”” πεθαίνεις.*

‘Более смешным, чем тот, кто, оказавшись перед полицейским спецназом, орёт ““Дайте мне пройти, я адвокат””, быть невозможно’ (букв. ‘ты умираешь’).

Среди других отклонений от «канонической» формы фразеологизма-конструкции можно также назвать орфографические ошибки, допускаемые пользователями Twitter при письменном воспроизведении конструкции (около 10% всех случаев за рассматриваемый период), а также сравнительно немногочисленные случаи отсутствия компонента *πιο* ‘более’ и употребления прилагательного, заполняющего слот в форме сравнительной степени (например, *δημοκρατικότερη πεθαίνεις* ‘демократичнее умираешь’).

Актанты, наиболее часто заполняющие слот фразеологизма-конструкции *Πιο Χ πεθαίνεις* в Twitter за рассматриваемый период, показаны в Таблице 13.

Таблица 13 — Актанты, наиболее часто заполняющие слот фразеологизма-конструкции *Πιο Χ πεθαίνεις* в Twitter

Слово	Перевод	Частотность	Процент от общего числа употреблений
1	2	3	4
<i>στημένος</i>	подстроенный, инсценированный,	52	5,54%

Продолжение таблицы 13

1	2	3	4
<i>μαλάκας</i>	груб. урод	41	4,37%
<i>βλάκας</i>	дурак	29	3,09%
<i>γελοίος</i>	смешной, смехотворный	29	3,09%
<i>ηλίθιος</i>	идиот, идиотский	19	2,03%
<i>βαρετός</i>	скучный	18	1,92%
<i>χαζός</i>	глупый	16	1,71%
<i>ζεφτίλα / ζεφτίλας</i>	позор, опозоренный	14	1,49%
<i>αργός</i>	медленный	13	1,39%
<i>ψεύτικος</i>	ложный, ненастоящий	12	1,28%
<i>γραφικός</i>	колоритный	10	1,07%
<i>σιχαμένος / σιχαμερός</i>	мерзкий	9	0,96%
<i>fake / φέικ</i>	фейк / фейковый	8	0,85%
<i>πολύ</i>	очень, много	8	0,85%
<i>χάλια</i>	ужасно, ужасный	8	0,85%

Большую группу актантов, заполняющих слот фразеологизма-конструкции в нашей выборке данных, составляют актанты с собственно-оценочным — преимущественно негативным — значением (например, *κακός* ‘плохой’, *χάλια* ‘ужасно’, *πάτος* ‘дно’). Особо можно выделить негативные характеристики одушевленного субъекта по признаку умственных способностей, знаний, таланта (*χαζός* ‘глупый’, *αμόρφωτος* ‘необразованный’, *άμπαλος* ‘не умеющий играть в футбол’), свойств натуры, черт характера и поведения (*κουτσομπόλης* ‘сплетник’, *διπρόσωπος* ‘двуличный’, *ψωνάρα* ‘сноб’), а также бранные обозначения человека (*μαλάκας* ‘урод’, *καραγκιόζης* ‘шут гороховый’). Актанты со значением положительной оценки (*άριστος* ‘превосходный’, *τίμιος* ‘честный, порядочный’, *καλά* ‘хорошо’) используются редко.

Широко представлены актанты со значением каузации эмоциональной или физической реакции (например, *γελοῖος* ‘смешной’, *βαρετός* ‘скучный’, *κουραστικός* ‘утомительный’), а также актанты со значением соответствия / несоответствия истине или нормам честности (*ψεύτικος* ‘ложный, не настоящий’, *στημένος* ‘инсценированный’, *αληθινός* ‘истинный’).

Несмотря на лексическое, частеречное и структурное разнообразие актантов, заполняющих слот фразеологизма-конструкции, их общей семантической функцией является обозначение некоторого градуируемого признака.

В отдельных случаях в корпусе слот фразеологизма-конструкции заполняется лексемами, не предполагающими градацию, например обозначениями возраста (*60-άρηδες* ‘шестидесятилетние’), национальности (*Έλληνας* ‘грек’), сексуальной ориентации (*στρέιτ* ‘гетеросексуальный’), семейного положения человека (*χωρισμένοι* ‘разведенные’), а также именами собственными (*Ερντογάν* ‘Эрдоган’, *ΠΑΣΟΚ* ‘[партия] ПАСОК’). В тех случаях, когда слот заполняется акантами, не предполагающими градации, конструкция «принуждает» содержимое слота обозначать градуируемый признак, актуализируя коннотативный потенциал актантов.

На русский язык греческий фразеологизм-конструкция *Πιο Χ πεθαίνεις* может быть переведен с помощью таких оборотов, как *очень / ужасно / невероятно / максимально X; X-ее не бывает; X-ее и быть нельзя; X до смерти;* и пр.

4.4.2. Фразеологизм-конструкция *Μόνο (που) δεν Ρ*

Фразеологизм-конструкция *Μόνο (που) δεν Ρ* (букв. ‘только (что) не Р’) зафиксирован в новогреческих словарях как устойчивое выражение со следующими толкованиями: ‘немного недоставало, чтобы’ [Χρηστικό λεξικό 2014: 1038; Κάτος], ‘едва не’ [Χρηστικό λεξικό 2014: 1038; Lexigram], ‘почти’ [Χρηστικό λεξικό 2014: 1038]. Более узкое толкование для этого выражения предлагает словарь Триандафиллидиса: ‘немного недоставало для того, чтобы совершенно неожиданно произошло то наихудшее, что обозначает идущий далее глагол’ [ΛΚΝ]. Помимо словарей, упоминание о рассматриваемой конструкции содержится в работе А. Дзардзаноса по новогреческому синтаксису, где также отмечается, что «[ф]раза *μόνο που δεν* или *μονάχα πως δεν* (или в

более диалектном варианте *μον και δεν*) [букв. ‘только что не’] используется и⁴¹ в значении [слова] *σχεδόν* [‘почти’] или фразы *λίγο έλειψε να* [‘немного недоставало, чтобы’]» [Τζάρτζανος 2016, τ. 1: 174].

Продемонстрировать употребление фразеологизма-конструкции *Μόνο (που) δεν P* можно на следующих примерах:

(1) *Όταν μια ή δυο φορές ήρθε στο σπίτι ο Λούης και δεν του άνοιξα την πόρτα, μόνο που δεν άρχισε να τραγουδά απ’ τη χαρά της.* (Μουρ.)

‘Когда один или два раза к нам пришел Луис и я не открыл ему дверь, **она только что не начала петь от радости**’.

(2) *Δεν είχες να πληρώσεις; Πάρε τον Πέπα στο τραπέζι σου, κέρασέ τον και άρχισε να βρίζεις τους συμμορίτες και όλο τους το σόι. [...] Στο τέλος, όταν του πεις «το λογαριασμό, κύριε Πέπα», μόνο που δε θα σε δείρει.* (Μουρ.)

‘Тебе нечем платить? Пригласи Пепаса к себе за столик, угости его и начинай поносить заговорщиков и всю их компанию. [...] В конце, когда ты скажешь ему — «счет, господин Пепас», — **он только что тебя не избьет**’.

Используя фразеологизм-конструкцию *Μόνο (που) δεν P*, говорящий указывает на то, что описываемая ситуация максимально приближена к пределу своей интенсивности и лишь немного этого предела не достигает, о чем свидетельствует отсутствие действия или состояния, обозначенного пропозициональным актантом *P*.

Так, в примерах выше описываются ситуации интенсивного эмоционального переживания — сильной радости (1) или возмущения (2), при этом отсутствие действия, обозначенного пропозициональным актантом (‘начать петь от радости’, ‘избить’), свидетельствует о том, что абсолютный предел проявления этого переживания всё же не был или не будет достигнут. При этом действие или состояние, обозначенное актантом *P*, представляется говорящему абсолютно предельным для данной ситуации и, как правило, является гиперболизированным.

⁴¹ Вместе с фразеологизмом-конструкцией *Μόνο (που) δεν P* Дзардзанос рассматривает и его композициональный омоним *μόνο που (δεν)* ‘только что (не)’ с противительным значением. См., например, такой приводимый Дзардзаносом пример, как *Φορούν τουαλέττες του τελευταίου συρμού· μόνο που τα φορέματα είναι όλα κλειστά εις τον λαιμόν* ‘Они носят туалеты по последней моде; только вот все платья — с закрытой шеей’ [Τζάρτζανος 2016, τ. 2: 174]. В отличие от фразеологизма-конструкции *Μόνο (που) δεν P*, для этой конструкции использование отрицательной частицы *δεν* не является обязательным. В словарь Афинской академии рассматриваемый нами фразеологизм-конструкция и его омоним занесены как два разных устойчивых выражения [Χρηστικό λεξικό 2014: 1038].

С греческим фразеологизмом-конструкцией *Μόνο (που) δεν Ρ* соотносится русская конструкция *только что не Ρ*, на которую обращает внимание уже В. В. Виноградов, рассуждая о модальных значениях отрицательных частиц в русском языке [Виноградов 1947: 672]. Н. Ю. Шведова указывает на то, что сочетание частицы *только* с обязательным отрицанием при знаменательном слове (например, *только что не кувыркался; только што не рай; только что не спали под одной шинелью* и т.п.) выражает значение «полного приближения к признаку» [Шведова 1960: 220]. Как и в случае с греческим фразеологизмом-конструкцией *Μόνο (που) δεν Ρ*, валентность при русском выражении *только что не* «заполняется обозначением некоторой абсолютно предельной, часто гиперболизированной ситуации» [НОССРЯ 2003: 813].

Поиск фразеологизма-конструкции *Μόνο (που) δεν Ρ* в корпусе текстов eTenTen14 дал 2 288 результатов. Структуру рассматриваемого фразеологизма-конструкции в корпусе можно представить в виде следующей схемы:

$$\begin{aligned} & \underline{Μόνο + (NP / PrepP / AdjP) (που) + δε(v) + V_{fin}} \\ & ('только' + (NP / PrepP / AdjP) + '(что)' + 'не' + V_{fin}) \end{aligned}$$

Как показывает корпусный анализ, наиболее устойчивыми лексическими элементами фразеологизма-конструкции *Μόνο (που) δεν Ρ* являются наречие *μόνο* 'только' и отрицательная частица *δεν* 'не'. Включение в состав фразеологизма-конструкции союза *που* 'что' является факультативным (50% всех случаев в корпусе).

Вариативный компонент фразеологизма-конструкции *Μόνο (που) δεν Ρ* может располагаться после фиксированных элементов *μόνο που δεν* 'только что не' (пример 3), однако допускается и вынесение вперед части вариативного компонента и ее расположение перед отрицательной частицей *δεν* (примеры 4–5):

(3) *Σε λίγο η κουβέντα άναψε για τα καλά. Οι δύο φίλοι μόνο που δεν ήρθανε στα χέρια.*

'Скоро разговор разгорелся не на шутку. Два друга **только что не** сцепились в драке'.

(4) *Και άμα ξεχάσεις ραντεβού με το γιατρό, εκεί να δεις φασαρία. Μόνο φυλακή που δεν σε βάζουν.*

‘А если забываешь про свою запись к врачу, такая шумиха начинается. **В тюрьму только что тебя не сажают**’ (букв. ‘только в тюрьму что тебя не сажают’).

(5) *Όταν τον είδε ο Λαμόγιος, μόνο διπλό άξελ δεν έκανε από τη χαρά του...*

‘Когда его увидел Ламойос, он **только двойной аксель не сделал** от радости...’.

Глагол, формирующий вариативный компонент фразеологизма-конструкции *Μόνο (που) δεν Ρ*, свободно изменяется по временам, при этом в корпусе преобладают контексты, в которых глагол употреблен в форме аориста. Неслучайно в некоторых словарях толкование рассматриваемого фразеологизма-конструкции сопровождается информацией о том, что он используется только с глаголами в форме аориста [Χρηστικό λεξικό 2014: 1038; ΛΚΝ]. В корпусе текстов с рассматриваемым фразеологизмом-конструкцией относительно широко используются также глаголы в форме имперфекта и настоящего времени.

Глаголы, наиболее часто формирующие пропозициональный акт фразеологизма-конструкции *Μόνο (που) δεν Ρ* в корпусе текстов, представлены в Таблице 14.

Таблица 14 — Глаголы, наиболее часто формирующие пропозициональный акт фразеологизма-конструкции *Μόνο (που) δεν Ρ*

Слово	Перевод	Частотность	Процент от общего числа употреблений
1	2	3	4
<i>κάνω</i>	делать; издавать (<i>ο звυκαх</i>); заставлять	149	6,51%
<i>βάζω</i> (в т.ч. <i>βάζω τα κλάματα</i>)	помещать; надевать; заставлять (расплакаться)	127 (45)	5,55% (1,97%)
<i>λέω</i>	говорить; называть	122	5,33%

Продолжение таблицы 14

1	2	3	4
<i>βγάζω</i>	доставать, извлекать, вытаскивать; выставлять в каком-л. свете	78	3,41%
<i>ζητάω</i> (в т.ч. <i>ζητάω</i> <i>συγγνώμη</i>)	просить (в т.ч. просить прощения)	70 (20)	3,06% (0,87)
<i>βρίζω</i>	бранить	58	2,53%
<i>κλαίω</i>	плакать	58	2,53%
<i>παίρνω</i> (в т.ч. <i>παίρνω με τις</i> <i>πέτρες / στις πετρίδες</i>)	бросать (забрасывать камнями)	52 (8)	2,27% (0,35%)
<i>έχω</i>	иметь; иметься	50	2,19%
<i>πέφτω</i>	падать; <i>т.ж. в некоторых</i> <i>сочетаниях</i> нападать (на кого-л.)	47	2,05%
<i>πετάω</i> (в т.ч. <i>πετάω (έξω)</i> <i>(με τις κλωτσιές)</i>)	летать; швырять (выгонять пинками)	45 (15)	1,97% (0,66%)
<i>δέρνω, -ομαι</i>	избивать	40	1,75%

Как показывает проведенный анализ, значительную группу актантов, заполняющих слот фразеологизма-конструкции *Μόνο (που) δεν P* в корпусе текстов, составляют глаголы и глагольные словосочетания, обозначающие эмоциональные переживания одушевленного субъекта и их физические / физиологические проявления (например, *κλαίω* ‘плакать’, *γελάω* ‘смеяться’, *λιποθυμώ* ‘терять сознание’, *τα κάνω πάνω μου* ‘наложить в штаны’ и пр.). Большая группа представлена также актантами, обозначающими агрессивные физические действия (*δέρνω* ‘избивать’, *χαστουκίζω*

‘давать пощечину’, *παίρνω με τις πέτρες* ‘забрасывать камнями’, *πιάνομαι στα χέρια* ‘сцепиться в драке’ и пр.), иные действия, выражающие неодобрение объекта (*βρίζω* ‘бранить’, *φτύνω* ‘оплевывать’, *καταριέμαι* ‘проклинать’ и пр.), а также различные репрессивные меры (*αφορίζω* ‘отлучать’, *αποκληρώνω* ‘лишать наследства’, *βάζω φυλακή* ‘помещать в тюрьму’, *καταδικάζω σε θάνατο* ‘приговаривать к смерти’ и пр.). Менее обширная группа актантов представлена глаголами и глагольными словосочетаниями, выражающие одобрение действий объекта или проявление благоприятного отношения к нему (*ευχαριστώ* ‘благодарить’, *επιβραβεύω* ‘поощрять’, *χειροκροτώ* ‘рукоплескать’, *αποθεώνω* ‘обожествлять’, *στήνω άγαλμα* ‘ставить памятник’ и пр.), глаголами и глагольными словосочетаниями, обозначающими ласкающее физическое воздействие на объект (*φιλάω* ‘целовать’, *αγκαλιάζω* ‘обнимать’ и пр.). Встречаются и актанты с другой семантикой, например глаголы, объединенные общей семой побуждения (*βάζω / κάνω κάποιον να κάνει κάτι* ‘заставлять кого-либо что-либо делать’, *ζητάω* ‘просить’).

При переводе новогреческого фразеологизма-конструкции *Μόνο (που) δεν P* на английский язык нередко используется конструкция *all / everything but P* и иные идиоматичные синтаксические конструкции.

(5) *Μόνε που δε μου φίλησε τα χέρια.* (Σωτ.)

«**He did everything but kiss my hands**». (Sot., пер. с греч.: F. A. Reed)

(6) *Όταν μια ή δυο φορές ήρθε στο σπίτι ο Λούης και δεν του άνοιξα την πόρτα, μόνο που δεν άρχισε να τραγουδά απ’ τη χαρά της* (Μουρ.).

«On a couple of occasions Louis came knocking but I didn’t answer the door. When that happened, **it was all she could do to keep from bursting into rhapsodies of song**» (Mour., пер. с греч.: F. A. Reed).

Таким образом, фразеологизм-конструкция *Μόνο (που) δεν P* выражает высокую степень проявления некоторого признака (часто эмоций) в некоторой реально существующей ситуации, вычленимой из контекста. Функцией переменного компонента в составе рассматриваемого фразеологизма-конструкции является обозначение некоторого предельного для данной ситуации действия или состояния, отсутствие которого свидетельствует о том, что абсолютный предел проявления признака всё же не был или не будет достигнут.

На русский язык рассматриваемый фразеологизм-конструкцию можно переводить, используя его русскоязычный аналог *Только что не Р* и иные сходные построения.

4.5. Фразеологизмы-конструкции со значением повторяющегося действия или постоянства ситуации

4.5.1. Фразеологизм-конструкция *Χ τον ανεβάζει, Χ/Υ τον κατεβάζει*

Фразеологизм-конструкция *Χ τον ανεβάζει, Χ/Υ τον κατεβάζει* (букв. ‘Х-ом его поднимает, Х-ом/ У-ом его опускает’) зафиксирован как устойчивое выражение в нескольких новогреческих общезыковых словарях и сборниках фразеологизмов, где имеет следующие толкования: ‘постоянно называть кого-то оскорбительной характеристикой’ [Μπαμπινιώτης 2005: 177; Lexigram], ‘постоянно характеризовать кого-либо неким образом, обычно отрицательно’ [Σαραντάκος 2013: 36], ‘постоянно называть, звать, характеризовать кого-то (обычно об отрицательной стороне человека)’ [Χρηστικό λεξικό 2014: 145].

Переменный компонент рассматриваемого фразеологизма-конструкции представлен двумя слотами. Их семантической функцией является обозначение имени или характеристики, данной объекту, при этом, как демонстрируют представленные выше словарные дефиниции и примеры (1)–(2), эта характеристика обычно является оценочно-отрицательной.

(1) *Η μάνα μου αυτό δε μου το συγχώρησε ποτέ. «Βλάκα» με ανέβαζε και «βλάκα» με κατέβαζε.* (Μουρ.)

‘Мама моя так мне этого и не простила. **Она постоянно называла меня дураком**’ (букв. ‘«дураком» [она] меня поднимала и «дураком» меня опускала’).

(2) *Η πλάκα είναι πως εγκληματίες μας ανεβάζουν, εγκληματίες μας κατεβάζουν [...].* (Μίσ.)

‘Самое смешное в том, что **они постоянно называют нас преступниками** [...].’ (букв. ‘преступниками [они] нас поднимают, преступниками нас опускают’).

Типовое значение фразеологизма-конструкции — ‘постоянно называть, характеризовать’ — реализуется за счет идиоматичного соединения его основных лексических «якорей»: глаголов *ανεβάζω* ‘поднимать’ и *κατεβάζω* ‘опускать’, представляющих собой однокорневые антонимы, исторически образованные от одного и того же глагола с помощью противоположных по смыслу пространственных префиксов *ανα-* ‘вверх’ и *κατα-* ‘вниз’. Такие глаголы относятся к антонимам, выражающим векторную противоположность, то есть «противоположность разнонаправленных действий, движений, признаков» [Новиков 1982: 245–246].

На склонность антонимов в контактному, совместному употреблению обращают внимание многие исследователи, занимающиеся вопросами лексической семантики (например, [Новиков 1982: 184; Justeson, Katz 1991: 1; Jones 2002: 25] и др.). Так, Л. А. Новиков указывает на то, что «[н]аиболее характерное употребление антонимов — контактное» и «[в] синтагматическом плане антонимы характеризуются высокой степенью совместной встречаемости в тексте» [Новиков 1982: 184, 247]. Контактное использование антонимов характерно и для фразеологии, где, как отмечает К. Л. Киселева, «антонимия является очень распространенным приемом построения внутренней формы» [Киселева 2011: 312].

На возможность формирования с помощью элементов-антонимов фразеологизированных конструкций с вариативным компонентом указывает В. Фляйшер. Описывая различные типы фразеошаблонов в немецком языке, Фляйшер выделяет в самостоятельную группу фразеошаблоны, фиксированная часть которых содержит антонимичные локативные наречия (в качестве примера в его работе приводятся две немецкие конструкции — *X hin, X her*, букв. ‘X туда, X сюда’, и *raus aus X, rein in X*, букв. ‘вон из X, напрямиком в X’) [Fleischer 1982: 137].

Антонимичные глаголы *ανεβάζω* ‘поднимать’ и *κατεβάζω* ‘опускать’ в составе фразеологизма-конструкции *X τον ανεβάζει, X/ Y τον κατεβάζει* десемантизируются, утрачивают свою антонимичность и «из противоположности превращаются в общность» [Гельблу 1964: 161]. В то же время исходное значение этих глаголов — противонаправленное движение с возвращением в исходную точку — привносит в план содержания фразеологизма-конструкции свою образность — образ неоднократности, повторяемости действия. Подобная внутренняя форма вносит свой вклад в

Актанты, заполняющие слоты фразеологизма-конструкции *X τον ανεβάζει, X/ Y τον κατεβάζει*, могут как быть лексически тождественными (48% всех случаев в корпусе), так и различаться (52%):

(3) *Τη σχέση του Φίλιππου και του Μ. Αλέξανδρου με την κλασική αρχαιότητα την ξέρουμε πολύ καλά από τους φιλιππικούς του Δημοσθένη. Βάρβαρους τους ανέβαζε, βάρβαρους τους κατέβαζε.*

‘Об отношениях Филиппа и Александра [Великого] с классической древностью мы прекрасно знаем из филиппик Демосфена. **Он постоянно называл их варварами**’ (букв. ‘варварами [он] их поднимал, варварами их опускал’).

(4) *Ο Παπανδρέου κλέφτες τους ανεβάζει απατεώνες τους κατεβάζει. Οι δεξιοί να λένε ότι ναι μεν κλέβουν αλλά είναι ντροπή η αξιωματική αντιπολίτευση να τους μιλάει έτσι.*

‘Папандреу **постоянно называет их ворами и обманщиками**. «Правые» отвечают, что да, они, с одной стороны, воруют, но позор для официальной оппозиции так с ними разговаривать’ (букв. ‘Папандреу ворами их поднимает, обманщиками их опускает’).

Двухчастность структуры фразеологизма-конструкции, наличие у него двух формальных слотов и возможность заполнения этих слотов нетождественными актантами — все это, наряду с внутренней формой, также вносит свой вклад в приобретение фразеологизмом-конструкцией присущей ему семантики неоднократности действия.

В 14 % случаев в корпусе структура фразеологизма-конструкции модифицируется по одному или нескольким параметрам одновременно. Так, может сокращаться число компонентов (как правило, один из слотов или оба местоимения) или изменяться порядок их следования:

(5) [...] *το να γυρνάει μια νέα κοπέλα μόνη της στα χωριά του Ρεθύμνου το 1943, ήταν ένα μικρό σκάνδαλο. “Πουτάνα” την ανέβαζαν και την κατέβαζαν οι θεοσεβούμενοι χωρικοί.*

‘[...] если в деревнях Ретимно в 1943 году молодая девушка ходила одна, это было маленьким скандалом. Богобоязненные сельчане **называли ее не иначе как путаной**’ (букв. ‘«путаной» ее поднимали и ее опускали богобоязненные сельчане’).

(6) *Για να σε ανεβάζουνε “ακαμάτα” και να σε κατεβάζουνε “ανεπρόκοπη”;*

‘Чтобы тебя постоянно называли бездельницей и непутевой?’ (букв. ‘чтобы [они] тебя постоянно поднимали «бездельницей» и тебя опускали «непутевой»?’).

В некоторых случаях между фиксированным компонентом и слотами вводится дополнительный лексический элемент:

(7) *Κάποιοι λοιπόν αγάπησαν ξαφνικά τον Σπύρο Λάτση και από ...λαμόγιο που τον ανέβαζαν και τον κατέβαζαν [...] σήμερα τον...δοξάζουν.*

‘В общем, некоторые внезапно полюбили Спироса Лациса, и из ... **мошенника**, как они его постоянно его называли, [...] он сделался объектом восхваления’ (букв. ‘из мошенника, как [они] его поднимали и его опускали’).

Изредка в корпусе в двух частях фразеологизма-конструкции не соотносятся объекты или субъекты номинации:

(8) *Κι εμείς είχαμε διαφωνίες: σταλινικό τον ανέβαζα, ρεβιζιονιστή με κατέβαζε.*

‘Разногласия были и у нас: он постоянно называл меня сталинистом, а я его — **ревизионистом**’ (букв. ‘сталинистом [я] его поднимал, ревизионистом [он] меня опускал’).

Актанты, наиболее часто заполняющие слоты фразеологизма-конструкции *X τον ανεβάζει*, *X / Y τον κατεβάζει* в корпусе текстов, представлены в Таблице 15. Показана средняя частотность употребления актантов на основании суммы данных по двум слотам фразеологизма-конструкции.

Таблица 15 — Актанты, наиболее часто заполняющие слоты фразеологизма-конструкции *X τον ανεβάζει*, *X / Y τον κατεβάζει* в корпусе текстов

Слово	Перевод	Процент от общего числа употреблений
1	2	3
<i>φασίστας</i>	фашист	2,28%
<i>άχρηστος</i>	никчемный	2,19%
<i>προδότης</i>	предатель	2,00%
<i>απατεώνας</i>	обманщик	1,81%

Продолжение таблицы 15

1	2	3
<i>βλάκας</i>	дурак	1,81%
<i>πουτάνα</i>	путана	1,62%
<i>τεμπέλης</i>	лентяй	1,52%
<i>ανίκανος</i>	неспособный	1,43%
<i>μαλάκας</i>	урод	1,33%
<i>ηλίθιος</i>	глупый	1,14%
<i>χοντρός</i>	толстый	1,14%
<i>δολοφόνος</i>	убийца	1,05%
<i>τρελός</i>	сумасшедший	1,05%

Анализ показывает, что наиболее часто слоты фразеологизма-конструкции заполняются отдельными существительными (например, *απατεώνας* ‘обманщик’, *προδότης* ‘предатель’), реже — отдельными прилагательными (*άχρηστος* ‘никчемный’) или субстантивными словосочетаниями (*αλβανική μαφία* ‘албанская мафия’). Также слоты могут быть заполнены причастиями (*διεφθαρμένος* ‘коррупцированный’), редко — наречиями (*έτσι* ‘так’) или местоимениями (*τίποτε* ‘ничто’). Как правило, актанты употребляются в форме винительного или звательного падежей, реже — в форме именительного падежа.

В большинстве случаев в корпусе (82%) актанты, заполняющие слоты фразеологизма-конструкции, имеют отрицательную окраску, о чем свидетельствуют данные Таблицы 15. В то же время возможно и использование актантов с положительной оценочностью (12% случаев) или оценочно-нейтральных актантов (6%), например имен собственных:

(9) [...] *δεν μπορεί να πιστέψει ότι έχει στο πλευρό του μια τόσο όμορφη γυναίκα. Καλλονή σε ανεβάζει, κουκλίτσα σε κατεβάζει.*

‘[...] он не может поверить, что рядом с ним настолько красивая женщина. **Иначе как красавицей и куколкой он тебя не называет**’ (букв. ‘красавицей он тебя поднимает, куколкой тебя опускает’).

(10) *Μακεδονία και Μακεδόνες θα τους ανεβάζουν και θα τους κατεβάζουν, όπως κάνουν μέχρι σήμερα, αφού γνωρίζουν ότι έχουν να κάνουν με ανίκανους πολιτικούς.*

‘Они и **будут называть их не иначе как Македонией и македонцами**, как делали до этого момента, так как знают, что имеют дело с бездарными политиками’ (букв. ‘Македонией и македонцами [они] будут их поднимать и опускать’).

Хотя слоты фразеологизма-конструкции могут заполняться оценочно-положительными и оценочно-нейтральными актантами, в большинстве случаев сам фразеологизм-конструкция имеет негативную оценочность. Используя его, говорящий выражает критическое или ироническое отношение к самому факту того, что в отношении объекта постоянно используется определенное имя или характеристика, независимо от того, отрицательные они или положительные. Характерным является то, что в большинстве случаев в корпусе (85 %) — фразеологизм-конструкция используется в формах третьего лица (‘он’, ‘она’, ‘они’), т.е. с помощью фразеологизма-конструкции говорящий обычно характеризует — неодобрительно — действие другого человека. Именно в форме третьего лица рассматриваемый фразеологизм-конструкция зафиксирован в некоторых словарях (например, в [Χρηστικό λεξικό 2014: 145; Σαραντάκος 2013: 36]).

Случаи, когда фразеологизм-конструкция используется в форме первого лица, в корпусе менее частотны (8%), однако они также не лишены негативной оценочности:

(11) *Η αλήθεια είναι ότι μέχρι χθες ανίκανο τον ανέβαζα, ανίκανο τον κατέβαζα, τώρα — ντρέπομαι λίγο που το ομολογώ — αλλά του βγάζω το καπέλο!*

‘На самом деле до настоящего дня **я постоянно называл его неумехой**, а сейчас — мне немного стыдно это признавать — я снимаю перед ним шляпу!’ (букв. ‘[я] неумехой его поднимал, неумехой его опускал’).

Анализ идиоматичных конструкций, соотносящихся по своей семантике с новогреческим фразеологизмом-конструкцией *X τον ανεβάζει, X/ Y τον κατεβάζει*, в других языках показал, что некоторые из этих конструкций также образованы с помощью антонимичных компонентов (наречий, местоимений) с семантикой

локативности. Это свидетельствует о том, что подобный прием построения внутренней формы является распространенным не только для «классических» фразеологизмов, таких как идиомы, пословицы и поговорки, но и для фразеологизмов-конструкций.

Так, например, с новогреческим фразеологизмом-конструкцией соотносится по своей внутренней форме турецкий фразеологизм *X aşıađı X yukarı*, фиксированная часть которого образована антонимичными локативными наречиями ‘вниз’ и ‘вверх’ (букв. ‘X вниз X вверх’). В то же время спектр значений у турецкого фразеологизма шире, чем у греческого, о чем свидетельствуют толкования первого из них в словаре: 1) «выражение используется для описания очень популярного человека, чье имя у всех на устах: “*Adi erken yaşıta şaire çıkmıştı. Şair aşıađı, şair yukarı*” [Его очень рано стали величать поэтом. **Везде только и слышно было: поэт да поэт!**» (букв. ‘поэт вниз, поэт вверх’)] и 2) «используется в качестве жалобы человеком, который много занят на работе» [Türkçe sözlük 1998: 149]. О более широком спектре значений турецкого фразеологизма свидетельствует и значение, закрепляемое за выражением *Ahmed aşıađı Ahmed yukarı* (букв. ‘Ахмед вниз Ахмед вверх’) в другом словаре: ‘всё время “Ахмед, Ахмед”; только и разговоров, что об Ахмеде’ [TRC 1977: 70]. Как видно из этих словарных толкований и примеров, турецкий фразеологизм, помимо значения ‘называть кого-либо определенным образом’, может выражать значение ‘постоянно упоминать кого-либо в речи’, которое у новогреческого фразеологизма-конструкции отсутствует.

В меньшей степени новогреческий фразеологизм-конструкция соотносится по своей внутренней форме с испанской конструкцией *X por aquí X por allí* (букв. ‘X здесь, X там’), фиксированный компонент которой также образован локативными антонимами. А. Сулуага, выделяя эту конструкцию в числе фразеосхем испанского языка, указывает на то, что она имеет идиоматическое значение ‘постоянно говоря везде об X’ [Zuluaga 1980: 111, 113]. В то же время приводимый А. Сулуагой пример позволяет нам соотнести испанскую конструкцию *X por aquí X por allí* с новогреческим *X τον ανεβάζει, X/ Y τον κατεβάζει*, так как демонстрирует наличие у испанской конструкции значения ‘постоянно называть кого-либо определенным образом’: *Desde esa noche, Venancio se distinguió de los demás dejando de llamarle curro, Luisito por aquí Luisito por allí* (Az.) ‘С того вечера Венансио стал с Сервантесом подчеркнуто дружелюбен, перестал

величать его барчуком и называл не иначе как ласкательно — Луисито’ (Ас., пер. с исп. на рус.: В. Виноградов)⁴³.

В некоторых случаях идиоматичные конструкции с элементами-антонимами используются для перевода новогреческого фразеологизма-конструкции на другие языки, что можно видеть в примере (12).

(12) *Δυστυχώς, είχε την κακή συνήθεια να λέει κοψού και τη μάνα του Αντώνη. Κοψού την ανέβαζε, κοψού την κατέβαζε.* (Ταχ.)

‘К сожалению, у нее была плохая привычка называть пройдохой и мать Андониса. **Всё «пройдоха» да «пройдоха»** (букв. ‘«пройдохой» ее поднимала, «пройдохой» ее опускала’).

«The trouble was she had the habit of calling Antoni’s mother ‘the shrew’. **It was ‘the shrew’ here and ‘the shrew’ there**». (Τακ., ΤW, пер. с греч. на англ.: L. Finer)

«Malheureusement, elle avait la mauvaise habitude d’appeler ainsi la mère d’Antoni. **Pécore par-ci, pécore par-là** [...]». (Τακ., ΤΑ, пер. с греч. на франц.: J. Lacarrière)

Таким образом, идиоматичное построение *X τον ανεβάζει, X/ Y τον κατεβάζει* представляет собой фразеологизм-конструкцию со значением неоднократной номинации. Переменный компонент этого фразеологизма-конструкции обозначает конкретную номинацию или характеристику, данную объекту. Значение неоднократности действия, выражаемое рассматриваемым фразеологизмом-конструкцией, поддерживается его внутренней формой, основу которой составляет пара антонимичных глаголов со значением противоположенного перемещения объекта в пространстве.

На русский язык фразеологизм-конструкция *X τον ανεβάζει, X/ Y τον κατεβάζει* может быть переведен любыми языковыми средствами со значением неоднократной номинации: *называть не иначе как X; постоянно называть X; Всё X да X* и пр.

⁴³ В новогреческом языке есть конструкция и с антонимичными локативными наречиями, в частности *X (από) εδώ, X (από) εκεί* (букв. ‘X здесь, X там’). Например: *Υποκλίσεις, χειροφιλήματα, αβρότητες, ντάρλιγκ εδώ, ντάρλιγκ εκεί — Θεέ μου, ωραία που είναι η ζωή στο Κολωνάκι!* (Ψαθ.) ‘Поклоны, поцелуи рук, учтивости, «дарлинг» тут, «дарлинг» там — Боже мой, как прекрасна жизнь в Колонаки!’ или *Με πάνε στην ασφάλεια, από δω κύριε, από κει κύριε ...* (Μίσσ.) ‘Меня ведут в отдел безопасности, тут ко мне «господин», там ко мне «господин» ...’ (букв. ‘здесь господин, там господин’). Эта конструкция в большей степени соотносится с испанским *X por aquí X por allí*, английским *X here, X there* и французским *X par-ci, X par-là*, поскольку, как и они, не несет в себе информации о субъекте действия.

4.5.2. Фразеологизм-конструкция *Χ μπαίνει, Χ βγαίνει*

Фразеологизм-конструкция *Χ μπαίνει, Χ βγαίνει* (букв. ‘Х входит, Х выходит’) зафиксирован в большинстве словарей и сборников фразеологизмов новогреческого языка в разных лексически заполненных вариантах как полностью устойчивое выражение: *μήνας μπαίνει, μήνας βγαίνει* (букв. ‘месяц входит, месяц выходит’) [Χρηστικό λεξικό 2014: 1019; ΛΚΝ; Σαραντάκος 2013: 177; Κάτος], *μέρα μπαίνει, μέρα βγαίνει* (букв. ‘день входит, день выходит’) [Κάτος; Lexigram], *χρόνος μπαίνει, χρόνος βγαίνει* (букв. ‘год входит, год выходит’) [Χρηστικό λεξικό 2014: 1783; Lexigram], *ώρα μπαίνει, ώρα βγαίνει* (букв. ‘час входит, час выходит’) [Lexigram].

Типовое значение фразеологизма-конструкции *Χ μπαίνει, Χ βγαίνει* можно обозначить как ‘каждый Х в течение долгого времени’ (ср. русские конструкции *Х за Х-ом, из Х-а в Х* или англ. *Х in (and) Х out*), где Х представлен тождественными существительными со значением отрезка времени:

(1) *Τα μικροπολιτικά, τα κομματικά, τα βαρετά, ποιον ενδιαφέρουν όλα τούτα; Τα ίδια και τα ίδια μέρα μπαίνει μέρα βγαίνει.* (Σαμ., Ο.)

‘Политикантское, партийное, занудное — кому всё это интересно? Одно и то же, одно и то же **изо дня в день**’ (букв. ‘день входит день выходит’).

(2) *Απ’ τους ηθοποιούς, μονάχα οι μούφοι κωμικοί δεν έχουν αποκτήσει μαλλιά. Αιώνας μπαίνει, αιώνας βγαίνει, περνούν το κεφάλι τους από ξυρού ακμής [...].* (Σολ.)

‘Из актеров только шуты-комики так и не обзавелись шевелюрой. **Из века в век** они подставляют головы под лезвие бритвы [...]

(букв. ‘век входит, век выходит’). Семантика фразеологизма-конструкции *Χ μπαίνει, Χ βγαίνει* и специфика семантических ограничений, накладываемых им на актаны, заполняющие его слоты, определяют степень его продуктивности. Так как существительные со значением отрезка времени образуют сравнительно немногочисленную группу, вариативность рассматриваемого фразеологизма-конструкции также является ограниченной⁴⁴.

Основными лексическими формантами фразеологизма-конструкции *Χ μπαίνει, Χ βγαίνει* являются компоненты-антонимы: глаголы *μπαίνω* ‘входить’ и *βγαίνω*

⁴⁴ На соответствующую английскую конструкцию — *Х in (and) Х out* — обращают внимание Ч. Филлмор [Fillmore 1979: 73] и П. Кипарски [Kiparsky 1976: 76]. Дж. Тейлор также отмечает присущую английской конструкции малую продуктивность [Taylor 2003: 228].

‘выходить’, исторически восходящие к одному и тому же глаголу, модифицированному с помощью семантически противоположных пространственных префиксов *εκ-* ‘из’ и *εν-* ‘в’. В составе фразеологизма-конструкции эти глаголы десемантизируются, образуя единое целое, однако их исходная семантика становится основой внутренней формы фразеологизма-конструкции — образа ритмичного движения маятника на фоне статичной, не изменяющейся ситуации.

Некоторые словари указывают на тенденцию употребления фразеологизма-конструкции *Χ μπαίνει, Χ βγαίνει* при описании ситуаций, воспринимаемых говорящим как негативные: ‘про состояние рутины, когда с течением времени не происходит ничего интересного’ [Lexigram], ‘для обозначения обычно негативной ситуации, которая остается неизменной с течением времени’ [Χρηστικό λεξικό 2014: 1783; Lexigram].

В корпусе текстов eTenTen14 фразеологизм-конструкция *Χ μπαίνει, Χ βγαίνει* встречается 223 раза и обычно имеет следующую структуру:

$$\begin{array}{c} \frac{N_{\text{Nom}} + \mu\text{παί}\omega_{\text{fin}}}{1} + \frac{N_{\text{Nom}} + \beta\text{γαί}\omega_{\text{fin}}}{2} \\ (N_{\text{Nom}} + \text{‘ВХОДИТЬ’}_{\text{fin}}) + (N_{\text{Nom}} + \text{‘ВЫХОДИТЬ’}_{\text{fin}}) \end{array}$$

Анализ корпусных контекстов показывает, что глаголы *μπαίνω* ‘входить’ и *βγαίνω* ‘выходить’ грамматически согласуются с лексически тождественными актантами X, являющимися их формальными подлежащими. В зависимости от контекста глаголы могут приобретать форму прошедшего или будущего времени (например, *μέρα έμπαινε, μέρα έβγαίνε* — букв. ‘день входил, день выходил’), однако подобное временное согласование с контекстом не является обязательным.

Из-за частичного совпадения глаголов по своей структуре и их обязательного употребления в тождественной грамматической форме между двумя частями фразеологизма-конструкции *Χ μπαίνει, Χ βγαίνει* возникает эффект рифмы (*béni* — *vgéni*, *ébene* — *évgene*)⁴⁵. Пунктуационно части фразеологизма-конструкции могут друг от

⁴⁵ В некоторых случаях эффект рифмы намеренно усиливается говорящим за счет добавления третьего созвучного глагола, например *μένω (τέπο)* ‘оставаться’: *Μήνας βγαίνει, μήνας μπαίνει, ο μαλάκας ίδιος μένει* ‘месяц входит, месяц выходит, дебил таким же остается’ (*mínas béni, mínas vgéni, o malákas ίδios méni*) или *Μήνας μπαίνει, μήνας βγαίνει, η ανεργία μένει* ‘месяц входит, месяц выходит, безработица остается’ (*mínas béni, mínas vgéni, i anergía méni*).

друга не отделяться, однако иногда между ними ставится запятая или другой знак препинания.

Случаи модификации структуры фразеологизма-конструкции в корпусе немногочисленны. В некоторых контекстах меняется порядок следования компонентов (в частности, слоты располагаются после глаголов) или используются нетождественные актанты:

(3) *Στην εκκλησία μόνο ένα δράμα εκτελείται, και πάντοτε ένα και το αυτό, **μπαίνει χρόνος, βγαίνει χρόνος.***

‘В церкви ставят только одну драму, и всегда одну и ту же **из года в год**’ (букв. ‘входит год, выходит год’).

(4) *Και βεβαίως όλοι καταλαβαίνουμε ότι αμέτρητες ώρες καθίσματος στην ίδια θέση **μέρα μπαίνει, μήνας βγαίνει** ίσως τελικά να μην είναι ακριβώς ευεργετικές για την υγεία μας.*

‘И конечно, все мы понимаем, что бесчисленные часы сидения на одном и том же месте **днями, месяцами**, вероятно, в конечном счете не слишком идут на пользу нашему здоровью’ (букв. ‘день входит, месяц выходит’).

Также в некоторых случаях в корпусе глаголы в составе фиксированного компонента используются в форме совершенного вида — *μπει* ‘войдет’, *βγει* ‘выйдет’:

(5) *[Δ]ουλεύει δώδεκα ώρες το εικοσιτετράωρο, έξι μέρες την εβδομάδα, καθισμένος πίσω απο ένα τιμόνι και κάνοντας ακριβώς το ίδιο πράγμα **μέρα μπει, μέρα βγει.***

‘Он работает двенадцать часов в сутки шесть дней в неделю, сидя за рулем и делая одно и то же **изо дня в день**’ (букв. ‘день войдет, день выйдет’).

Переменный компонент фразеологизма-конструкции *Χ μπαίνει, Χ βγαίνει* представлен двумя слотами, заполняющимися тождественными существительными со значением промежутка времени. Характерным признаком фразеологизма-конструкции, позволяющим во многих случаях отличить его от синтаксических омонимов, является использование актантов в форме единственного числа без артикля. Как правило, актанты употреблены в форме именительного падежа или — редко — винительного.

В Таблице 16 представлены все актанты, заполняющие слоты рассматриваемого фразеологизма-конструкции в корпусе текстов.

Таблица 16 — Актанты, заполняющие слоты фразеологизма-конструкции *Χ μπαίνει, Χ βγαίνει* в корпусе текстов

Слово	Перевод	Частотность	Процент от общего числа употреблений
1	2	3	4
<i>μήνας</i>	месяц	136	60,99%
<i>μέρα</i>	день	45	20,18%
<i>χρόνος</i>	год	34	15,25%
<i>εβδομάδα</i>	неделя	2	0,90%
<i>Κυριακή</i>	воскресенье	2	0,90%
<i>αγώνας</i>	матч	1	0,45%
<i>Μάης</i>	май	1	0,45%
<i>χειμώνας</i>	зима	1	0,45%
<i>ώρα</i>	час	1	0,45%

Как видно из Таблицы 16, фразеологизм-конструкция *Χ μπαίνει, Χ βγαίνει* демонстрирует наличие явных селективных предпочтений. Более 96% всех случаев в корпусе приходится на долю трех существительных — *μήνας* ‘месяц’, *μέρα* ‘день’, *χρόνος* ‘год’.

Довольно часто в тех случаях, когда слоты рассматриваемого фразеологизма-конструкции заполняются существительным *μήνας* ‘месяц’, в контексте идет речь о деньгах — ежемесячных доходах или ежемесячных тратах. Особенно характерным является использование фразеологизма-конструкции в контекстах, где идет речь о государственных служащих, ежемесячно получающих заработную плату:

(6) «*Δημόσιος υπάλληλος, αστυνομικός ή στρατιωτικός θα γίνεις. Να 'χεις τη θεσούλα σου και να μη σε νοιάζει τίποτα. Μήνας μπαίνει μήνας βγαίνει να παίρνεις τα λεφτουδάκια σου*» λέει ο πατέρας σου.

‘«Станешь госслужащим, полицейским или военным. Будет у тебя свое местечко, и не заботься ни о чем. **Из месяца в месяц** получай себе деньжата», говорит твой отец’.

На частое употребление фразеологизма-конструкции со словом *μήνας* ‘месяц’ при описании финансовой стабильности, нередко при этом связанной с работой на государственной службе, обращают внимание многие словари. Выражение *μήνας μπαίνει, μήνας βγαίνει* (букв. ‘месяц входит, месяц выходит’) имеет следующие словарные толкования: ‘о тех, кто имеет стабильный ежемесячный доход, и, в более широком смысле, о неменяющейся ситуации’ [Χρηστικό λεξικό 2014: 1019]; ‘о стабильности чьих-то ежемесячных доходов или финансовых обязательств’ [ΛΚΝ]; ‘о чем-то, что имеет постоянный характер и действует независимо от течения времени, но в особенности — и обычно — о служащих с гарантированными рабочим местом и заработной платой’ [Σαραντάκος 2013: 177].

В редких случаях в корпусе наиболее устойчивые варианты реализации фразеологизма-конструкции *Χ μπαίνει, Χ βγαίνει* подвергаются субстантивации. Так, субстантивированный вариант *μήνας μπαίνει-μήνας βγαίνει* ‘месяц входит, месяц выходит’ может использоваться в значении ‘стабильность’ или ‘стабильный ежемесячный доход’, а *μέρα μπαίνει μέρα βγαίνει* ‘день входит день выходит’ — в значении ‘повседневная рутина, будни’:

(7) *Η αναζήτηση εργασίας, αποβλέποντας στη σιγουριά του «μήνας μπαίνει μήνας βγαίνει...» ανήκει οριστικά και αμετάκλητα στο παρελθόν.*

‘Поиск работы, нацеленный на надежность «зарплаты из месяца в месяц...», окончательно и бесповоротно уходит в прошлое’ (букв. ‘надежность «месяц входит месяц выходит»’).

(8) *[...] οπωσδήποτε το μέρα μπαίνει — μέρα βγαίνει του ενήλικα δεν κυλάει σα μήνας του μέλιτος σε εξωτικά νησιά, αλλά με υποχρεώσεις.*

‘[...] в любом случае **будни** взрослого человека протекают не как медовый месяц на экзотических островах, а сопровождаются обязанностями’ (букв. ‘день входит — день выходит взрослого человека’).

Другие актанты со значением временного интервала, представленные в Таблице 16, — *ώρα* ‘час’, *εβδομάδα* ‘неделя’, *χειμώνας* ‘зима’, *Κυριακή* ‘воскресенье’, *Μάης* ‘май’, *αγώνας* ‘матч’ — используются в корпусе значительно реже.

(9) *Αγώνας μπαίνει, αγώνας βγαίνει, δεν αλλάζουν και πολλά για την Μοντρούζ, η οποία υπέστη ακόμα μία ήττα μεσοβδόμαδα.*

‘Из матча в матч не слишком меняется ситуация для [команды] Монтроуз, потерпевшей еще одно поражение в середине недели’ (букв. ‘матч входит, матч выходит’).

За пределами корпуса, в интернете можно найти случаи заполнения слотов фразеологизма-конструкции и другими существительными: обозначениями временных интервалов в пределах суток, названиями дней недели и месяцев (например, *νύχτα* ‘ночь’, *βράδυ* ‘вечер’, *Σάββατο* ‘суббота’, *Μάρτης* ‘март’), названиями праздников (*Πάσχα* ‘Пасха’), обозначениями более крупных периодов времени (*τρίμηνο* ‘квартал’, *δεκαετία* ‘десятилетие’, *αιώνας* ‘век’), а также другими лексемами, не связанными напрямую с обозначением времени, но указывающими на регулярно повторяющиеся события или регулярно сменяющиеся явления (*βάρδια* ‘смена, дежурство’, *παιχνίδι* ‘игра’, *επεισόδιο* ‘эпизод, серия’, *τραγούδι* ‘песня’, *κυβέρνηση* ‘правительство’, *μνημόνιο* ‘меморандум’ и др.).

Наиболее очевидным соответствием для новогреческого фразеологизма-конструкции в других языках является английская конструкция *X in (and) X out*. Новогреческая и английская конструкции регулярно пересекаются в текстах параллельных переводов, что можно увидеть, например, на следующем примере:

(10) *Να χαιρόσαστε πρέπει· γλιτώσατε από ένα βάσανο, μήνας μπαίνει μήνας βγαίνει, μπелάς είναι.* (Μάτ.)

«You should be happy; it’s all one big bother, **month in month out**, nothing but trouble”. (Mat., пер. на англ.: F. A. Reed)

Как было продемонстрировано выше, выражение *X μπαίνει, X βγαίνει* представляет собой фразеологизм-конструкцию со значением постоянства некоторой ситуации в течение длительного времени, измеряемого равномерными временными интервалами X. Функцией переменного компонента в составе этого фразеологизма-конструкции является обозначение конкретного промежутка времени, используемого для измерения длительности статичной ситуации. На русский язык фразеологизм-конструкция *X μπαίνει, X βγαίνει* может быть переведен с помощью таких оборотов, как *из X-а в X; каждый X; (цельми) X-ами* и пр.

Фразеологизмы-конструкции *Χμπαίνει*, *Χβγαίνει* и *Χ τον ανεβάζει*, *Χ/ Υ τον κατεβάζει* имеют разные значения и неодинаковые функции в предложении. В то же время между ними есть структурное и семантическое сходство. Оба фразеологизма-конструкции представляют собой рифмующуюся двухчастную структуру, основными лексическими «якорями» которой являются антонимичные глаголы — в обоих случаях однокорневые глаголы, модифицированные с помощью антонимичных пространственных префиксов. Обе пары глаголов имеют локативное значение — противонаправленное перемещение объекта или противонаправленное движение субъекта в пространстве. В составе рассмотренных фразеологизмов-конструкций глаголы-антонимы десемантизируются и утрачивают свою антонимичность, однако их исходное значение — противонаправленное движение с возвращением в исходную точку — привносит в план содержания фразеологизмов свою образность, становясь основой их внутренней формы, и определяет часть их семантики — значение множественности или постоянства ситуации.

4.6. Фразеологизмы-конструкции со значением оценки объекта как не являющегося ценным, важным или значимым

4.6.1. Фразеологизм-конструкция *Σιγά Χ*

Фразеологизм-конструкция *Σιγά Χ* (букв. ‘тихо Χ’) не зафиксирован в большинстве словарей новогреческого языка как устойчивое выражение с пометой «фразеологизм». Как правило, значение, выражаемое этим фразеологизмом-конструкцией как единым целым, закрепляется в словарях за его единственным лексически выраженным формантом — словом *σιγά* — в качестве особого значения, реализуемого словом *σιγά* только в составе определенной синтаксической конструкции. Так, в словаре Афинской академии указывается на то, что *σιγά* в сочетании с существительным в винительном падеже используется в новогреческом языке для выражения неодобрения или пренебрежения [Χρηστικό λεξικό 2014: 1431]. В словаре Бабиньотиса сообщается, что соответствующая синтаксическая конструкция выражает безразличие, ироническое отношение или пренебрежение к кому-либо или чему-либо

(преимущественно — к угрозе) [Μλαμλινιώτης 2005: 1589]. Согласно данным других словарей, построения такого типа представляют собой «негативную реакцию на преувеличенное заявление» [Δημητρίου 1995: 340]. В одном из немногих сборников фразеологизмов, куда рассматриваемая конструкция занесена как устойчивое выражение, за ней закреплено следующее толкование: [σιγά + сущ.] «минимизирует важность того, что только что было сказано, или выражает пренебрежение»⁴⁶ [Brillouët, Kokkinidou-Maxime 2008: 506].

Общей для всех представленных толкований конструкции *Σιγά Χ* является идея негативного, подчеркнуто пренебрежительного отношения говорящего к объекту оценки. Косвенно в них также указывается на тенденцию использования рассматриваемого фразеологизма-конструкции в диалогическом режиме как иллокутивно вынужденного высказывания («реакция на угрозу, преувеличение»).

Продемонстрировать употребление рассматриваемого фразеологизма-конструкции можно на следующих примерах:

(1) «*Μα είναι η δουλειά μου...*» ψέλλισε η Ασπασία [...]. «**Σιγά τη δουλειά! Τραγουδίστρια σε κάθε λογής πουζουζίδικο!**» (Μαν.)

‘«Но это моя работа...» — пролепетала Аспасия [...] «**Тоже мне работа! Певичка в разных кабаках!**»’ (букв. ‘тихо работу’).

(2) «*Και το όνομά μας, ρε χαμένε, ποιος θα το κρατήσει;*» «**Σιγά το όνομα που δεν πρέπει να χαθεί!**» (Μαν.)

‘«А имя наше, безумец, кто продолжит?» «**Тоже мне имя, чтобы его продолжать!**»’ (букв. ‘тихо имя, которое не должно исчезнуть’).

(3) *Εγώ είχα αφήσει το δίπλωμά μου και τον γάμο της αδελφής μου. Σιγά τη θυσία!* (Ζέη, ΠΖ.)

‘А мне пришлось отказаться от диплома и от свадьбы сестры. **Подумаешь, жертва!**’ (букв. ‘тихо жертва’).

Как можно видеть из этих примеров, говорящий, используя фразеологизм-конструкцию *Σιγά Χ*, выражает отрицательную оценку какого-либо объекта, как не имеющего никакой ценности, значимости и в целом не заслуживающего номинации *Χ*: ‘не представляющая никакой ценности работа’ (1), ‘не представляющее ценности

⁴⁶ « Minimise l’importance de ce qui vient d’être dit ou exprime le mépris » [Brillouët, Kokkinidou-Maxime 2008: 506].

имя' (2), 'не являющаяся значимой жертва', 'вообще не жертва' (3). В примерах (1)–(2) рассматриваемый фразеологизм-конструкция использован в диалогическом режиме, а актант, заполняющий слот, имеет в предшествующей части текста прямой лексический antecedent.

Основной функцией слова *σιγά*, формирующего фиксированный компонент фразеологизма-конструкции *Σιγά X*, в новогреческом языке является выражение таких значений, как (а) 'тихо, негромко', (б) 'медленно' или (в) 'осторожно'. Как правило, это слово используется в качестве наречия образа действия (например, *Περπατάει σιγά, δεν βιάζεται* 'Он идет медленно, не спешит') [Χρηστικό λεξικό 2014: 1431].

Вторичным является использование слова *σιγά* в роли частицы (см. указание на такую возможность в словаре Триандафиллидиса [ΛΚΝ]) для выражения разнообразных чувств и эмоциональных реакций — беспокойства, неприязни, неодобрения, симпатии, иронии и пр. В этом случае исходное значение слова *σιγά* приглушается, и на первый план выходят его эмоционально-экспрессивные свойства, как например, во фразе *Τί; Αυτό ήταν όλο; Σιγά!* 'Что? И это всё? Подумаешь!'.

В подобном экспрессивном употреблении слово *σιγά* выступает составным элементом целого кластера не вполне регулярных с точки зрения греческого синтаксиса построений с вариативным компонентом-слотом (*Σιγά X* 'тихо X', *Σιγά που Ρ* 'тихо что Ρ', *Σιγά (να) μην (και) Ρ* 'тихо (чтобы) не (и) Ρ'), каждое из которых можно рассматривать как фразеологизм-конструкцию с «утраченными или ослабленными грамматическими или прямыми лексическими значениями тех компонентов, с которыми связано выражение тех или иных субъективно-модальных значений» [Русская грамматика 1980, т. 2: 217]. Одним из этих построений является и рассматриваемый нами фразеологизм-конструкция *Σιγά X*.

Новогреческий фразеологизм-конструкция *Σιγά X* имеет некоторое сходство с русскими построениями с союзной частицей *тоже*, объединенными, согласно Н. Ю. Шведовой, «общим значением отрицательного отношения», например, *Тожe мужчина — не может сам перенести такую пустяковину... Тожe мне барыня! Тожe служитель искусства!* [Шведова 1960: 172]. Как указывает Н. Ю. Шведова, русские именные построения с частицей *тоже* имеют значение «отрицания у предмета (обычно — лица) того основного качества, которое должно быть присуще ему в

соответствии с его названием» и «всегда ярко окрашены выражением отрицательного отношения, насмешки, иронии» [Шведова 1960: 172].

Поиск фразеологизма-конструкции *Σιγά Χ* в корпусе текстов eITenTen14 дал 3 440 результатов. В большинстве случаев рассматриваемый фразеологизм-конструкция имеет в корпусе следующую структуру:

$$\underline{\Sigma\gamma\acute{\alpha} + At_{DefAc} + NP_{Ac}}$$

$$('mixo' + At_{DefAc} + NP_{Ac})$$

Слот в составе данного фразеологизма-конструкции, как правило, заполняется отдельным существительным (например, *αμάρτημα* ‘прегрешение’, *ερωτήσεις* ‘вопросы’) или субстантивным словосочетанием (*ξένες επενδύσεις* ‘иностранные инвестиции’, *υψηλή νοημοσύνη* ‘высокий интеллект’) в форме винительного падежа и обязательно в сопровождении определенного артикля.

Актанты, наиболее часто заполняющие слот фразеологизма-конструкции *Σιγά Χ* в корпусе текстов, показаны в Таблице 17.

Таблица 17 — Актанты, наиболее часто заполняющие слот фразеологизма-конструкции *Σιγά Χ*

Слово	Перевод	Частотность	Процент от общего числа употреблений
1	2	3	4
<i>πράγμα</i>	вещь; дело; событие	449	13,05%
<i>νέο, -α</i>	новость, новое	206	5,99%
<i>δύσκολο, -α</i>	сложность, сложное	150	4,36%
<i>διαφορά</i>	разница	75	2,18%
<i>πρόβλημα</i>	проблема	65	1,89%
<i>είδηση</i>	новость, известие	64	1,86%

Продолжение таблицы 17

1	2	3	4
<i>λεφτά</i>	деньги	61	1,77%
<i>θέμα</i>	тема	60	1,74%
<i>κατόρθωμα</i>	достижение	60	1,74%
<i>ομάδα</i>	команда	40	1,16%
<i>παίχτης</i>	игрок	36	1,05%
<i>ποσό</i>	количество	35	1,02%
<i>αποκάλυψη</i>	открытие, обнаружение	27	0,78%
<i>δουλειά</i>	работа	25	0,73%
<i>ανακάλυψη</i>	открытие, изобретение	22	0,64%
<i>πρωτοτυπία</i>	новаторство, оригинальность	21	0,61%

В общее число результатов не включены случаи использования в корпусе текстов идиом, совпадающих с фразеологизмом-конструкцией *Σιγά Χ* по своей структуре и отчасти по своему значению, таких как *σιγά τα ωά* или *σιγά τα αυγά* (букв. ‘*тихо* яйца’) (488 и 282 случая употребления в корпусе соответственно), *σιγά τα λάχανα* (букв. ‘*тихо* капусту’) (152), *σιγά τα αίματα* (букв. ‘*тихо* кровь’) (109), *σιγά τον πολυέλαιο* (букв. ‘*тихо* паникадило’) (89) и др. Общим семантическим компонентом для всех представленных идиом является значение негативной, пренебрежительной оценки чего-либо, как не представляющего большой ценности или интереса⁴⁷, что сближает их с рассматриваемым нами фразеологизмом-конструкцией *Σιγά Χ*. Однако, как уже упоминалось ранее, важным признаком фразеологизмов-конструкций как класса

⁴⁷ Согласно словарю Афинской академии, идиома *σιγά τ' αυγά / ωά* (букв. ‘*тихо* яйца’) используется в отношении человека или ситуации, «не обладающих никакой важностью или ценностью» [Χρηστικό λεξικό 2014: 22]; идиома *σιγά τα λάχανα* (букв. ‘*тихо* капуста’) представляет собой ироническое высказывание в адрес чего-либо, «чему незаслуженно придается большое значение» [Χρηστικό λεξικό 2014: 919], а идиома *σιγά τον πολυέλαιο* (букв. ‘*тихо* паникадило’) — в адрес кого-либо или чего-либо, «не являющегося важным или интересным, не заслуживающего обсуждения» [Χρηστικό λεξικό 2014: 1316]. Идиома *σιγά τα αίματα* (букв. ‘*тихо* кровь’) представляет собой иронический, «пренебрежительный ответ на угрозу или [характеристику] ситуации, которая считается серьезной и вызывает страх» [Χρηστικό λεξικό 2014: 63].

фразеологизмов является неидиоматичность переменного компонента и буквальность значения его наполняющих его лексических единиц, тогда как в случае с перечисленными идиомами наблюдается полная переинтерпретация компонентного состава.

Спорным является вопрос о возможности рассматривать в качестве частной реализации фразеологизма-конструкции *Σιγά X* фразу *Σιγά το πράγμα* (букв. ‘тихо вещь / штука / дело’), занесенную в некоторые словари как полностью устойчивое выражение (см., например, [Χρηστικό λεξικό 2014: 1333]). На наш взгляд, хотя слово *πράγμα* ‘вещь / штука / дело’ и слабо нагружено семантически, оно все же не утратило в составе рассматриваемого выражения свое исходное значение и не было переинтерпретировано, что позволяет нам рассматривать это выражение как один из частных случаев реализации продуктивного паттерна *Σιγά X*.

Как можно видеть из Таблицы 17, актанты, наиболее часто заполняющие слот фразеологизма-конструкции *Σιγά X* в корпусе текстов, принадлежат к группе слов со значением местоименного типа — *πράγμα* ‘вещь / штука / дело’, реже — *θέμα* ‘тема’, *κόλπο* ‘трюк, прием’ и пр. На долю подобных актантов приходится около 15% всех случаев употребления рассматриваемого фразеологизма-конструкции в корпусе текстов. Наиболее часто используется слово *πράγμα* ‘вещь / штука / дело’.

Обширную группу актантов составляют также разнообразные качественные характеристики предметов или явлений. Это в первую очередь характеристики объекта (преимущественно информационного или эпистемического) по критерию новизны, неожиданности или оригинальности (например, *νέο* ‘новость, новое’, *είδηση* ‘новость, известие’, *αποκάλυψη / ανακάλυψη* ‘открытие’, *πρωτοτυπία* ‘новаторство, оригинальность’, *καινούργιο* ‘новое’ и пр.), на долю которых приходится около 12% всех случаев. Это также характеристики объекта как сложного, трудного, требующего физических или умственных усилий, представляющего собой преграду или препятствие (например, *δύσκολο* ‘трудное’, *δυσκολία* ‘трудность’, *δουλειά* ‘работа’, *κόπος* ‘труд’, *πρόβλημα* ‘проблема’, *δίλημμα* ‘дилемма’ и пр.), использующиеся в корпусе примерно в 9% всех случаев. Реже используются слова, характеризующие объект как злой, горестный, страшный, причиняющий или потенциально способный причинить вред или ущерб (*κακό* ‘зло, беда’, *απώλεια* ‘утрата’, *ζημιά* ‘ущерб’, *φοβερό* ‘страшное’, *καταστροφή*

‘катастрофа’, *εφιάλτης* ‘кошмар’ и пр.). На долю таких слов приходится около 4% всех случаев употребления фразеологизма-конструкции *Σιγά Χ* в корпусе текстов.

В отдельную группу можно выделить актанты, представляющие собой разнообразные обозначения человека (10%). К ним относятся названия человека по признаку профессиональной принадлежности или роду занятий (например, *παίκτης* ‘игрок’, *επιστήμονας* ‘ученый’, *καλλιτέχνης* ‘художник, артист’), возраста или пола (*άντρας* ‘мужчина’, *γυναίκα* ‘женщина’, *γκόμενα* ‘девушка’), внешности, черт характера, интеллектуальных способностей или умений (*κουκλάρα* ‘куколка’, *χαλβάς* ‘мягкотелый’), идеологических или религиозных убеждений (*δημοκράτης* ‘демократ’, *θρήσκος* ‘религиозный’), а также «говорящие» имена собственные (*Τσε Γκεβάра* ‘Че Гевара’, *Πικάσο* ‘Пикассо’, *Μαρατόνα* ‘Марadona’).

Большую группу актантов составляют также обозначения различных действий и видов деятельности (10%) (например, *απάντηση* ‘ответ’, *μεταρρύθμιση* ‘реформа’, *πρόβλεψη* ‘прогноз’, *παιχνίδι* ‘игра’), а также слова, характеризующие результат, итог деятельности (3%) (*κατόρθωμα / επίτευγμα* ‘достижение’, *αποτέλεσμα* ‘результат’).

Менее обширные группы представлены актантами, объединенными общей семой ‘количество’ (*ποσό / αριθμός / ποσότητα* ‘число, количество’, *ποσοστό* ‘процент’), обозначениями различных артефактов (*αυτοκίνητο* ‘автомобиль’, *κινητό* ‘мобильник’), учреждений или заведений (*εταιρεία* ‘компания’, *καφενείο* ‘кофейня’) и пр.

Приведем несколько примеров использования фразеологизма-конструкции *Σιγά Χ* в корпусе текстов:

(4) *Η βόλτα στην πόλη ξεκίνησε με ένα στόχο: Να πιούμε τσάι!... Θα πείτε **σιγά το στόχο**, στην Ιρλανδία ήσασταν, τόσο δύσκολο ήταν;*

‘Прогулка по городу началась с единственной целью — выпить чая!... Вы скажете: «**Тоже мне цель**, вы же были в Ирландии, неужели это было так сложно?»’ (букв. ‘*тихо* цель’).

(5) *Γιατί κρύβονται τώρα; **Σιγά τον Brad Pitt και την Angelina Jolie** που κρύβονται για να μην τους φωτογραφήσουν...*

‘Зачем они теперь прячутся? **Тоже мне Бред Питт и Анджелина Джоли**, чтобы прятаться от фотографов...’ (букв. ‘*тихо* Бреда Питта и Анджелину Джоли’).

Как можно видеть из этих примеров, фразеологизм-конструкция *Σιγά Χ* выражает отрицательную оценку какого-либо объекта, упоминаемого в контексте, как не являющегося ценным или значимым. Слово, заполняющее слот, может непосредственно называть объект оценки, ценность или значимость которого отрицается (пример 4). В других случаях слово, заполняющее слот, представляет собой указание не на объект оценки, а на оценочный стереотип, с которым сравнивается объект оценки (пример 5). В этих случаях значение фразеологизма-конструкции приближается к значению отрицания, несоответствия оценочному стереотипу ('не X').

Эти наблюдения подтверждаются и в ходе анализа иноязычных соответствий фразеологизма-конструкции *Σιγά Χ*. Так, в примерах ниже фразеологизм-конструкция используется как для перевода на греческий язык иноязычных оборотов, выражающих значение отсутствия у характеризуемого объекта важности или значимости (пример 6), так и для перевода оборотов со значением несоответствия характеризуемого объекта оценочному стереотипу (пример 7).

(6) "I ask you because I want your opinion as well as hers," said Isabel. "**A fig for my opinion!** If you fall in love with Mr. Osmond what will you care for that?" (Jam.).

«Σε ρωτάω γιατί θέλω τη γνώμη σου όσο και τη δική της», είπε η Ισαβέλλα, «**Σιγά τη γνώμη μου!** Αν ερωτευτείς τον κύριο Όσμοντ πόσο θα σε νοιάζει η γνώμη μου;» (Τζέι., пер. на греч.: Γ.-Ι. Μπαμπασάκης)

‘«Я спрашиваю тебя, потому что хочу услышать твое мнение, а не только её», сказала Изабелла. «**Что тебе мое мнение?** Если ты полюбишь Озмонта, насколько тебя будет заботить мое мнение?»’ (букв. ‘*τιχο* мое мнение’).

(7) "**No great loss, that's for sure...**" (Ran.)

«**Σιγά την απώλεια, αυτό να λέγεται.**» (Ράν., пер. на греч.: Α. Κονταξάκη)

‘«Тоже мне потеря, это точно»’ (букв. ‘*τιχο* потеря’).

На русский язык греческий фразеологизм-конструкция *Σιγά Χ* может быть переведен с помощью таких оборотов, как *Подумаешь, X*; *Тоже мне X*; *Нашел / Нашли X*; *Сказали тоже, X*; *Никакой это не X*; *Это вообще не X* и пр.

4.6.2. Фразеологизм-конструкция *Χαρά σε Χ*

Фразеологизм-конструкция *Χαρά σε Χ* (букв. ‘радость Х-у’) зафиксирован как устойчивое выражение с вариативным компонентом в нескольких общезыковых словарях и сборниках фразеологизмов новогреческого языка. Так, в словарь Бабиньотиса включено выражение *χαρά σε (κάποιον / κάτι)* (букв. ‘радость (кому-либо / чему-либо)’) с толкованием ‘иронически о (ком-либо / чем-либо), что отвергается; по поводу чего имеются большие нарекания’ [Μπαμπινιώτης 2005: 1934]. В словарь Катоса это выражение занесено в форме *Χαρά στα... (στη..., [...])* с пояснением ‘говорится в том случае, когда мы считаем крайне незначительным что-либо, что есть у кого-то, или что-либо, что нам представляют как важное’ [Κάτος].

Случаи использования фразеологизма-конструкции *Χαρά σε Χ* в таком значении встречаются в новогреческой художественной литературе уже с XIX в. Приведем несколько примеров использования рассматриваемого фразеологизма-конструкции в некоторых литературных текстах:

(1) *Λίγο αργότερα, επί πρωθυπουργίας Μάξιμου η Πουλίτσα, ξεχνάω, πού να τους θυμάσαι κι όλας, χαρά στους πολιτικούς, αυτό τους έλειπε να θυμάμαι κι αυτώνών το όνομα, κομπάρσοι της πολιτικής ήτανε, τότε οι χωριάτες εψήφισαν μονοκούκι βασιλεία. (Μάτ.)*

‘Немного позже, когда премьер-министром был Максимос или Пулицас, запамтовала, еще бы я их всех помнила, **тоже мне политики**, не хватало еще их имена держать в голове, они были в политике статистами, вот тогда деревенские все разом проголосовали за монархию’ (букв. ‘радость политикам’).

(2) *Η Έμμη ακούμπησε τα γυαλιά της στο μάρμαρο κι έβγαλε μαντηλάκι. — Δεν αξίζει τον κόπο, της είπε εύθυμα η Ρόζα. Χαρά στη ζημιά για να χαλάτε τα μάτια σας. (Γσίρ., Λ.)*

‘Эмми положила очки на мраморный столик и достала платочек. — Не стоит беспокоиться, — весело сказала Роза. — **Невелика потеря**, чтобы из-за этого глаза портить’ (букв. ‘радость потере, чтобы портить свои глаза’).

Как видно из представленных примеров, фразеологизм-конструкция *Χαρά σε Χ* употребляется в речи как оценочное высказывание. Фиксированный компонент фразеологизма-конструкции выражает значение оценки объекта, как не

представляющего большой ценности или значимости или не соответствующего ожиданиям от него говорящего, в то время как слот заполняется актантами, обозначающими непосредственный объект оценки или его оценочную характеристику — *πολιτικοί* ‘политики’ (1), *ζημιά* ‘потеря, убыток’ (2).

В некоторые словари фразеологизм-конструкция *Χαρά σε X* занесен в одной из своих частных реализаций — *Χαρά στο πρά(γ)μα!* (букв. ‘радость вещи / делу’). Этому выражению в словарях даются следующие толкования: ‘о чем-либо, что мы считаем совершенно незначительным’ [ΛΚΝ], ‘о чем-либо, что не является настолько важным или трудным, как это [нам] представляют’ [Χρηστικό λεξικό 2014: 1333], о чем-либо, что ‘не имеет никакой ценности, не стоит ничего’ [Δημητράκος 1953: 7787]. Пример употребления выражения *Χαρά στο πρά(γ)μα!* представлен ниже:

(3) — *Μερμήγκια είμαστε, εξακολούθησε ήσυχα ο καπετάνιος· φάγαμε ένα σπυρί σιτάρι παραπάνω, μια ψόφια μύγα παραπάνω, χαρά στο πράμα* (Καζ., ΧΞ.).

‘Мы же муравьи, — спокойно продолжил капитан. — Ну съели мы лишнее зернышко зерна, лишнюю дохлую муху, — **подумаешь, беда какая!**’ (букв. ‘радость вещи’).

В более старых словарях и сборниках фразеологизмов зафиксировано также выражение *χαρά 'ς το* (букв. ‘радость этому’), или слитно — *χαράστο*. По мнению А. Пападопулоса, это выражение представляет собой редуцированный вариант фразы *χαρά 'ς το πράμα!* (букв. ‘радость вещи / делу’) [Παπαδόπουλος 1942–1948: 127]⁴⁸. Слитный вариант *χαράστο* упоминается уже в некоторых изданиях XIX в. (например, в [Λεξικόν Γαλλοελληνικόν 1842: 50])⁴⁹.

⁴⁸ «Эта эллиптическая фраза, используемая в таком виде с энклитическим артиклем для иронического упоминания о вещи, не заслуживающей обсуждения, произошла от более полной [фразы] *χαρά 'ς το πράμα!* [букв. ‘радость вещи’], а та — от еще более полной *χαρά που την έχει για το πράμα!* [‘радость, которую он имеет по поводу этой вещи!’] или чего-то подобного» («Н ελλειπτική αυτή φράσις ούτω κατ’ ἐγκλίσιν του άρθρου ειρωνικώς λεγομένη επί πράγματος αναξίου λόγου προήλθεν από την πληρεστέραν *χαρά 'ς το πράμα!* και αυτή από την έτι πληρεστέραν *χαρά που την έχει για το πράμα* ή κάτι παρόμοιον») [Παπαδόπουλος 1942–1948: 127].

⁴⁹ В отдельных литературных контекстах XIX в. мы видим также переходный тип употребления выражения *χαρά 'ς το* (букв. ‘радость этому’), где оно начинает распространяться переменным компонентом. Оценочное значение при этом сохраняется: — *Και μη μου αφήσετε, είπεν, αυτή την σεισουράδα να ξαναμβή δω μέσα. Ω, χαρά στο μας αλήθεια, σταις τούμπαις και τους σάλτους!* — *Σεισουράδα ήταν ο Γάλλος υπηρέτης του επί τον Βόσπορον ξενοδοχείου [...]* (Βιζ.). ‘ — И не пускайте, — сказала она, — больше сюда эту трясогузку. И **на что нам, правда, эти коленца да прыжки!** — Трясогузкой был француз, прислуживавший в гостинице на Босфоре [...]’ (букв. ‘радость этому нам, правда, этим коленцам да прыжкам’).

Аналогичную структуру имеет и идиома *Χαρά στα λάχανα* (букв. ‘радость капуста́м’), занесенная в словари со значением, сходным со значением выражения *Χαρά στο πρά(γ)μα!*: ‘о чем-либо, чему незаслуженно придают большое значение’ [Χρηστικό λεξικό 2014: 919], ‘о чем-либо, что мы считаем совершенно незначительным’ [ΛΚΝ].

Выражения *Χαρά στο πρά(γ)μα!* (букв. ‘радость вещи / делу’), *Χαρά στα λάχανα* (букв. ‘радость капуста́м’), а также конструкция *Χαρά σε X* (букв. ‘радость X-у’) сопровождаются в словаре пометами, указывающими на их преимущественно ироническое употребление: ‘разг.-ирон.’ [Χρηστικό λεξικό 2014: 919, 1333], ‘ирон.’ [Δημητράκος 1953: 7787], ‘ирон.-пренебреж.’ [Δημητρίου 1995: 422].

Поиск фразеологизма-конструкции *Χαρά σε X* в корпусе текстов eTenTen14 дал 145 результатов. В их число мы не включаем случаи употребления идиомы *Χαρά στα λάχανα* (букв. ‘радость капуста́м’) (3 результата).

Основываясь на данных корпусного анализа, структуру рассматриваемого фразеологизма-конструкции можно схематически отобразить следующим образом:

$$\frac{\text{Χαρά} + \sigma(\varepsilon)}{\text{Χαράς} + \text{At}_{\text{DefAc}} + \text{NP}_{\text{Ac}}}$$

(‘радость’ + $\sigma(\varepsilon)$ + At_{DefAc} + NP_{Ac})

Фиксированный компонент фразеологизма-конструкции *Χαρά σε X* имеет в корпусе различное написание. В 60% всех случаев в корпусе встречается написание *Χαρά σε X*, а в 40% случаев — *Χαράς X*. При этом различное написание фразеологизма-конструкции не влияет на его звуковой облик.

Слот фразеологизма-конструкции *Χαρά σε X* заполняется отдельным существительным (например, *επιχείρημα* ‘аргумент’, *παίκτης* ‘игрок’) или субстантивным словосочетанием (*νησιώτικη φιλοξενία* ‘островное гостеприимство’) в форме винительного падежа единственного или множественного числа и, как правило, в сопровождении определенного артикля. В редких случаях слот заполняется отдельным прилагательным (*πολύτιμος* ‘драгоценный’) или местоимением (*άλλος* ‘другой’).

В 5 случаях в корпусе у рассматриваемого построения отсутствует формальный слот, и оно имеет форму *Χαρά στον* / *Χαρά στην* / *Χαρά στο*, однако практически все подобные случаи представляют собой фрагменты из литературных произведений XIX в.

Актанты, заполняющие слот фразеологизма-конструкции *Χαρά σε Χ* в корпусе текстов более одного раза, представлены в Таблице 18.

Таблица 18 — Актанты, заполняющие слот фразеологизма-конструкции *Χαρά σε Χ* в корпусе текстов

Слово	Перевод	Частотность	Процент от общего числа употреблений
1	2	3	4
<i>πράγμα</i>	вещь; дело; событие	79	54,48%
<i>κακό</i>	зло; беда	4	2,76%
<i>άντρας</i>	мужчина	2	1,38%
<i>δουλειά</i>	работа	2	1,38%
<i>δύσκολο</i>	сложное; сложность	2	1,38%
<i>νέο</i>	новое, новость	2	1,38%

Наиболее часто слот фразеологизма-конструкции заполняется словами с местоименным типом значения. Это в первую очередь слово *πράγμα* ‘вещь; дело; событие’, а также другие слова подобного типа, например *υπόθεση* ‘дело, кейс’. Среди других актантов выделяются слова, характеризующие объект как сложный или трудный (*δύσκολο* ‘трудность, трудное’, *κόπος* ‘труд’, *δουλειά* ‘работа’), злой, горестный, причиняющий вред (*κακό* ‘беда, зло’, *ζημιά* ‘вред, ущерб’), новый, оригинальный (*αποκάλυψη* ‘открытие’, *νέο* ‘новость’, *έκπληξη* ‘сюрприз’). Встречаются различные обозначения человека (*άντρας* ‘мужчина’, *παίκτης* ‘игрок’, *εστιάτορας* ‘ресторатор’), обозначения различных действий и видов деятельности (*πρόταση* ‘предложение’, *προσβολή* ‘оскорбление’, *επιστροφή* ‘возвращение’) и пр.

Лексическое наполнение слота может быть как оценочно нейтральным (*νέο* ‘новость’, *πρόταση* ‘предложение’), так и оценочно отрицательным (*κακό* ‘беда’, *δύσκολο* ‘сложность’). Встречаются и оценочно положительные актанты (*πανέμορφη λεωφόρος* ‘красивейший проспект’, *ωραία μέρα* ‘прекрасный день’). При этом, однако, оценочный потенциал актанта не влияет на общий оттенок отрицательной оценки, выражаемый

фиксированным компонентом фразеологизма-конструкции. В тех случаях, когда слот заполняется оценочно окрашенным актантом, значение фразеологизма-конструкции сближается со значением отрицания ('не X').

Приведем несколько примеров употребления конструкции *Χαρά σε X* в корпусе текстов.

(4) *Ότι γιατροί είχαν στήσει βιομηχανία συνταγών... Χαρά στο νέο, θα πουν όλοι. Γιατί αυτά συμβαίνουν εδώ και πολλά χρόνια.*

‘Что врачи сделали бизнес на рецептах... **Тоже мне новость**, скажут все. Ведь это продолжается уже многие годы’ (букв. ‘радость новости’).

(5) *[Α]πό υπερυψωμένη τη μετέτρεψε σε υπόγεια κι έτσι δεν θα ασχημαίνει για τις επόμενες δεκαετίες τη λεωφ. Βουλιαγμένης. — Χαράς την πανέμορφη λεωφόρο Βουλιαγμένης που θα την ασχήμε το υπερυψωμένο Μετρό!*

‘[И]з наземного он превратил его в подземное, так чтобы в ближайшие десятилетия оно не уродовало проспект Вульягменис. — **Тоже мне прекраснейший проспект Вульягменис**, который бы изуродовало наземное метро!’ (букв. ‘радость прекраснейшему проспекту Вульягменис’).

Как можно видеть из этих примеров, фразеологизм-конструкция *Χαρά σε X* выражает пренебрежительную оценку какого-либо объекта, как не являющегося значимым, ценным, достойным внимания и в целом не заслуживающего номинации X.

На другие языки этот фразеологизм часто переводится с помощью языковых средств иронии. Так, реплика из романа Н. Казандзакиса «Βίος και πολιτεία του Αλέξη Ζορμπά» *Χαρά στην παρηγοριά!* (букв. ‘радость утешению’) переводится на другие языки ироническими восклицаниями: «Хорошее утешение!» (Каз., ГЗ, пер. на рус.: Л. Араб-оглы), «That’s a great consolation!» (Каз., ZG, пер. на англ.: С. Wildman), «La belle consolation !» (Каз., AZ, пер. на франц.: Y. Gauthier) и «Questa è davvero una bella consolazione!» (Каз., ZiG, пер. на итал.: О. Ceretti Borsi).

В некоторых случаях фразеологизм-конструкция *Χαρά σε X* вызывает сложности при переводе. Продемонстрируем это на примере переводов небольшого фрагмента из романа К. Тахциса «Το τρίτο στεφάνι»:

(6) *«Πήγαινε να μας ψήσεις ένα καφεδάκι, και βγάλε κι ένα βύσσινο!» της έλεγα. Και κείνη πήγαινε στην κουζίνα, κρυβόταν έτσι ώστε να τη βλέπω μόνο εγώ, και μου 'κανε*

γκριμάτσες που σήμαιναν: δεν τους ψήνω καφέ! Τι λες! Χαρά στα προσώπατα που θα τους βγάλουμε και γλυκό!... (Таχ.)

«Пойди сделай кофе и вишневое варенье достань!» — сколько раз произносила я эту фразу. И каждый раз она послушно шла на кухню и, высунувшись так, чтобы только я ее видела, начинала корчить рожицы, смысл которых был ясен без лишних объяснений: а вот не буду варить им кофе! Попробуй только скажи что-нибудь! **Хватит с них и варенья!..** (Тах., пер. на рус.: А. Ковалева).

«“Va nous faire du café et apporte en même temps des griottes.” Marietta se dirigeait vers la cuisine et faisait dans ma direction, de manière que je sois seule à la voir, une grimace qui signifiait : “Moi, leur faire du café ? Tu es folle ! **Une griotte, ce sera bien assez !**” » (Так., ТА, пер. на франц.: J. Lacarrière)

«Go, make some coffee, and serve us a bit of the wild-cherry preserves.» I would say. And she would go to the kitchen and stand at the door where only I could see her and screw her face up and grimace, meaning: I'm not making coffee, not for them. **And preserves! Who do they think they are?** (Так., TWW, пер. на англ.: J. Chioles)

В этом примере мы видим, что смысл греческой фразы *Χαρά στα προσώπατα που θα τους βγάλουμε και γλυκό!* (букв. ‘радость персонам, что мы им достанем и варенье’) понимается переводчиками по-разному. В переводах на русский и французский языки эта фраза интерпретируется как композиционное построение, где слово *χαρά* сохраняет свое буквальное значение ‘радость’. В результате этого фрагмент приобретает значение, примерно соответствующее ‘Не буду я им кофе варить! Пусть они радуются, что мы им принесем варенья!’. В переводе на английский язык этот же фрагмент имеет другое значение — ‘Не буду я им кофе варить! Еще и варенье им подавай! Да что они о себе возомнили?’. На наш взгляд, перевод на английский язык является в данном случае более точным. Для перевода фразы *Χαρά στα προσώπατα που θα τους βγάλουμε και γλυκό!* на русский язык можно было бы предложить такие варианты, как ‘Тоже мне важные персоны, еще и варенье им подавай!’ и т.п.

Необходимо отметить, что при анализе употребления фразеологизма-конструкции *Χαρά σε Χ* в корпусе текстов и других текстовых источниках, в том числе словарях, возникает проблема отграничения этого фразеологизма-конструкции от других структурно идентичных построений с иным значением.

Так, в словарь Бабиньотиса занесены в качестве устойчивых выражений фразы *Χαρά σ' εκείνον / σ' τον που...* (букв. 'радость тому / ему, кто...') с толкованием 'удачлив или обоснованно счастлив тот, кто...' и *Χαρά σ' εσένα* (букв. 'радость тебе') с толкованием 'ты должен радоваться (своей участи) или своему счастью' [Μπαμπινιώτης 2005: 1934]. В словаре Афинской академии — также в качестве устойчивого выражения — аналогичная конструкция указывается в форме *Χαρά σ' αυτόν / σ' εκείνον / στον... που...* (букв. 'радость тому / ему ... кто...'), с толкованием 'имеет все основания быть счастливым тот, кто...' и пометой «разг. — обычно ирон.» [Χρηστικό λεξικό 2014: 1751].

Приведем пример такого употребления построения *Χαρά σε X*:

(7) *Διαταγή του πολυχρονεμένου μας Πατισάχ, ούλοι οι Οθωμανοί υπήκοοι από είκοσι δύο ίσαμε σαράντα πάνε στρατιώτες! Χαρά στο φαμελίτη οπούχει θηλυκά στο σπίτι του!* (Σωт.)

«Наш благословенный падишах приказывает всем подданным Оттоманской империи от двадцати до сорока лет идти в солдаты... **Радуйтесь, отцы, имеющие только дочерей...** (Сот., пер. на рус.: А. Сенкевич).

Как можно видеть из приведенных словарных дефиниций и примера (9), в таком употреблении построение *Χαρά σε X* обладает меньшей степенью идиоматичности и почти полностью композиционально. Его переменный компонент служит для обозначения субъекта (как правило, одушевленного), являющегося, по мнению говорящего, счастливым или удачливым. В некоторых случаях стилистические характеристики контекста позволяют перевести это построение на русский язык как «Блажен тот, кто...».

Отличаются по своему значению от фразеологизма-конструкции *Χαρά σε X* и структурно идентичные ему построения со значением высокой степени проявления признака. Наиболее устойчивыми из них являются *Χαρά στο κουράγιο* (букв. 'радость стойкости') и *Χαρά στην υπομονή* (букв. 'радость терпению'), зафиксированные в большинстве новогреческих словарей как полностью устойчивые фразы с толкованием 'чтобы показать наше удивление или восхищение терпением или стойкостью кого-либо' [ΛΚΝ], 'я удивляюсь тому, как ты выдерживаешь' [Χρηστικό λεξικό 2014: 1751].

Приведем пример такого употребления конструкции *Χαρά σε X*.

(8) [...] *όσο αργά και να τέλειωνε τα μαθήματά της, δε βαριότανε να κάνει κάθε βράδυ αυτή τη δουλειά. Χαρά στην υπομονή της.* (Ζέη, ΜΠ)

‘[...] как бы поздно у нее не заканчивались уроки, она не ленилась этим заниматься каждый вечер. **Удивительное терпение**’ (букв. ‘радость ее терпению’).

Анализ случаев такого употребления конструкции *Χαρά σε Χ* в корпусе текстов показывает, что почти в 82% всех случаев слот заполняется словом *κουράγιο / κουράγια* ‘стойкость’ и в 10% — словом *υπομονή* ‘терпение’. Таким образом, на долю двух наиболее частотных реализаций этой конструкции, зафиксированных в словарях, приходится около 92% всех случаев ее употребления. Остальные актанты — *όρεξη* ‘желание’, *κέφι* ‘настроение’, *ομορφιά* ‘красота’, *θάραρος* ‘смелость’, *θράσος* ‘дерзость’, *επιμονή* ‘упорство’, *ψυχραιμία* ‘хладнокровие’, *δύναμη* ‘сила’, *αδιαντροπία* ‘бесстыдство’, *αλαζονεία* ‘хвастовство’ и пр. — используются лишь в 8% всех случаев в корпусе.

В некоторых словарях композиционное значение ‘счастлив тот, кто...’, значение высокой степени проявления признака, а также выражаемое фразеологизмом-конструкцией *Χαρά σε Χ* значение пренебрежительной оценки объединяются как разные, но связанные значения одной и той же конструкции (см., например, [Δημητρίου 1995: 422]). В других словарях (см., например, словарную статью слова *χαρά* ‘радость’ в словаре Триандафиллидиса [ΛΚΝ]) отдельные устойчивые выражения, построенные по общей модели *Χαρά σε Χ*, фиксируются как разные фразеологизмы (в частности, *χαρά στο πράγμα* ‘радость вещи’, *χαρά στα λάχανα* ‘радость капустам’, *χαρά στο κουράγιο* ‘радость стойкости’, *χαρά στην υπομονή* ‘радость терпению’, а также пословица *Η τιμή τιμή δεν έχει και χαρά στον που την έχει* ‘нет цены у чести, и радость тому, кто ее имеет’).

Мы полагаем, что разница в значении, выражаемом рассмотренными синтаксическими построениями, а также различные семантические ограничения на переменный компонент во всех трех случаях, позволяют расценивать эти построения как разные, хотя, по всей видимости, и родственные конструкции⁵⁰.

⁵⁰ Как уже отмечалось ранее, А. Стуйанидис исключает связь идиомы *Χαρά στο πράγμα* ‘букв. радость вещи’ со словом *χαρά* ‘радость’, связывая ее возникновение с турецким словом *haram* ‘запретный, недозволенный; харам’, заимствованным в греческий язык как наречие *χαράμι* со значением ‘зря, даром, бесполезно’ [www.stougiannidis.gr/hypoglossal/19.htm]. Несмотря на то, что подобное мнение пока не встретило поддержки лингвистов, оно, на наш взгляд, представляет несомненный интерес, так как позволяет четко отграничить фразеологизм-конструкцию *Χαρά σε Χ* со значением пренебрежительной оценки от других структурно идентичных ему синтаксических построений с иным значением.

Таким образом, новогреческий фразеологизм-конструкция *Χαρά σε Χ* выражает оценку объекта как не являющегося ценным, важным или значимым или не соответствующего определенной оценочной номинации. На русский язык этот фразеологизм-конструкция может быть переведен с помощью таких оборотов, как *Тоже мне Х! Подумаешь, (важный) Х! Ну и Х! Так себе Х!* и пр.

4.6.3. Фразеологизм-конструкция *Μη σώσει και / να Ρ*

Фразеологизм-конструкция *Μη σώσει και / να Ρ* (букв. '[пусть] не *добьется* (и) Р') зафиксирован во многих словарях новогреческого языка как устойчивое выражение с пометой «фразеологизм» (см. *μη σώσεις* в словаре Бабиньотиса [Μπαμπινιώτης 2005: 1731], *(να) μη σώσει και έρθει / απαντήσει* в словаре Триандафиллидиса [ΛΚΝ], *(να) μη σώσει και...* в словаре Катоса [Κάτος] и пр.). Согласно имеющимся словарным толкованиям, этот фразеологизм выражает идею безразличия: «чтобы подчеркнуть наше совершенное безразличие» [ΛΚΝ], «для выражения полного безразличия» [Χρηστικό λεξικό 2014: 1553], «как выражение решительного [έντονη] безразличия по поводу того, сделает кто-либо что-либо или нет» [Μπαμπινιώτης 2005: 1731], «какая мне разница, сделаешь ли ты это» [Ζάχος 1981: 467].

Продемонстрировать употребление фразеологизма-конструкции *Μη σώσει και / να Ρ* можно на следующих примерах:

(1) — *Δε με φτάνει η αποψινή μου έγνοια [...] — μόνο έχω τώρα και την έγνοια του ανιψιού! Μ' έβαλε η μάνα του να του γράψω, του 'γραφα: μα ας μη σώσει να κοπιάσει ποτέ του!* (Καζ., ΚΜ)

‘— Не хватало мне забот нынче вечером [...] — так поди теперь думай и о племяннике! Его матушка уговорила меня написать ему, так я написал; но **пусть он хоть вовсе не приезжает!** (букв. ‘но пусть [он] не *добьется* приехать никогда’).

(2) *Ραραού, μου κάνουν οι κομπάρσοι, εσύ είσαι σαν την Ελλάδα, ποτέ δεν πεθαίνεις. Πολύ που χέστηκα εγώ αν πεθαίνει η Ελλάς, μη σώσει και πεθάνει, την είδα εγώ την Ελλάδα ποτέ μου, γιατί να τη νοιαστώ;* (Μάτ.)

‘Ρарау, — говорят мне статисты, — ты прямо как Греция, никогда не умираешь. — Больно меня волнует, умирает Греция или нет, **пусть она хоть и умрет**, видела я эту

Грецию в своей жизни, чтобы о ней беспокоиться? (букв. ‘пусть [она] не *добьется* и умрет’).

Как можно видеть из этих примеров, используя фразеологизм-конструкцию *Μη σώσει και Ρ*, говорящий декларирует подчеркнуто безразличное отношение, полное равнодушие к событию или действию, обозначенному переменной, — ‘он приедет’ (1), ‘она умрет’ (2). Более того, так как с формальной точки зрения фразеологизм-конструкция *Μη σώσει και Ρ* представляет собой императивную конструкцию, говорящий, используя его, даже высказывает своего рода пожелание того, чтобы рассматриваемое событие или действие стало реальностью, — ‘пусть он не приедет’ (1), ‘пусть она умрет’ (2).

Несмотря на присущее фразеологизму-конструкции *Μη σώσει και Ρ* значение безразличия, экспрессивность этой конструкции и полемичность контекстов, в которых она употребляется, указывают на то, что в действительности говорящий не равнодушен к предмету сообщения, а напротив, испытывает по отношению к нему самые различные чувства и эмоции, преимущественно негативные, — досаду, возмущение, разочарование, презрение и др. Косвенное указание на это содержится и в словаре Катоса, где говорится, что фраза (*να*) *μη σώσει και...* используется как выражение безразличия по поводу того, что не произойдет что-то, «чего мы желаем» [Κάτος], (или, соответственно, наоборот — по поводу того, что произойдет что-то, чего мы не желаем).

Греческий фразеологизм-конструкция *Μη σώσει και / να Ρ* имеет некоторое смысловое и функциональное сходство с русскими фраземами *ну и пусть / ну и пускай*, также выражающими безразличие (о них см., например, [Добровольский, Копотев, Пёппель 2019: 19–20; ПАСРЯ 2010: 203]), однако обладает более сложным строением.

Одним из фиксированных лексических элементов греческого фразеологизма-конструкции является глагол *σώνω*, сопровождающийся в словарях новогреческого языка пометой «просторечное» (например, [Χρηστικό λεξικό 2014: 1553]). За этим глаголом, представляющим собой модифицированную форму глагола *σώζω*⁵¹, в

⁵¹ Более подробно об этимологической связи между формами *σώνω* и *σώζω* говорится, например, в словаре Г. Бабиньотиса: «древний [глагол] *σώζω* помимо своего основного значения “защищать, сохранять” использовался с древних времен и как переходный [глагол] со значением “вести в безопасное место” и в итоге (в медиальной форме) стал означать “добираться [*φθάνω*] в безопасности куда-то — достигать спасения”, откуда возникают более общие значения “хватать [*φτάνω*] — быть достаточным” и

словарях закреплено несколько значений: ‘быть достаточным’; ‘успевать’ [Μπαμπινιώτης 2005: 1731]; ‘заканчиваться, иссякать’⁵² [Μπαμπινιώτης 2005: 1731, ΛΚΝ]; ‘дотягиваться, доставать рукой’ и ‘добиваться, достигать’⁵³ [ΛΚΝ]. Устойчивое выражение *Μη σώσει και Ρ* связывается в разных словарях с разными значениями глагола *σώνω*: ‘успевать’ (προλαβαίνω) в словаре Бабиньотиса [Μπαμπινιώτης 2005: 1731] и ‘добиваться, достигать’ (πετυχαίνω κт., το φτάνω) в словаре Триандафиллидиса [ΛΚΝ]. Это, на наш взгляд, свидетельствует о том, что в составе рассматриваемого фразеологизма-конструкции глагольный элемент уже подвергся десемантизации и его буквальная интерпретация представляет собой определенную сложность.

Помимо фразеологизма-конструкции *Μη σώσει και Ρ* глагол *σώνω* участвует в образовании еще нескольких устойчивых синтаксических конструкций, с которыми рассматриваемый фразеологизм-конструкцию, как можно предположить, имеет этимологическую связь. Это устойчивая формула проклятия *να μη σώσει* (букв. ‘пусть [он] не добьется / достигнет’) со значением ‘пусть [он] сгинет, умрет’ и устойчивая формула клятвы *να μη σώσω* (букв. ‘пусть [я] не добьюсь / достигну’), используемая, например, в таких контекстах, как *Να μη σώσω να δω άσπρη μέρα, αν σου λέω ψέματα* ‘Не видать мне счастливого дня, если я лгу’ [ΛΚΝ]. В большинстве словарей рассматриваемый нами фразеологизм-конструкция и эти устойчивые выражения фиксируются как разные фразеологизмы (см., например, [Μπαμπινιώτης 2005: 1731, ΛΚΝ, Κάτος]). Исключение составляет только словарь Афинской академии, где клятва, проклятие и выражение безразличия представлены как разные значения одной и той же синтаксической конструкции [Χρηστικό λεξικό 2014: 1553]. На наш взгляд, считать эти устойчивые выражения разными конструкциями позволяет не только разница в их значении, но и их различное синтаксическое поведение в тексте. Так, в отличие от фразеологизма-конструкции *Μη σώσει και Ρ*, формула проклятия может использоваться без распространения каким-либо дополнительным глаголом (например, *Πού να μη σώσει η γρουσουζά!* ‘Чтоб она сгнула, ведьма!’), т.е. не обладает обязательной переменной, в

“достигать” модифицированного типа *σώνω*. Во множестве новогреческих диалектных форм видны переходные этапы этого семантического сдвига» [Μπαμπινιώτης 2010: 1393].

⁵² В этом значении — обычно в форме пассивного залога.

⁵³ В разных словарях эти значения глагола *σώνω* располагаются в разном порядке очередности.

то время как формула клятвы обычно используется в форме первого лица единственного числа ('чтоб я... / чтоб мне...').

Поиск фразеологизма-конструкции *Μη σώσει και Ρ* в корпусе текстов eTenTen14 дал 152 результата. Структуру данного фразеологизма-конструкции в большинстве корпусных контекстов можно представить в виде следующей схемы:

$$\frac{(A\varsigma / N\alpha) + \mu\eta(v) + \sigma\acute{\omega}\nu\omega_{\text{subj-fin}} + \kappa(\alpha)\iota / \nu\alpha + V_{\text{subj-fin}}}{((\text{'пусть / чтобы'}) + \text{'не'} + \text{'добиваться'}_{\text{subj-fin}} + \text{'и'} / \text{'чтобы'} + V_{\text{subj-fin}})}$$

Как правило, глагол *σώνω* и глагольный актанта, заполняющий слот, грамматически согласуются с одним и тем же субъектом, как в следующем примере:

(3) «[...] *Δεν λέω ότι αναγκαστικά πρέπει να επιστρέψουν τα χρήματα, αλλά πρέπει τουλάχιστον να πουν “ευχαριστώ”*». — [...] *μη σώσουν και πούνε ευχαριστώ, τα χρήματα πίσω και ένα συγνώμη είναι το λιγότερο που πρέπει να διεκδικούμε* [...].

‘«[...] Я не говорю, что они обязательно должны вернуть деньги, но они должны по меньшей мере сказать “спасибо”». — [...] **вообще плевать, скажут ли они спасибо**, деньги назад и извинения — это минимальное из того, что мы должны требовать’ (букв. ‘пусть [они] не *добьются* и скажут спасибо’).

В нескольких случаях в корпусе (менее 5% от общего числа), такого согласования не происходит, и, в то время как глагольный актанта согласуется с субъектом, *σώνω* используется в форме 3-го лица, не изменяясь. Эту нерегулярность можно считать наиболее значимым отклонением от стандартной схемы употребления рассматриваемого фразеологизма-конструкции в корпусе текстов:

(4) *αν είναι να πεινασούμε για να σωσουμε το κλιμα, μη σωσει και το σωσουμε.*

‘Если мы должны голодать, чтобы спасти климат, **то вообще всё равно, спасем мы его или нет**’ (букв. ‘пусть не *добьется* и [мы] его спасем’).

С. Скартцис рассматривает конструкцию *Μη σώσει και Ρ* как часть парного речевого акта (такие акты Скартцис называет *αντιλαβές* ‘антилабы’) типа *Δεν πάω*. — *Μη σώσεις και πας*. ‘Я не пойду. — Ну и не ходи’ [Σκαρτσής 1999: 174], подчеркивая тем самым тенденцию использования этой конструкции в диалогическом режиме. В нашей корпусной выборке рассматриваемый фразеологизм-конструкция используется

преимущественно в нарративном режиме, что, впрочем, можно объяснить спецификой текстов, составляющих конкретный веб-корпус.

Глагольные актанты, наиболее часто заполняющие слот фразеологизма-конструкции *Μη σώσει και Ρ* в корпусе текстов, представлены в Таблице 19.

Таблица 19 — Актанты, наиболее часто заполняющие валентность фразеологизма-конструкции *Μη σώσει και Ρ* в корпусе текстов

Слово	Перевод	Частотность	Процент от общего числа употреблений
1	2	3	4
<i>έρχομαι</i>	приходить	18	11,84%
<i>γίνομαι</i>	становиться	16	10,53%
<i>κάνω</i>	делать	10	6,58%
<i>παίρνω</i>	брать	9	5,92%
<i>σώζω, -ομαι</i>	спасать, -ся	8	5,26%
<i>βλέπω</i>	видеть	6	3,95%
<i>πηγαίνω</i>	идти	6	3,95%
<i>πατάω</i>	ступать; приходить	5	3,29%

Среди разнообразных актантов, заполняющих слот фразеологизма-конструкции *Μη σώσει και Ρ* в корпусе, наиболее заметную группу составляют глаголы, объединенные общей семой движения по пространству (например, *έρχομαι* ‘приходить’, *πηγαίνω* ‘идти; уходить’, *γυρίζω* ‘возвращаться’) (25%). Помимо этого, выделяются глаголы с общим значением ‘делать’ (*κάνω* ‘делать’, *φτιάχνω* ‘изготавливать’), глаголы становления и существования (*γίνομαι* ‘становиться’, *ζω* ‘жить’), обладания (*δίνω* ‘давать’, *παίρνω* ‘брать’, *αποκτώ* ‘приобретать’), восприятия и ментально-эмоциональной деятельности человека (*βλέπω* ‘видеть’, *καταλαβαίνω* ‘понимать’, *χαίρομαι* ‘радоваться’), глаголы речевой деятельности человека (*λέω* ‘говорить’, *απαντάω* ‘отвечать’) и пр.

Анализ переводов фразеологизма-конструкции *Μη σώσει και Ρ* на другие языки показывает, что интерпретация этого фразеологизма-конструкции может вызывать

определенные трудности. Так, уже приводившаяся выше фраза *Μ' έβαλε η μάνα του να του γράψω, του 'γραφα· μα ας μη σώσει να κοπιάσει ποτέ του!* ‘Его матушка уговорила меня написать ему, так я написал; но пусть он хоть вовсе не приезжает’ выглядит в переводе на английский язык как «His mother would have me write to him, and I did write to him. But he doesn't even show up!» (Kaz., FD, пер. на англ.: J. Griffin), что, на наш взгляд, не вполне позволяет передать значение безразличия, присущее греческому фразеологизму-конструкции *Μη σώσει και Ρ*. Не вполне точным выглядит и перевод фразеологизма-конструкции *Μη σώσει και Ρ* на английский язык с помощью сочетания *one way or the other* в следующем контексте: «*Πολύ που χέστηκα εγώ αν πεθαίνει η Ελλάδα, μη σώσει και πεθάνει*» ‘Больно меня волнует, умирает Греция или нет, пусть она хоть и умрет’ — «Frankly I couldn't care less if Greece lives or dies, one way or the other» (Mat., пер. на англ.: F.A. Reed). Данное сочетание, лишь констатирующее наличие двух альтернатив, но не передающее идею одинакового безразличия говорящего к каждой из них, также, на наш взгляд, не вполне равнозначно греческому фразеологизму-конструкции как по своему значению, так и по степени экспрессивности, хотя в последнем случае семантика безразличия и передается другими элементами контекста.

Для перевода фразеологизма-конструкции *Μη σώσει και Ρ* на русский язык могут быть использованы такие обороты, как *Не имеет значения, Ρ или не Ρ; Всё равно, Ρ или не Ρ; Больно меня волнует, Ρ или не Ρ; Пусть хоть и Ρ; Пусть хоть вовсе не Ρ*, или другие языковые средства, способные в определенном контексте выражать значение безразличия и указывать на то, что характеризуемая ситуация находится вне оценочных интересов субъекта.

4.7. Фразеологизмы-конструкции со значением отрицания

4.7.1. Фразеологизм-конструкция *Πολύ που Ρ*

Фразеологизм-конструкция *Πολύ που Ρ* (букв. ‘очень / много что Ρ’) включен в основные словари новогреческого языка как устойчивое выражение с вариативным компонентом, обозначенным многоточием (*Πολύ που...*) [Χρηστικό λεξικό 2014: 1315; Μπαμπινιώτης 2005: 1442; ΛΚΝ]. Согласно словарным толкованиям это устойчивое

выражение имеет значение полного отрицания: ‘совершенно не [P]’ [Χρηστικό λεξικό 2014: 1315; Μπαμπινιώτης 2005: 1442; ΛΚΝ]. Я. Велудис в своей монографии, посвященной категории отрицания в новогреческом языке, также обращает внимание на конструкцию *Πολύ που P* и включает ее в число «идиоматизмов» (ιδιωματισμοί) с семантикой отрицания [Βελούδης 2005: 60].

Приведем примеры употребления рассматриваемого фразеологизма-конструкции в романе М. Лундемиса «Ένα παιδί μετράει τ’ άστρα»:

(1) — *Καλέ, δε ντρέπεσαι; Σε κοιτάζουνε.* — *Πολύ που με νοιάζει.*

‘— Слушай, тебе не стыдно? На тебя смотрят. — **Меня это совершенно не беспокоит**’ (букв. ‘очень что [это] меня беспокоит’).

(2) — [...] *Τρέχα, πες το. Μα, το νου σου, να μη σε δει ο Καρούμπαλος.* — *Πολύ που τον τρέμω.*

‘— [...] Беги, скажи это. Только следи, чтоб тебя не увидел Карумбалос. — **Я его совершенно не боюсь**’ (букв. ‘очень что я его боюсь’).

Как можно видеть из примеров (1)–(2), во фразах *Πολύ που με νοιάζει* (букв. ‘очень что это меня заботит’) и *Πολύ που τον τρέμω* (букв. ‘очень что я его боюсь’) происходит семантическая инверсия слова *πολύ* ‘очень, много’, в результате чего эти фразы начинают выражать значение крайне малого проявления действия или состояния, обозначенного пропозициональным актантом P, близкое к полному отрицанию: ‘крайне мало, совсем не’.

Фразеологизм-конструкция *Πολύ που P* представляет собой одну из частных фразеологизированных реализаций специальной конструкции топикализации *X που P* (букв. ‘X что P’), существующей в новогреческом языке. Случаи использования слова *που* ‘что’ как средства топикализации описаны А. Дзардзаносом в исследовании по синтаксису новогреческого языка. Дзардзанос указывает на то, что *που* может использоваться в качестве «восклицательной частицы», для того чтобы «подчеркнуть значение какого-либо предшествующего [ему] слова, за которым следует то предложение, которое оно [που] вводит» [Τζάρτζανος 2016, т. 2: 212–214]. Примеры, приводимые в работе Дзардзаноса, показывают, что *που* обычно используется для топикализации существительных, прилагательных или наречий, при этом семантический результат подобной синтаксической трансформации может быть

различным. С помощью топиализации может выражаться отрицательная оценка какого-либо объекта (*Παίδι που είσαι!* букв. ‘ребенок что ты есть’, т.е. ‘ты неразумный ребенок’), высокая степень признака (*Ωραία που 'ναι η ζωή!* букв. ‘прекрасная что есть жизнь’, т.е. ‘жизнь невероятно прекрасна’) или отрицание признака, как в случае с рассматриваемым нами фразеологизмом-конструкцией *Πολύ που Ρ*. Несмотря на то, что все построения, образованные по этой синтаксической модели, обладают экспрессивностью и той или иной степенью идиоматичности, к области фразеологии могут быть отнесены лишь некоторые из них — наиболее устойчивые лексически и семантически, как, в частности, фразеологизм-конструкция *Πολύ που Ρ*, зафиксированный в нескольких словарях новогреческого языка как устойчивое выражение с пометой «фразеологизм»⁵⁴.

В корпусе текстов eTenTen14 было обнаружено 97 случаев употребления фразеологизма-конструкции *Πολύ που Ρ*. В большинстве случаев фразеологизм имеет следующую структуру:

$$\frac{\text{Πολύ} + \text{που} + \text{Ρ}}{(\text{'очень / много'} + \text{'что'} + \text{Ρ})}$$

В единичных контекстах в корпусе, а также в некоторых литературных текстах фиксированный компонент фразеологизма-конструкции дополняется определенным артиклем *το*:

(3) *Με πίστεψε δε με πίστεψε, το πολύ που μου κόστισε.* (Τσίρ., Ν.)

‘Поверил он мне или не поверил — это было мне абсолютно не важно’ (букв. ‘Art_{Def} очень что [это] мне стоило’).

Глаголы, наиболее часто формирующие вариативный компонент фразеологизма-конструкции в корпусе текстов eTenTen14, представлены в Таблице 20.

⁵⁴ Помимо фразеологизма-конструкции *Πολύ που Ρ* по синтаксической модели *Χ που Ρ* образована, например, идиома *Όρεξη που το είχα!* (букв. ‘желание что я это имел’, т.е. ‘мне это совершенно не нужно’), занесенная в словарь Триандафиллидиса как устойчивое выражение с толкованием ‘чтобы выразить неприязнь’ [ΛΚΝ]. Очевидно, однако, что и в случае с этой идиомой мы имеем дело с семантикой отрицания («Я не имею охоты / желания»), что видно на следующем примере: *Πρώην σύντροφός του τον κάρφωσε, τ' όνομά του δεν θα το πω, όρεξη που 'χα να χάσω το ψωμί μου για άνθρωπο που δεν θυμάμαι πλέον το πρόσωπό του [...].* (Μάτ.). ‘Его заложил бывший товарищ, я не стану называть его имени — совершенно не хочу лишиться куска хлеба из-за человека, лица которого я уже и не помню [...]’ (букв. ‘желание что я имела потерять свой хлеб’).

Таблица 20 — Глаголы, формирующие вариативный компонент фразеологизма-конструкции *Πολύ που Ρ* в корпусе текстов

Слово	Перевод	Частотность	Процент от общего числа употреблений
1	2	3	4
<i>voιάζομαι / voιάζει</i>	интересовать, / -ся, заботить, / -ся	44	45,36%
<i>χέζομαι</i>	обделаться; паниковать <i>γруб.-прост.</i>	13	13,40%
<i>ενδιαφέρω</i>	интересовать, вызывать интерес	6	6,19%
<i>αργώ</i>	опаздывать, задерживаться	4	4,12%
<i>σκοτίζομαι</i>	переживать, мучиться	4	4,12%
<i>καίω / καίγομαι</i>	тревожить, / -ся, волновать, / -ся	3	3,09%
<i>κόφτει / κόφτομαι</i>	задевать, касаться / быть задетым	3	3,09%
<i>στεναχωριέμαι</i>	расстраиваться	2	2,06%

Как видно из Таблицы 20, фразеологизм-конструкция демонстрирует выраженные семантические предпочтения в отношении глаголов, обозначающих различные виды эмоциональной и интеллектуальной деятельности человека. Наиболее часто слот заполняется глаголами, объединенными общей семьей ‘внимание, интерес’ (*voιάζομαι / voιάζει* ‘интересовать, / -ся, заботить, / -ся’, *ενδιαφέρω* ‘интересовать, вызывать интерес’), а также глаголами, обозначающими каузацию или переживание неприятных чувств, эмоций и нравственных состояний (*σκοτίζομαι* ‘переживать, мучиться’, *καίω / καίγομαι* ‘тревожить, / -ся, волновать, / -ся’, *στεναχωριέμαι* ‘расстраиваться’). Реже слот заполняют другие глаголы — восприятия (*βλέπω* ‘видеть’, *ακούω* ‘слышать’), соотнесенности со

временем (*αργώ* ‘опаздывать’) и пр. Большая часть глаголов, заполняющих слот, допускает ту или иную количественную оценку. Это главным образом оценка по степени интенсивности (пример 4) и реже — оценка по кратности или длительности (пример 5):

(4) *Πολύ που στεναχωρέθηκα. Σιγά μην σκάσω για 10 μέρες φυλακή!*

‘**Больно я расстроился, как же.** Буду я терзаться из-за 10 дней карцера!’ (букв. ‘очень что [я] расстроился’).

(5) *Ρυτίδες, μαύροι κύκλοι, άσ’ τα να πάνε, αποκλείεται να με γνωρίσει, το πολύ που με είχε δει κιόλας.* (Ζουμπ., МК)

‘Морщины, темные круги под глазами, о чем тут говорить, она точно меня не узнает, к тому же **будто много она меня видела раньше**’ (букв. ‘очень что [она] меня видела’).

На другие языки фразеологизм-конструкция *Πολύ που P* переводится с помощью оборотов, указывающих на малую степень проявления какого-либо признака (пример 6), или с помощью конструкций, выражающих отрицание (7):

(6) *Έννοια σου, μου λέει, σου βρήκα σπίτι κατάλληλο, να γλιτώσεις κι από το σούσουρο του μαχαλά. Το πολύ που τον σκότηζε!* (Τσίρ. Ν.).

“Don’t worry, he says to me, I’ve found the right sort of house for you, and what’s more you’ll be rid of the neighbors’ gossip. **Much he cared!**” (Tsir., пер. на англ.: К. Cicellis)

(7) *Με πίστεψε δε με πίστεψε, το πολύ που μου κόστισε* (Τσίρ., Ν.).

“**I didn’t care** whether he believed me or not.” (Tsir., пер. на англ.: К. Cicellis)

Таким образом, новогреческий фразеологизм-конструкция *Πολύ που P* выражает значение крайне малого проявления какого-либо действия или состояния, близкое к полному отрицанию. Функцией переменного компонента P является обозначение того действия или состояния, которое подвергается количественной оценке или полностью отрицается. Коммуникативно-прагматической функцией фразеологизма-конструкции *Πολύ που P* в речи может являться выражение несогласия, негативной оценки, насмешки и пр. Некоторые из этих субъективно-модальных значений находят отражение в словарях, где фиксируется рассматриваемый фразеологизм. Так, в словаре Афинской академии и словаре Бабиньотиса фразеологизм-конструкция сопровождается пометой «ирон.» [Χρηστικό λεξικό 2014: 1315; Μπαμπινιώτης 2005: 1442]. В словаре Катоса

указывается на то, что с помощью данного устойчивого выражения говорящий «выражает сомнение по поводу того, что кто-то ему говорит» [Κάτος].

На русский язык фразеологизм-конструкция *Πολύ που Ρ* может быть переведен с помощью таких выражений, как *Больно Ρ; Не больно-то и Ρ; Можно подумать, что Ρ* и пр.

4.7.2. Фразеологизм-конструкция *Μόνο Χ δεν Υ*

Фразеологизм-конструкция *Μόνο Χ δεν Υ* (букв. ‘только Х не Υ’) не занесен в новогреческие словари как устойчивое выражение с пометой «фразеологизм». В то же время информацию об этой устойчивой синтаксической конструкции можно найти в словарях в словарной статье одного из ее фиксированных лексических элементов — наречия *μόνο* ‘только’. Так, в словаре Афинской академии и словаре Триандафиллидиса указывается на то, что *μόνο* может использоваться для «смягчения отрицательного суждения» говорящего⁵⁵ [Χρηστικό λεξικό 2014: 1038; ΛΚΝ]. При этом значение конструкции *Μόνο Χ δεν Υ* можно, согласно данным словарей, свести к полному отрицанию: ‘все, что угодно, только не’, ‘совершенно не’ [Χρηστικό λεξικό 2014: 1038]. Структурная устойчивость этой конструкции, ее синтаксическая нерегулярность, наличие в ее составе двух фиксированных лексических элементов, а также присущее ей устойчивое значение позволяют нам рассматривать ее как фразеологизм-конструкцию.

Продемонстрировать употребление конструкции *Μόνο Χ δεν Υ* можно на следующих примерах:

(1) *Τον μπάσταρδο, όλο το «γυναικάκι σου» αποκαλεί την Ιουλία κι аς είναι πανύψηλη, κάπου ένα ογδόντα. Αθλητικός τύπος. Μόνο γυναικάκι δεν είναι.* (Μουρ.)

‘Вот мерзавец, всё-то он называет Юлию «твоя маленькая женушка», хоть она и высоченная, под метр восемьдесят. Спортивного типа. **Кто угодно, но не маленькая женушка**’ (букв. ‘только маленькой женушкой не является’).

(2) *Τρελό τον έλεγαν οι Έλληνες, όμως οι στίχοι του μόνο σε τρελό δεν παρέπεμπαν* (Καλ.).

⁵⁵ «([Σ]ε σχήμα λιτότητας) [δηλώνει] μετριασμό αρνητικής άποψης» [Χρηστικό λεξικό 2014: 1038]. «([Σ]ε λεκτικό σχήμα (σχήμα λιτότητας), συνήθ. πριν από ουσιαστικό, επίθετο ή επίρρημα, για να μετριάσει ο ομιλητής την αρνητική του άποψη» [ΛΚΝ].

‘Греки называли его сумасшедшим, однако его стихи указывали на то, что **он кто угодно, только не сумасшедший**’ (букв. ‘однако его стихи только на сумасшедшего не указывали’).

Используя фразеологизм-конструкцию *Μόνο Χ δεν Υ*, говорящий указывает на то, что ситуация, обозначенная переменным компонентом (*είναι γυναικάκι* ‘она маленькая, миниатюрная женщина / жена’, *είναι τρελός* ‘он сумасшедший’) не соответствует действительности, при этом косвенно утверждается наличие другой, прямо противоположной ситуации (‘она высокая’, ‘он в здравом уме’).

Поиск фразеологизма-конструкции *Μόνο Χ δεν Υ* в корпусе текстов e1TenTen14 дал 16 050 результатов. Фразеологизм-конструкция демонстрирует высокую структурную устойчивость и в большинстве случаев в корпусе имеет следующий компонентный состав:

$$\underline{\text{Μόνο} + \text{AdjP} / \text{NP} / \text{AdvP} / \text{PrepP} / \text{P} + \text{δεν} + \text{V}_{\text{fin}}}$$

$$(\text{‘только’} + \text{AdjP} / \text{NP} / \text{AdvP} / \text{PrepP} / \text{P} + \text{‘не’} + \text{V}_{\text{fin}})$$

Функцию переменного компонента в составе рассматриваемого фразеологизма-конструкции выполняет пропозиция, топикализованная часть которой заполняет валентность X, а основной глагол — валентность Y. Наиболее часто валентность X заполняется прилагательным или причастием (например, *τυχαίος* ‘случайный’, *αθώος* ‘невинный’, *ικανοποιημένος* ‘удовлетворенный’), существительным или местоимением (*έκπληξη* ‘сюрприз’, *δημοκρατία* ‘демократия’, *αυτό* ‘это’), наречием (*δωρεάν* ‘бесплатно’, *αδίκως* ‘несправедливо’), предложной группой (*για πλάκα* ‘для забавы’, *για παντριά* ‘на выданье’) и реже — конструкцией замены инфинитива (*να βλάψει* ‘навредить’, *να ενθουσιαστώ* ‘воодушевиться’). Также в немногочисленных случаях в корпусе используются числительные (24). Особый интерес представляют единичные случаи заполнения валентности X аффиксами (например, уменьшительно-ласкательным *-άκι* или приставкой *νέο-* ‘нео-’) или глаголами в личной форме (*κάθομαι* ‘я сижу’, *σκουντάει* ‘он подталкивает’):

(3) *Θέλετε αυτό το παντελονάκι (στα μεγέθη μου μόνο -άκι δεν είναι).*

‘Хотите вот эти брючки (при моих габаритах это **всё, что угодно, только не «-чки»**)’ (букв. ‘только -чками не являются’).

(4) [...] *με βοήθησαν να μπω στο δρόμο προς αυτό που η ίδια ονόμασα “όνειρό μου”, και που κάθομαι και κυνηγάω. Μόνο κάθομαι δεν το λες βέβαια, αλλά τέλος πάντων.*

‘[...] помогли мне начать путь к тому, что я назвала своей мечтой, и тому, чего я сижу и добиваюсь. **Всё что угодно, только не сижу**, конечно, но всё же’ (букв. ‘только сижу ты это не называешь’).

Актанты, наиболее часто заполняющие валентность X фразеологизма-конструкции *Μόνο X δεν Y* в корпусе текстов, показаны в Таблице 21.

Таблица 21 — Актанты, наиболее часто заполняющие валентность X в составе фразеологизма-конструкции *Μόνο X δεν Y*

Слово	Перевод	Частотность	Процент от общего числа употреблений
1	2	3	4
<i>τυχαίος / τυχαία</i>	случайный / случайно	2 136	13,31%
<i>εύκολος / εύκολα</i>	легкий / легко	1 199	7,47%
<i>καλός / καλά / (το) καλο</i>	хороший / хорошо / благо	679	4,23%
<i>αυτό / τούτο</i>	это, оно	381	2,37%
<i>τέτοιος</i>	такой	258	1,61%
<i>αδιάφορος / αδιάφορα</i>	безразличный / безразлично	213	1,33%
<i>απαρατήρητος / απαρατήρητα</i>	незамеченный / незамеченно	198	1,23%
<i>θετικός / θετικά</i>	положительный / положительно	154	0,96%
<i>αμελητέος</i>	не заслуживающий внимания	144	0,90%

Продолжение таблицы 21

1	2	3	4
<i>κακός / κακώς / (το) κακό</i>	плохой / плохо / зло	135	0,84%
<i>έκπληξη</i>	сюрприз	127	0,79%
<i>έτσι</i>	так	113	0,70%
<i>ευχάριστος / ευχάριστα</i>	приятный / приятно	111	0,69%

Валентность Y более чем в 50% всех случаев в корпусе заполняется глаголом *είμαι* ‘быть’. Значительная часть других актантов представлена слабо нагруженными семантически глаголами и глагольными сочетаниями, такими как *αποτελώ* ‘составлять, являться’, *φαίνομαι* ‘казаться’, *δείχνω* ‘выглядеть’, *μοιάζω* ‘быть похожим’, *μπорώ να χαρακτηριστώ* ‘быть способным характеризоваться’ и пр.

Наиболее устойчивые сочетания актантов, заполняющих слоты X и Y, представлены в Таблице 22.

Таблица 22 — Наиболее устойчивые сочетания актантов, формирующих переменный компонент фразеологизма-конструкции *Μόνο X δεν Y*

Слово	Перевод	Частотность	Процент от общего числа употреблений
1	2	3	4
<i>είμαι τυχαίος</i>	быть случайным	1 535	9,56%
<i>είμαι εύκολος</i>	быть легким	931	5,80%
<i>κάνω καλό</i>	идти на пользу	267	1,66%
<i>είμαι καλός</i>	быть хорошим	160	1,00%
<i>είμαι τέτοιος</i>	быть таким	140	0,87%

Продолжение таблицы 22

1	2	3	4
<i>μπορώ να χαρακτηριστώ τυχαίως</i>	можно охарактеризовать случайным	138	0,86%
<i>περνάω απαρατήρητος</i>	пройти незамеченным	136	0,85%
<i>μπορώ να θεωρηθώ τυχαίως</i>	можно счесть случайным	121	0,75%

Модификации структурной схемы фразеологизма-конструкции в корпусе текстов сводятся к немногочисленным случаям вклинивания в его состав дополнительных лексических элементов. Так, например, в 39 случаях в корпусе перед частицей *δεν* ‘не’ располагается союз *που* ‘что’:

(4) *Για να κάνεις ένα παιδί πρέπει να νιώσεις έτοιμος και ολοκληρωμένος σαν άνθρωπος. Και εγώ μόνο ολοκληρωμένη που δε νιώθω.*

‘Чтобы завести ребенка, нужно ощутить себя готовым и состоявшимся как человек. А я себя ощущаю как угодно, только не состоявшейся’ (букв. ‘а я только состоявшейся что себя не чувствую’).

Анализ контекстов, в которых содержится фразеологизм-конструкция *Μόνο Χ δεν Υ*, показывает, что он используется преимущественно в нарративном, не диалогическом режиме и часто имеет в тексте прямой лексический antecedent. Antecedentом может быть слово, лексически тождественное актанту, заполняющему слот фразеологизма-конструкции (например, *απελευθέρωση* ‘освобождение’ — *μόνο απελευθέρωση δεν είναι* ‘только освобождением не является’), однокоренное слово той же или иной частеречной принадлежности (*αυτοδιοίκηση* ‘самоуправление’ — *μόνο αυτοδιοικούμενη δεν είναι* ‘только самоуправляемой не является’), синоним (*δευτερεύον* ‘вторичное’ — *μόνο ασήμαντο δεν είναι* ‘только незначительным не является’), иноязычное слово, близкое актанту по своему значению (*desperate* ‘отчаянный’ — *μόνο απόγνωση δεν θα δώσει* ‘только в отчаяние не ввергнет’) или морфологически более полная форма актанта (*βεραντάκι* ‘маленькая веранда, верандочка’ — *μόνο -άκι δεν είναι*

‘только -чка не является’). О предрасположенности фразеологизма-конструкции *Μόνο Χ δεν Υ* к наличию антецедента свидетельствует и тот факт, что в число актантов, наиболее часто заполняющих валентность *X* (см. Таблицу 21), входит несколько местоимений и местоименных наречий — *αυτό* ‘это, оно’, *τέτοιος* ‘такой’, *έτσι* ‘так’. Семантическую связь фразеологизма-конструкции *Μόνο Χ δεν Υ* с контекстным антецедентом можно считать семантическим ограничением на переменный компонент этого фразеологизма-конструкции.

Типичным является использование фразеологизма-конструкции *Μόνο Χ δεν Υ* для указания на неадекватность или неуместность некоторого суждения или некоторой номинации. Высказывание, содержащее это суждение или эту номинацию, может принадлежать как третьему лицу (*όλο το «γυναϊκάκι σου» αποκαλεί την Ιουλία* ‘всё-то он называет Юлию «твоя маленькая женушка»’, *Τρελό τον έλεγαν οι Έλληνες* ‘греки называли его сумасшедшим’ и пр.), так и самому говорящему. Интерес представляют и случаи, в которых поводом для употребления фразеологизма-конструкции становится отсутствие определенной номинации:

(5) *Δέχομαι, αγαπητέ Βαγγελάκη Διαμαντόπουλε, και σε αποκαλώ έτσι γιατί **μονάχα “ΚΥΡΙΟ” δεν μπορώ να σε προσφωνήσω** [...]*

‘Я согласен, дорогой Вангелакис Диамандопулос, и я называю тебя так, потому что **могу назвать тебя как угодно, но только не «господином»**’ (букв. ‘только господином я не могу тебя назвать’).

В качестве иноязычных соответствий новогреческому фразеологизму-конструкции можно назвать такие конструкции, как английская *anything but X* и испанская *cualquier cosa menos X*:

(6) *Όμως, η απάντηση, όταν έφτασε, **μόνο ενθουσιώδης δεν ήταν** (Δοξ.).*

“Yet the response, when it arrived, was **anything but enthusiastic** [...]” (Dox., UP, пер. на англ.: A. Doxiadis).

“Sin embargo, la respuesta, cuando por fin llegó, fue **cualquier cosa menos entusiasta** [...]” (Dox., TP, пер. на исп.: M. E. Ciochini).

Для перевода фразеологизма-конструкции *Μόνο Χ δεν Υ* на русский язык могут быть использованы такие обороты, как *Всё, что угодно, (но) только не X; Что-что /*

кто-кто, но только не X, и другие языковые средства, способные в определенном контексте выражать значение экспрессивного отрицания.

Выводы по главе 4

Индивидуальный комплексный анализ каждого фразеологизма-конструкции в отдельности и в первую очередь анализ, основанный на изучении множества случаев употребления фразеологизма-конструкции в корпусе текстов, позволяет уточнить, верифицировать, доказательно установить типовое значение фразеологизма-конструкции и его дополнительные семантические оттенки, понять прагматические условия и реальную частотность его употребления, изучить возможные типы структурных модификаций, определить функцию переменного компонента и выявить семантические и грамматические ограничения на его заполнение, установить селективные предпочтения и предложить оптимальные стратегии перевода каждого фразеологизма-конструкции на другие языки.

Описание фразеологизмов-конструкций новогреческого языка только на основании их существующих словарных толкований или на основании изучения нескольких случаев их употребления в литературных текстах может считаться лишь предварительным и, как показывает наше исследование, неизбежно требует внесения корректив после индивидуального анализа каждой конструкции в отдельности. Подробная характеристика каждого новогреческого фразеологизма-конструкции, некоторые из которых при корпусном анализе довольно сложно отличить от композиционных построений, позволит избежать трудностей, связанных с их идентификацией в речи как явлений идиоматизации, требующих небуквального толкования, точной интерпретацией их значения и переводом на другие языки.

Подобный комплексный анализ, представленный в диссертации, применяется к материалу новогреческих фразеологизмов-конструкций впервые. Можно сказать, что в работе вырабатывается и апробируется определенная методика описания подобных построений в новогреческом языке. Чем больше новогреческих фразеологизмов этого типа будет описано, тем полнее будет представление о современной греческой фразеологии и греческом языке в целом.

Заключение

В данной работе на материале новогреческого языка рассмотрены структурные и семантические характеристики фразеологизмов-конструкций — особого типа фразеологических единиц, обладающих, помимо общих для всех фразеологизмов признаков идиоматичности и устойчивости, некоторыми специфическими характеристиками, отличающими их от других типов фразеологизмов. Одной из этих характеристик является наличие в составе фразеологизмов-конструкций двух компонентов различного типа: лексически выраженного фиксированного компонента, устойчиво воспроизводимого во всех случаях употребления фразеологизма-конструкции, и лексически не заданного переменного компонента, конкретное лексическое наполнение которого способно варьироваться в пределах устанавливаемых фразеологизмом-конструкцией семантических и грамматических ограничений.

Выделению фразеологизмов-конструкций в качестве особого класса фразеологизмов предшествовало появление исследований, посвященных описанию некоторых не вполне регулярных явлений на стыке синтаксиса и фразеологии, а также полемика фразеологов о возможности отнесения к объекту фразеологии единиц, демонстрирующих элементы моделирования и значимую вариативность. Наличие множества разных подходов к описанию подобных единиц привело не только к многообразию терминов для их обозначения, но и к разному пониманию объектов исследования, обозначаемых этими терминами. Языковые единицы, соотносимые с фразеологизмами-конструкциями, привлекали внимание и греческих лингвистов, однако до настоящего времени новогреческие фразеологизмы-конструкции не становились объектом особого рассмотрения.

В ходе исследования было показано, что в структурном отношении новогреческие фразеологизмы-конструкции представляют собой неоднородный класс языковых единиц. Анализ лексического состава фиксированного компонента позволил выделить в новогреческом языке три структурных типа фразеологизмов-конструкций: (а) фразеологизмы-конструкции, фиксированный компонент которых состоит полностью из служебных слов, местоименных слов или неполнозначительных глаголов; (б) фразеологизмы-конструкции, фиксированный компонент которых

включает знаменательные слова, подвергшиеся значительной десемантизации и утратившие семантическую прозрачность; (в) фразеологизмы-конструкции, фиксированный компонент которых содержит знаменательные слова, не утратившие полностью своего основного лексического значения и вносящие в план содержания фразеологизма-конструкции свою образность, в большей или меньшей степени.

Разделение на структурные типы позволяет обозначить два полюса, четко выделяемых в рамках класса фразеологизмов-конструкций: одни единицы этого класса состоят только из служебных слов и сближаются с полностью абстрактными синтаксическими конструкциями, тогда как другие содержат знаменательные слова, сохраняющие свою прозрачность, обладают образной внутренней формой и сближаются с идиомами. Между этими двумя полюсами, выделяемыми в рамках класса фразеологизмов-конструкций, существуют переходные типы. В один класс фразеологизмов эти конструкции, неоднородные по структуре, типу идиоматичности и степени образности позволяет объединить наличие фиксированного и переменного компонентов, а также наличие устойчивого значения, близкого к лексическому.

Семантический анализ фразеологизмов-конструкций подразумевает определение значения, устойчиво выражаемого их фиксированным компонентом и остающегося неизменным вне зависимости от того, какая лексема заполняет слот или в каком контексте находится фразеологизм-конструкция. Важную роль играет также выявление функциональной соотнесенности фиксированного компонента фразеологизма-конструкции с его переменным компонентом.

Наличие в новогреческом языке фразеологизмов-конструкций, обладающих схожими семантическими признаками, позволяет выделить такие семантические группы новогреческих фразеологизмов-конструкций, как: (а) положительная или отрицательная оценка; (б) ценность, важность, значимость объекта; (в) подлинность признаков объекта, его соответствие определенной номинации, (г) исключительность, необычность, неординарность объекта; (д) степень проявления признака или интенсивность состояния; (е) количество объектов; (ж) множественность и разнообразие объектов; (з) повторяемость действия или постоянство ситуации; (и) тождество, сходство или различие нескольких объектов; (к) отрицание. Список семантических групп

новогреческих фразеологизмов-конструкций открыт, и их количество может быть увеличено.

Распределение фразеологизмов-конструкций по семантическим группам предполагает пристальное внимание к индивидуальным семантическим характеристикам каждого из них. Необходимость объединить в одну семантическую группу вынуждает сравнивать, находить сходства и различия между разными фразеологизмами-конструкциями, что позволяет обратить внимание на индивидуальные семантические оттенки или некоторые другие индивидуальные черты каждого фразеологизма-конструкции, которые при ином рассмотрении могли бы остаться незамеченными. Нередко семантику фразеологизма-конструкции довольно сложно описать, так как она подавляется экспрессивными свойствами фразеологизма-конструкции и его прагматической функцией.

Данное исследование проводилось на основе анализа 70 новогреческих фразеологизмов-конструкций, выделенных автором путем сплошной выборки из текстов литературных произведений на новогреческом языке, текстов сети Интернет, а также общеязыковых словарей и сборников фразеологизмов новогреческого языка. Безусловно, это неконечный перечень фразеологизмов-конструкций в новогреческом языке. Для сравнения отметим, что перечень фразеологизированных синтаксических конструкций и фразеосхем русского языка включает у разных исследователей от 50 до 100 единиц. Подробное описание в диссертации дано 15 фразеологизмам-конструкциям, занимает около 100 страниц текста и ограничено допустимым объемом работы.

При индивидуальном рассмотрении отдельных фразеологизмов-конструкций в работе обращается внимание на механизмы их образования в новогреческом языке, в частности на случаи образования фразеологизмов-конструкций в результате редукции синтаксически регулярных построений, заимствования из другого языка, трансформации прецедентного высказывания и др.

В связи с рассмотрением специфических характеристик фразеологизмов-конструкций в работе затрагивается также актуальная для современной греческой лексикографии проблема словарной репрезентации фразеологических единиц с переменным компонентом. В словарях не фиксируются фразеологизмы-конструкции, фиксированный компонент которых содержит только служебные слова, может

отсутствовать указание на наличие в составе фразеологизма-конструкции переменного компонента, а в некоторых случаях фразеологизм-конструкция представлен в словаре с конкретным лексическим содержанием на месте слота. Особую сложность представляют случаи, когда фразеологизм-конструкция фиксируется в словарной статье лексемы, которая входит в состав не постоянного, а переменного компонента.

Перспективными представляются дальнейшая инвентаризация и описание новогреческих фразеологизмов-конструкций. Этот класс фразеологизмов не представляет собой конечного списка единиц, так как язык непрерывно изменяется. Такие единицы могут возникать спонтанно и быстро или формироваться в языке постепенно в процессе диахронических изменений. Некоторые из них возникают на основе прецедентных высказываний и, трансформируясь в процессе языковой игры, постепенно закрепляются в языке как фразеологизмы, другие представляют собой заимствования из других языков. Одновременно с этим уже существующие фразеологизмы-конструкции могут устаревать, выходить из употребления или сохраняться в языке в какой-либо одной своей реализации, превращаясь в идиомы.

Результаты исследования могут быть полезны для общей теории фразеологии, сравнительно-типологических исследований, а также могут быть использованы для преподавания новогреческого языка и новогреческой фразеологии, для создания новых греческо-русских общеязыковых и фразеологических словарей и сферы перевода.

Список сокращений

- Ac.** — Асуэла М. *Те, кто внизу* (= *Los de abajo*), пер. с исп. на рус.: В. Виноградов.
- Каз., ХР** — Казандзакис Н., *Христа распинают вновь* (= *Ο Χριστός ξανασταυρώνεται*), пер. с греч. на рус.: И. С. Поступальский, Я. Мочос.
- Каз., ГЗ** — Казандзакис Н., Я, *грек Зорба* (= *Βίος και πολιτεία του Αλέξη Ζορμπά*), пер. с греч. на рус.: Л. Араб-оглы.
- Мат.** — Матесис П., *Пёсья мать* (= *Η μητέρα του σκύλου*), пер. с греч. на рус.: Е. С. Басова.
- Паст.** — Пастернак Б., *Доктор Живаго*.
- Сот.** — Сотириу Д., *Земли, обгаренные кровью* (= *Ματωμένα χώματα*), пер. с греч. на рус.: А. Сенкевич.
- Тах.** — Тахцис К., *Третий брак* (= *Το τρίτο στεφάνι*), пер. с греч. на рус.: А. Ковалева.
- Az.** — Azuela M., *Los de abajo*.
- Дох., TP** — Doxiadis A. *El tío Petros y la conjetura de Goldbach* (= *Ο θείος Πέτρος και η εικασία του Γκόλντμπαχ*), пер. с греч. на исп.: М. Е. Ciocchini.
- Дох., UP** — Doxiadis A. *Uncle Petros and Goldbach's Conjecture* (= *Ο θείος Πέτρος και η εικασία του Γκόλντμπαχ*), пер. на англ.: А. Doxiadis.
- Gim.** — Giménez Bartlett A., *Un barco cargado de arroz*.
- Jam.** — James H. *The Portrait of a Lady*.
- Каз., AZ** — Kazantzaki N., *Alexis Zorba* (= *Βίος και πολιτεία του Αλέξη Ζορμπά*), пер. с греч. на франц.: Y. Gauthier.
- Каз., CN** — Kazantzakis N., *Cristo de nuevo crucificado* (= *Ο Χριστός ξανασταυρώνεται*), пер. на исп.: J. L. de Izquierdo Hernández.
- Каз., CR** — Kazantzakis N., *Le Christ recrucifié* (= *Ο Χριστός ξανασταυρώνεται*), пер. с греч. на франц.: P. Amandry.
- Каз., FD** — Kazantzakis N., *Freedom or Death* (= *Ο Καπετάν Μιχάλης*), пер. с греч. на англ.: J. Griffin.
- Каз., GP** — Kazantzakis N., *The Great Passion* (= *Ο Χριστός ξανασταυρώνεται*), пер. с греч. на англ.: J. Griffin.

Kaz., ZG — Kazantzakis N., *Zorba the Greek* (= *Βίος και πολιτεία του Αλέξη Ζορμπά*), пер. с греч. на англ.: С. Wildman.

Kaz., ZiG — Kazantzakis N., *Zorba il Greco* (= *Βίος και πολιτεία του Αλέξη Ζορμπά*), пер. с греч. на итал.: О. Ceretti Borsi.

Ken. — Kennedy D., *Η ζωή ξεκινά σήμερα* (= *Five Days*), пер. с англ. на греч.: Α. Μαντόγλου.

Kins. — Kinsella S., *Finding Audrey*.

Kotz. — Kotzias A., *The Jaguar* (= *Ο Ιαγουάρος*), пер. с греч. на англ.: Η. Ε. Criton.

Mour. — Mourselas K., *Red Dyed Hair* (= *Βαμμένα κόκκινα μαλλιά*), пер. с греч. на англ.: F. A. Reed.

Ran. — Rankin I., *Fleshmarket Close*.

Sam. — Samarakis A., *The Flaw* (= *Το λάθος*), пер. с греч. на англ.: P. Mansfield, R. Burns.

Sot. — Sotiriou D., *Farewell Anatolia* (= *Ματωμένα χρώματα*), пер. с греч. на англ.: F. A. Reed.

Tak., TA — Taktsis C., *Le Troisième anneau* (= *Το τρίτο στεφάνι*), пер. с греч. на франц.: J. Lacarrière.

Tak., TW — Taktsis C., *The Third Wedding* (= *Το τρίτο στεφάνι*), пер. с греч. на англ.: L. Finer.

Tak., TWW — Taktsis C., *The Third Wedding Wreath* (= *Το τρίτο στεφάνι*), пер. с греч. на англ.: J. Chioles.

Tsir. — Tsirkas S., *Drifting Cities* (= *Ακυβέρνητες πολιτείες*), пер. с греч. на англ.: K. Cicellis.

Xen. — Xenos S., *The Devil in Turkey* (= *Ο διάβολος εν Τουρκία*), пер. с греч. на англ.: Η. Corpe.

Zei, AF — Zei A., *Achilles' Fiancée* (= *Η αρραβωνιαστικιά του Αχιλλέα*), пер. с греч. на англ.: G. Holst-Warhaft.

Βασ. — Βασιλικός Β., *Ο ιατροδικαστής*.

Βασιλ. — Βασιλειάδης Δ. *Ένας αλλιότικος κόσμος*.

Βεν. — Βενέζης Η., *Το νόμμερο 31328*.

Βιζ. — Βιζυηνός Γ. *Ποίος ήταν ο φονεύς του αδελφού μου*.

- Βυζ.** — Βυζάντιος Δ., *Η Βαβυλωνία*.
- Γκι.** — Γκιώνης Δ., *Το περίπτερο*.
- Γκουρ.** — Γκουρογιάννης Β., *Αναψηλάφηση*.
- Δοξ.** — Δοξιάδης Α., *Ο θείος Πέτρος και η εικασία του Γκόλντμπαχ*.
- Εφταλ.** — Εφταλιώτης Α., *Η Μαζώχτρα κι άλλες ιστορίες*.
- Ζέη, ΑΑ.** — Ζέη Ά., *Η αρραβωνιαστικιά του Αχιλλέα*.
- Ζέη, ΜΠ.** — Ζέη Ά., *Ο μεγάλος περίπατος του Πέτρου*.
- Ζέη, ΠΖ.** — Ζέη Ά., *Πόσο θα ζήσεις ακόμα, γιαγιά;*
- Ζουμπ.** — Ζουμπουλάκη Μ., *Αληθινή star*.
- Ζουμπ., ΜΚ** — Ζουμπουλάκη Μ., *Το μεγάλο καλοκαίρι*.
- Ιορδ.** — Ιορδανίδου Μ., *Η αυλή μας*.
- Ιωάν.** — Ιωάννου Γ., *Πολλαπλά κατάγματα*.
- Κάζ., ΑΖ** — Καζαντζάκης Ν., *Βίος και πολιτεία του Αλέξη Ζορμπά*.
- Κάζ., ΚΜ** — Καζαντζάκης Ν., *Ο Καπετάν Μιχάλης*.
- Καζ, ΧΞ** — Καζαντζάκης Ν., *Ο Χριστός ξανασταυρώνεται*.
- Καλ.** — Καλπούζος Γ., *Ιμαρέτ*.
- Καρ., ΓΣ** — Καραγάτσης Μ., *Ο Γιούγκερμαν και τα στερνά του*.
- Καρ., ΚΦ** — Καραγάτσης Μ., *Ο κίτρινος φάκελος*.
- Καρ., ΜΧ** — Καραγάτσης Μ., *Η μεγάλη χίμαιρα*.
- Κέδ.** — Κέδρος Α., *Ωδείο*.
- Κινσ.** — Κινσέλλα Σ., *Αναζητώντας την Όντρεϋ (= Finding Audrey)*, περ. с αηγλ. ηα γρεη.: Στ. Κάσδαγλη.
- Λουντ.** — Λουντέμης Μ., *Ένα παιδί μετράει τ' άστρα*.
- Μαν.** — Μαντά Λ., *Το σπίτι δίπλα στο ποτάμι*.
- Μάτ.** — Μάτεσις Π., *Η μητέρα του σκύλου*.
- Μίσ.** — Μίσσιος Χ., *Καλά, εσύ σκοτώθηκες νωρίς*.
- Μουρ.** — Μουρσελάς Κ., *Βαμμένα κόκκινα μαλλιά*.
- Ξανθ.** — Ξανθούλης Γ., *Ο Τούρκος στον κήπο*.
- Ξέν.** — Ξένος Σ., *Ο διάβολος εν Τουρκία*.
- Παστ.** — Παστερνάκ Μπ., *Δόκτωρ Ζιβάγκο (= Доктор Живаго)*, περ. с рус. ηα γρεη.: Μ. Λίλλης, Γ. Δυριώτης.

Πλασ. — Πλασσαρά Κ., *Η μάγισσα*.

Ράν. — Ράνκιν Γ., *Σκελετοί στο κελάρι* (= *Fleshmarket Close*), περ. с αηγλ. ηα γρη.: Α. Κονταξάκη.

Σαμ., Α. — Σαμαράκης Α., *Το λάθος*.

Σαμ., Ο. — Σαμαράκης Α., *Εν ονόματι*.

Σίν. — Σίνου Κ., *Στην πόλη του Αϊ-Δημήτρη. Το χρονικό της Θεσσαλονίκης*.

Σολ. — Σολομός Α., *Ο Άγιος Βάκχος ή άγνωστα χρόνια του ελληνικού θεάτρου 300 π.Χ. - 1600 μ.Χ.*

Σωτ. — Σωτηρίου Δ., *Ματωμένα χώματα*.

Ταχ. — Ταχτσής Κ., *Το τρίτο στεφάνι*.

Τζέι. — Τζέιμς Χ., *Το πορτρέτο μιας κυρίας* (= *The Portrait of a Lady*), περ. с αηγλ. ηα γρη.: Γ.-Γ. Μπαμπασάκης.

Τσαγκ. — Τσαγκαρέλλης Α., *Σταγόνες στην πέτρα*.

Τσίμ. — Τσίμας Π., *Ο φερετζές και το πηλήκιο*.

Τσίρ., Α. — Τσίρκας Σ., *Ακυβέρνητες πολιτείες. Η Λέσχη*.

Τσίρ., Ν. — Τσίρκας Σ., *Ακυβέρνητες πολιτείες. Η Νυχτερίδα*.

Φλούντ. — Φλούντζης Α., *Στρατόπεδα Λάρισας – Τρικάλων, 1941-1944. Η γέννηση του αντάρτικου στη Θεσσαλία*.

Χιμ. — Χιμένεθ Μπάρτλετ Α., *Η σκοτεινή καρδιά της Βαρκελώνης* (= *Un barco cargado de arroz*), περ. с исп. ηα γρη.: Α. Βασιλάκου.

Ψαθ. — Ψαθάς Δ., *Μαντάμ Σουσού*.

Список литературы

1. **Амосова, Н. Н.** Основы английской фразеологии [Текст] / Н. Н. Амосова. — Л. : Издательство Ленинградского университета, 1963. — 208 с.
2. **Апресян, В. Ю.** Уступительность [Текст] : механизмы образования и взаимодействия сложных значений в языке / В. Ю. Апресян. — М. : Языки славянской культуры, 2015. — 288 с.
3. **Апресян, Ю. Д.** О работах И. Е. Аничкова по идиоматике [Текст] / Ю. Д. Апресян // Вопросы языкознания. — 1989. — № 6. — С. 104–119.
4. **Апресян, Ю. Д.** Избранные труды [Текст] / Ю. Д. Апресян. В 2 т. Т. 2. Интегральное описание языка и системная лексикография. — М. : Школа «Языки русской культуры», 1995. — 766 с.
5. **Арутюнова, Н. Д.** Типы языковых значений [Текст] : Оценка. Событие. Факт / Н. Д. Арутюнова. — М. : Наука, 1988. — 338 с.
6. **Архангельский, В. Л.** Устойчивые фразы в современном русском языке [Текст] : Основы теории устойчивых фраз и проблемы общей фразеологии / В. Л. Архангельский. — Ростов-на-Дону : Изд-во Ростовского университета, 1964. — 315 с.
7. **Балли, Ш.** Французская стилистика [Текст] = *Traité de stylistique française* / Ш. Балли ; пер. с фр. К. А. Долинина. — М. : Эдиториал УРСС, 2001. — 392 с.
8. **Баранов, А. Н.** Аспекты теории фразеологии [Текст] / А. Н. Баранов, Д. О. Добровольский. — М. : Знак, 2008. — 656 с.
9. **Баранов, А. Н.** Основы фразеологии [Текст] : краткий курс : учебное пособие / А. Н. Баранов, Д. О. Добровольский. — М. : ФЛИНТА : Наука, 2014. — 307 с.
10. **Баранов, А. Н.** Фразеологизмы-конструкции в концепции Н. Ю. Шведовой [Текст] : (семантический аспект) / А. Н. Баранов, Д. О. Добровольский // Язык : поиски, факты, гипотезы : сборник статей к 100-летию со дня рождения академика Н. Ю. Шведовой / Отв. ред. М. В. Ляпон. — М. : ЛЕКСРУС, 2016. — С. 51–66.
11. **Богуславский, И. М.** Безусловные обороты и фраземы в толково-комбинаторном словаре [Текст] / И. М. Богуславский, Л. Л. Иомдин // Актуальные

вопросы практической реализации систем автоматического перевода. Ч. 2. — М. : Изд-во МГУ, 1982. — С. 210–222.

12. **Вакуленко, Д. А.** Фразеологизированные синтаксические конструкции с незаменяемым компонентом союзного типа в современном русском языке [Текст] : монография / Д. А. Вакуленко. — Ростов-на-Дону ; Таганрог : Изд-во Южного федерального ун-та, 2018. — 161 с.

13. **Величко, А. В.** Предложения фразеологизированной структуры в русском языке [Текст] : структурно-семантическое и функционально-коммуникативное исследование : монография / А. В. Величко. — М. : МАКС Пресс, 2016. — 416 с.

14. **Виноградов, В. В.** Русский язык [Текст] : грамматическое учение о слове / В. В. Виноградов. — М. ; Л. : Гос. учеб.-пед. изд-во, 1947. — 783 с.

15. **Виноградов, В. В.** Вопросы изучения словосочетаний [Текст] : (на материале русского языка) / В. В. Виноградов // Вопросы языкознания. — 1954. — № 3. — С. 3–24.

16. **Виноградов, В. В.** О некоторых вопросах теории русской лексикографии [Текст] / В. В. Виноградов // Вопросы языкознания. — 1956. — № 5. — С. 80–94.

17. **Виноградов, В. В.** Избранные труды [Текст] : Лексикология и лексикография / В. В. Виноградов. — М. : Наука, 1977. — 312 с.

18. **Вольф, Е. М.** Функциональная семантика оценки [Текст] / Е. М. Вольф. — М. : Едиториал УРСС, 2002. — 280 с.

19. **Всеволодова, М. В.** Принципы лингвистического описания синтаксических фразеологизмов [Текст] : на материале синтаксических фразеологизмов со значением оценки / М. В. Всеволодова, Лим Су Ён. — М. : МАКС Пресс, 2002. — 164 с.

20. **Всеволодова, М. В.** Теория функционально-коммуникативного синтаксиса [Текст] : фрагмент фундаментальной прикладной (педагогической) модели языка / М. В. Всеволодова. — М. : УРСС, 2017. — 656 с.

21. **Гаврин, С. Г.** Фразеологизация элементов речевого потока как лингвистическое явление [Текст] : (в связи с проблемой развития фразеологического состава) / С. Г. Гаврин // Вопросы русского языка и методики его преподавания / Отв. ред. А. С. Гантман. — Пермь : [б. и.], 1966. — С. 9–34.

22. **Гвоздарев, Ю. А.** Фразеологические сочетания современного русского языка [Текст] / Ю. А. Гвоздарев. — Ростов-на-Дону : Изд-во Ростовского университета, 1973. — 103 с.
23. **Гельблу, Я. И.** Антонимичные пары [Текст] / Я. И. Гельблу // Вопросы общего и германского языкознания. — 1964. — № 15. — С. 161–164.
24. **Добровольский, Д. О.** Беседы о немецком слове [Текст] / Д. О. Добровольский. — М. : Языки славянской культуры, 2013. — 744 с.
25. **Добровольский, Д. О.** Грамматика конструкций и фразеология [Текст] / Д. О. Добровольский // Вопросы языкознания. — 2016. — № 3. — С. 7–21.
26. **Добровольский, Д. О.** Группа конструкций *ну и X* [Текст] : семантика, прагматика, сочетаемость / Д. О. Добровольский, М. В. Копотев, Л. Пёппель // Scando-Slavica. — 2019. — № 65(1). — С. 5–25.
27. **Дремова, Т. Г.** Альтернатива и границы глагольных фразеологических единиц современного английского языка [Текст] : дис. ... канд. филол. наук / Т. Г. Дремова. — Ленинград, 1979. — 185 с.
28. **Жуков, В. П.** Об устойчивости и вариантности фразеологизмов на семантическом уровне [Текст] / В. П. Жуков // Проблемы устойчивости и вариантности фразеологических единиц : Материалы межвузовского симпозиума : ноябрь 1968 г. Вып. 2 : Ответы на вопросы анкеты / Отв. ред. В. Л. Архангельский. — Тула : Тул. гос. пед. ин-т им. Л. Н. Толстого, 1972. — С. 20–29.
29. **Золотарева, Л. А.** Синтаксические фразеологические единицы в лексикографическом представлении [Текст] / Л. А. Золотарева, Нгуен Ань Нам // Научный диалог. — 2018. — № 6. — С. 19–31.
30. **Иомдин, Л. Л.** Многозначные синтаксические фраземы [Текст] : между лексикой и синтаксисом / Л. Л. Иомдин // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии : Труды международной конференции «Диалог 2006». — М. : Изд-во РГГУ, 2006. — С. 202–206.
31. **Кайгородова, И. Н.** Проблемы синтаксической идиоматики [Текст] : на материале русского языка : монография / И. Н. Кайгородова. — Астрахань : Изд-во Астрах. гос. пед. ун-та, 1999. — 248 с.

32. **Каплуненко, А. М.** Семантические параметры фразеологических единиц [Текст] : дис. ... канд. филол. наук / А. М. Каплуненко. — М., 1977. — 186 с.
33. **Киселева, К. Л.** Антонимия во фразеологии [Текст] : формальное сходство как условие противоположности значений / К. Л. Киселева // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог» (2011). — 2011. — № 10. — С. 305–314.
34. **Климова, К. А.** Что такое *мундза*, или самый оскорбительный жест для грека [Текст] / К. А. Климова // Балканский дейксис и балканские (языковые) жесты. Памяти Татьяны Михайловны Николаевой / Отв. ред. М. М. Макарецев. — М. : Ин-т славяноведения РАН, 2017. — С. 90–99.
35. **Кодухов, В. И.** Синтаксическая фразеологизация [Текст] / В. И. Кодухов // Проблемы фразеологии и задачи ее изучения в высшей и средней школе / Ред. Р. Н. Попов]. — Вологда : Сев.-Зап. кн. изд-во, 1967. — С. 123–137.
36. **Кузнецова, Ю. Л.** Статистический профиль как отражение семантических ограничений [Электронный ресурс] / Ю. Л. Кузнецова // Тезисы конференции «Русский язык: конструкционные и лексико-семантические подходы» (Санкт-Петербург, 24–26 марта, 2011 г.). Режим доступа : https://iling.spb.ru/confs/rusconstr2011/materials/Kuznecova_poster.pdf.
37. **Кунин, А. В.** Английская фразеология [Текст] : (Теоретический курс) / А. В. Кунин. — М. : Высшая школа, 1970. — 342 с.
38. **Ларин, Б. А.** Очерки по фразеологии [Текст] : (О систематизации и методах исследования фразеологических материалов) / Б. А. Ларин // Очерки по лексикологии, фразеологии и стилистике / Отв. ред. Б. А. Ларин. — Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1956. — С. 200–224.
39. **Лекант, П. А.** К проблеме разграничения фразеологизма и нефразеологизма [Текст] / П. А. Лекант // Проблемы устойчивости и вариантности фразеологических единиц : Материалы межвузовского симпозиума : ноябрь 1968 г. / Отв. ред. В. Л. Архангельский. — Тула : Тул. гос. пед. ин-т им. Л. Н. Толстого, 1968. — С. 90–93.

40. **Логический анализ языка : проблемы интенциональных и прагматических контекстов** [Текст] : сборник / отв. ред. Н. Д. Арутюнова. — М. : Наука, 1989. — 286 с.
41. **Логический анализ языка : тождество и подобие, сравнение и идентификация** [Текст] : сборник / под ред. Н. Д. Арутюновой. — М. : Наука, 1990. — 225 с.
42. **Логический анализ языка : квантификативный аспект языка** [Текст] : сборник / отв. ред. Н. Д. Арутюнова. — М. : Индрик, 2005. — 672 с.
43. **Логический анализ языка : ассерция и негация** [Текст] : сборник / отв. ред. Н. Д. Арутюнова. — М. : Индрик, 2009. — 559 с.
44. **Майсак, Т. А.** Типология грамматикализации конструкций с глаголами движения и глаголами позиции [Текст] / Т. А. Майсак. — М. : Языки славянских культур, 2005. — 481 с.
45. **Меликян, А. В.** Фразеосхемы с опорным компонентом-союзом в современном испанском языке [Текст] / А. В. Меликян // Вестник Томского государственного университета. Филология. — 2016. — № 5 (43). — С. 59–68.
46. **Меликян, В. Ю.** Современный русский язык. Синтаксическая фразеология [Текст] : учебное пособие / В. Ю. Меликян. — М. : Флинта : Наука, 2014. — 231 с.
47. **Меликян, В. Ю.** Фразеосинтаксические схемы с опорным компонентом — неполнозначительным словом в современном русском языке [Текст] / В. Ю. Меликян, О. В. Акбаева // Вестник Томского государственного университета. Филология. — 2017. — № 47. — С. 57–71.
48. **Мельчук, И. А.** Русский язык в модели «Смысл-Текст» [Текст] / И. А. Мельчук. — М. : Школа «Языки русской культуры», 1995. — 682 с.
49. **Мельчук, И. А.** Опыт теории лингвистических моделей «Смысл-Текст» [Текст] / И. А. Мельчук. — М. : Школа «Языки русской культуры», 1999. — 346 с.
50. **Молотков, А. И.** Фразеологизмы русского языка и принципы их лексикографического описания / А. И. Молотков // Фразеологический словарь русского языка / под ред. А. И. Молоткова. — М. : Советская энциклопедия, 1968. — С. 7–23.
51. **Москальская, О. И.** Грамматический идиоматизм и синтагматика [Текст] / О. И. Москальская // Иностранные языки в высшей школе. — 1962. — С. 3–10.

52. **Новиков, Л. А.** Семантика русского языка / Л. А. Новиков. — М. : Высшая школа, 1982. — 272 с.
53. **Новый объяснительный словарь синонимов русского языка** [Текст] / В. Ю. Апресян [и др.] ; под общ. рук. Ю. Д. Апресяна. — М. : Школа «Языки славянской культуры», 2003. — 1488 с.
54. **Ожегов, С. И.** Лексикология. Лексикография. Культура речи [Текст] : учеб. пособие для филол. фак. пед. ин-тов / Вступ. статья и коммент. Л. И. Скворцова. — М. : Высшая школа, 1974. — 350 с.
55. **Онуфриева, Е. С.** Πιο Χ παθάνεις : случай заимствования фразеологизма-конструкции в новогреческом языке [Текст] / Е. С. Онуфриева // Acta Linguistica Petropolitana. — 2020. — № 16.2. — С. 608–636.
56. **Перспектив активниг словаря русского языка** [Текст] : монография / В. Ю. Апресян [и др.] ; отв. ред. Ю. Д. Апресян. — М. : Языки славянских культур, 2010. — 779 с.
57. **Райхштейн, А. Д.** Немецкие устойчивые фразы [Текст] : пособие по лексикологии нем. яз. для студентов ст. курсов пед. ин-тов. — Л. : Просвещение, 1971. — 184 с.
58. **Рахилина, Е. В.** Грамматика конструкций [Текст] : теории, сторонники, близкие идеи / Е. В. Рахилина, Ю. Л. Кузнецова // Лингвистика конструкций / Отв. ред. Е. В. Рахилина. — М. : Азбуковник, 2010. — С. 18–79.
59. **Ройзензон, Л. И.** Заметки по теории фразеологии [Текст] : (о фразеологизации и фразеологических связях в языке) / Л. И. Ройзензон, Ю. Ю. Авалиани // Труды УзГУ им. А. Навои. Новая серия. — 1959. — № 95. — С. 3–17.
60. **Ройзензон, Л. И.** Фразеологизация как лингвистическое явление [Текст] / Л. И. Ройзензон // Труды СамГУ им. А. Навои. Новая серия. — 1961. — № 113. — С. 101–117.
61. **Ройзензон, Л. И.** Лекции по общей и русской фразеологии [Текст] : учебное пособие / Л. И. Ройзензон. — Самарканд : [б. и.], 1973. — 223 с.
62. **Русская грамматика** [Текст] / Гл. ред. Н. Ю. Шведова. В 2 т. Т. 1. Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология / [Н. С. Авилова, А. В. Бондаренко, Е. А. Брызгунова и др.]. — М. : Наука, 1980. — 783 с.

63. **Русская грамматика** [Текст] / Гл. ред. Н. Ю. Шведова. В 2 т. Т. 2. Синтаксис / [Е. А. Брызгунова, К. В. Габучан, В. А. Цикович и др.]. — М. : Наука, 1980. — 709 с.

64. **Русский семантический словарь** [Текст]: Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / Под общ. ред. Н. Ю. Шведовой. Т. 1: Слова указующие (местоимения). Слова именующие: имена существительные (Всё живое. Земля. Космос): 39 000 слов и фразеологических выражений. — М. : ИРЯ РАН, 2002. — 807 с.

65. **Русский семантический словарь** [Текст]: Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / Под общ. ред. Н. Ю. Шведовой. Т. 2: Имена существительные с конкретным значением. Все создаваемое руками и умом человека (населенные места, обрабатываемые участки, дороги; вещественные продукты труда); организации и учреждения. Названия предметов по форме, состоянию, составу, местонахождению, употреблению: 40 000 слов и фразеологических выражений. — М. : ИРЯ РАН, 2002. — 762 с.

66. **Русский семантический словарь** [Текст]: Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / Под общ. ред. Н. Ю. Шведовой. Т. 3: Имена существительные с абстрактным значением: бытие, материя, пространство, время. Связи, отношения, зависимости. Духовный мир. Состояние природы, человека. Общество: 30 000 слов и фразеологических выражений. — М. : ИРЯ РАН, 2003. — 720 с.

67. **Русский семантический словарь** [Текст]: Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / Под общ. ред. Н. Ю. Шведовой. Т. 4: Глагол: глаголы с ослабленной знаменательностью: глаголы-связки и полужнаменательные глаголы, глаголы фазовые, глаголы модальные, глаголы связей, отношений и именованя, дейктические глаголы, бытийные глаголы, глаголы со значением собственно активного действия, деятельности, деятельностного состояния: 35 000 слов и фразеологических выражений. — М. : ИРЯ РАН, 2007. — 952 с.

68. **Словарь-тезаурус современной русской идиоматики** [Текст]: около 8000 идиом современного русского языка / Под ред. А. Н. Баранова, Д. О. Добровольского. — М. : Мир энциклопедий Аванта+, 2007. — 1134 с.

69. **Смерчко, З. Е.** К вопросу об устойчивости фразеологических сочетаний в современном русском языке [Текст] : (на материале именных фразем с родительным присубстантивным типа *зерно истины*) / З. Е. Смерчко // Проблемы устойчивости и вариантности фразеологических единиц : Материалы межвузовского симпозиума : ноябрь 1968 г. / Отв. ред. В. Л. Архангельский. — Тула : Тул. гос. пед. ин-т им. Л. Н. Толстого, 1968. — С. 106–113.

70. **Смерчко, З. Е.** О семантическом взаимодействии компонентов в субстантивных фразеологических сочетаниях [Текст] / З. Е. Смерчко // Проблемы русской фразеологии : (республиканский сборник) / Отв. ред. В. Л. Архангельский. — Тула : Тул. гос. пед. ин-т им. Л. Н. Толстого, 1975. — С. 61–71.

71. **Солодухо, Э. М.** Проблемы интернационализации фразеологии [Текст] : (на материале языков славянской, германской и романской групп) / Э. М. Солодухо. — Казань : Издательство Казанского университета, 1982. — 168 с.

72. **Телия, В. Н.** О лексических компонентах фраземы как элементах ее структуры [Текст] / В. Н. Телия // Проблемы фразеологии и задачи ее изучения в высшей и средней школе / Ред. Р. Н. Попов. — Вологда : Сев.-Зап. кн. изд-во, 1967. — С. 210–220.

73. **Турецко-русский словарь** [Текст] / Ред. : Э. М.-Э. Мустафаев, Л. Н. Старостов. — М. : Русский язык, 1977. — 967 с.

74. **Федуленкова, Т. Н.** Сопоставительная фразеология английского, немецкого и шведского языков [Текст] : курс лекций : учебное пособие для студентов высших учебных заведений / Т. Н. Федуленкова. — М. : Акад. естествознания, 2018. — 219 с.

75. **Федюнева, Г. В.** О типологии местоименного значения [Текст] / Г. В. Федюнева // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. — 2008. — № 4 (16). — С. 172–179.

76. **Хориков, И. П.** Новогреческо-русский словарь [Текст] : около 67000 слов / И. П. Хориков, М. Г. Малев / Под ред. П. Пердикиса и Т. Пападопулоса. — М. : Изд-во Русский язык, 1980. — 856 с.

77. **Храковский, В. С.** Семантические типы множества ситуаций и их естественная классификация / В. С. Храковский // Типология итеративных конструкций / отв. ред. В. С. Храковский. — Ленинград : Наука, 1989. — С. 5–53.
78. **Чернышева, И. И.** Фразеология современного немецкого языка [Текст] / И. И. Чернышева. — М. : Высшая школа, 1970. — 199 с.
79. **Чернышева, И. И.** Фразеологическая единица и объем фразеологии [Текст] / И. И. Чернышева // Проблемы устойчивости и вариантности фразеологических единиц : Материалы межвузовского симпозиума : ноябрь 1968 г. Вып. 2 : Ответы на вопросы анкеты / Отв. ред. В. Л. Архангельский. — Тула : Тул. гос. пед. ин-т им. Л. Н. Толстого, 1972. — С. 110–114.
80. **Шведова, Н. Ю.** О некоторых типах фразеологизированных конструкций в строе русской разговорной речи [Текст] / Н. Ю. Шведова // Вопросы языкознания. — 1958. — № 2. — С. 93–100.
81. **Шведова, Н. Ю.** Очерки по синтаксису русской разговорной речи [Текст] / Н. Ю. Шведова. — М. : Издательство АН СССР, 1960. — 378 с.
82. **Шмелев, А. Д.** Парадоксы идентификации [Текст] / А. Д. Шмелев // Логический анализ языка : тождество и подобие, сравнение и идентификация : сборник / под ред. Н. Д. Арутюновой. — М. : Наука, 1990. С. 33–51.
83. **Шмелев, Д. Н.** Экспрессивно-ироническое выражение отрицания и отрицательной оценки в современном русском языке [Текст] / Д. Н. Шмелев // Вопросы языкознания. — 1958. — № 6. — С. 63–75.
84. **Шмелев, Д. Н.** О «связанных» синтаксических конструкциях в русском языке [Текст] / Д. Н. Шмелев // Вопросы языкознания. — 1960. — № 5. — С. 47–60.
85. **Шмелев, Д. Н.** Современный русский язык. Лексика [Текст] / Д. Н. Шмелев. — М. : Просвещение, 1977. — 335 с.
86. **Anastassiadis-Symeonidis, A.** Multiword expressions in Modern Greek [Text] : synthetic review on their nature / A. Anastassiadis-Symeonidis, A. Fotopoulou, T. Kyriacopoulou // Bulletin of Scientific Terminology and Neologisms. Special issue : MWEs in Greek and other languages : from theory to implementation. — 2020. — № 15. — s. p.
87. **Apresjan, V.** Syntactic idioms across languages [Text] : corpus evidence from Russian and English / V. Apresjan // Russian Linguistics. — 2014. — № 38(2). — P. 187–203.

88. **Benigni, V.** How to Apply CxG to Phraseology [Text] : A Multilingual Research Project / V. Benigni, P. C. Ramusino, F. Mollica, E. Schafroth // Journal of Social Sciences. — 2015. — № 11(3). — P. 275–288.
89. **Berg, Th.** Locating affixes on the lexicon-grammar continuum [Text] / Th. Berg // Cognitive Linguistic Studies. — 2015. — № 2(1). — P. 150–180.
90. **Brillouët, G.** 7 000 expressions, locutions, proverbes du grec moderne [Text] / G. Brillouët, A. Kokkinidou-Maxime. — Paris : Éditions Rue d’Ulm, 2008. — 739 p.
91. **Broccias, C.** The syntax-lexicon continuum [Text] / C. Broccias // The Oxford Handbook of the History of English / Eds. T. Nevalainen, E. C. Traugott E.C. — New York : Oxford University Press, 2012. — P. 735–747.
92. **Caradec, F.** Dictionnaire du français argotique et populaire [Text] / F. Caradec, J.-B. Pouy. — Paris: Larousse, 2009. — 366 p.
93. **Dobrovol’skij, D.** Phraseologie und Konstruktionsgrammatik [Text] / D. Dobrovol’skij // Konstruktionsgrammatik III: Aktuelle Fragen und Lösungsansätze / Eds. A. Lasch, A. Ziem. — Tübingen : Stauffenburg Linguistik, 2011. — S. 110–130.
94. **Dobrovol’skij, D.** Entrenched lexical patterns [Text] : The Russian construction *в том-то и вещь N* / D. Dobrovol’skij, L. Pöppel // Procedia — social and behavioral sciences. — 2015. — Vol. 206. — P. 18–23.
95. **Dobrovol’skij, D.** German constructional phrasemes and their Russian counterparts [Text] : a corpus-based study / D. Dobrovol’skij // Computational Phraseology / Eds. G. Corpas Pastor, J.-P. Colson. — Amsterdam ; Philadelphia : John Benjamins Publishing Company, 2020. — P. 43–64.
96. **Dournon, F.** Dictionnaire des mots et formules célèbres [Text] / F. Dournon. — Paris : Le Robert, 1994. — 412 p.
97. **Duneton, C.** Le bouquet des expressions imagées [Text] : encyclopédie thématique des locutions figurées de la langue française / C. Duneton, S. Claval. — Paris : Seuil, 1990. — 1375 p.
98. **Evans, V.** Cognitive Linguistics [Text] : An Introduction / V. Evans, M. Green. — Edinburgh : Edinburgh University Press, 2006. — 851 p.

99. **Fillmore, Ch.** Innocence [Text]: a second idealization for linguistics / Ch. Fillmore // Proceedings of the Fifth Annual Meeting of the Berkeley Linguistic Society. — 1979. — P. 63–76.
100. **Fillmore, Ch.** Regularity and Idiomaticity in Grammatical Constructions [Text]: The Case of Let Alone / Ch. Fillmore, P. Kay, M. C. O'Connor // Language. — 1988. — № 3(64). — P. 501–538.
101. **Fleischer, W.** Phraseologie der deutschen Gegenwartssprache [Text] / W. Fleischer. — Leipzig: VEB Bibliographisches Institut, 1982. — 248 p.
102. **Goldberg, A. E.** Constructions [Text]: a construction grammar approach to argument structure / A. Goldberg. — Chicago: University of Chicago Press, 1995. — 265 p.
103. **Granger, S.** Disentangling the phraseological web [Text] / S. Granger, M. Paquot // Phraseology. An interdisciplinary perspective / Eds. S. Granger, F. Meunier. — Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2008. — P. 27–49.
104. **Grande dizionario della lingua italiana** [Text] / a cura di S. Battaglia. Vol. 10. MEE — MOTI. — Torino: UTET, 1994. — 1039 p.
105. **Gross, M.** Une classification des phrases figées du français [Text] / M. Gross // Révue québécoise de linguistique. — 1982. — № 11 (2). — P. 151–185.
106. **Harris, Z.** Notes du cours de syntaxe [Text] / Z. Harris. — Paris: Le Seuil, 1976. — 236 p.
107. **Jones, S.** Antonymy [Text]: A corpus-based perspective / S. Jones. — London; New York: Routledge, 2002. — 212 p.
108. **Justeson, J.** Co-occurrences of antonymous adjectives and their contexts / J. Justeson, S. Katz // Computational Linguistics. — 1991. — № 17. — P. 1–19.
109. **Kiparsky, P.** Oral poetry: some linguistic and typological consideration [Text] / P. Kiparsky // Oral Literature and the Formula / Eds. B. Stolz, R. Shannon. — Ann Arbor: Center for the Coordination of Ancient and Modern Studies, 1976. — P. 73–106.
110. **Lakoff, G.** Women, Fire, and Dangerous Things [Text]: What Categories Reveal about the Mind / G. Lakoff. — Chicago: University of Chicago Press, 1987. — 614 p.
111. **Langacker, R.** Foundations of Cognitive Grammar [Text]: Vol. 1. Theoretical Prerequisites / R. Langacker. — Stanford: Stanford University Press, 1987. — 521 p.

112. **Langacker, R.** Cognitive Grammar [Text] : A Basic Introduction / R. Langacker. — New York : Oxford University Press, 2008. — 573 p.
113. **Larousse** [Electronic resource] : Dictionnaire français monolingue et bilingue en ligne. Available at : <https://www.larousse.fr/dictionnaires/francais>.
114. **Lexigram** [Electronic resource] : Λεξικά, Γλώσσα, Παιδεία. Η μεγαλύτερη Πύλη για την ελληνική γλώσσα. — Available at : <https://www.lexigram.gr/>.
115. **Lyons, J.** Introduction to theoretical linguistics [Text] / J. Lyons. — London : Cambridge University Press, 1968. — 533 p.
116. **Martí Solano, R.** Phraseological units in English [Text] : variation through lexical insertion / R. Martí Solano // Rassegna italiana di linguistica applicata. — 2011. — № 43(1–2). — P. 389–404.
117. **Martí Solano, R.** From idiom variants to open-slot idioms [Text]: close-ended and open-ended variational paradigms / R. Martí Solano // Research on Phraseology across Continents. Vol. 2 / Eds. J. Szerszunowicz, B. Nowowiejski, Katsumasa Yagi Takaaki Kanzaki. — Bialystok : University of Bialystok Publishing House, 2013. — P. 167–180.
118. **Martí Solano, R.** Productivity and semantic classification of the phraseological pattern *on + the + N* [Text] / R. Martí Solano // Lingüística en la Red. — 2020. — № 17 (Modelos de análisis en la fraseología de las lenguas europeas). — s. p.
119. **Mellado Blanco, C.** Phrasem-Konstruktionen kontrastiv Deutsch-Spanisch [Text] : ein korpusbasiertes Beschreibungsmodell anhand ironischer Vergleiche / C. Mellado Blanco // Yearbook of Phraseology. — 2019. — № 10. — P. 65–88.
120. **Mollica, F.** Der Ausdruck der Intensivierung in komparativen Phrasem-Konstruktionen im Deutschen und im Italienischen [Text] : eine konstruktionsgrammatische Untersuchung / F. Mollica, E. Schafroth // Sprachliche Verfestigung. Wortverbindungen, Muster, Phrasem-Konstruktionen / Ed. K. Steyer. — Tübingen : Narr, 2018. — S. 103–136.
121. **Mollica, F.** Die Phrasem-Konstruktion [XNP_{nom} seinKopula mirExp (Modalpartikel) Detein(e) YNP]Exkl und ihre Relationen innerhalb der Ethicus-Konstruktion und der Dativ-Familie [Text] / F. Mollica // Linguistische Berichte Heft. — 2020. — № 261. — S. 47–83.
122. **Nenonen, M.** Constructional continuity [Text] : (Where) does lexicon turn into syntax ? / M. Nenonen, E. Penttilä // The Mental Lexicon. — 2014. — № 9(2). — P. 316–337.

123. **Ojetti, U.** Cose viste [Text] / U. Ojetti // Corriere della Sera. — 1922. — 28.03.
124. **Provenzal, D.** Perché si dice così [Text] ? Origine dei modi di dire, delle locuzioni proverbiali, di tante frasi dell'uso commune / D. Provenzal. — Milano : Hoepli, 1958. — 347 p.
125. **Sinclair, J.** Trust the Text [Text] : Language, Corpus and Discourse / J. Sinclair. — London : Routledge, 2004. — 224 p.
126. **Sivan, E.** Colonialism and Popular Culture in Algeria [Text] / E. Sivan // Journal of Contemporary History. — 1979. — Vol. 14. № 1. — P. 21–53.
127. **Stefanowitsch, A.** Collostructions [Text] : Investigating the interaction of words and constructions / A. Stefanowitsch, S. Th. Gries // International Journal of Corpus Linguistics. — 2003. — Vol. 8. № 2. — P. 209–243.
128. **Steyer, K.** Patterns [Text]. Phraseology in a state of flux / K. Steyer // International Journal of Lexicography. — 2015. — № 28(3). — P. 279–298.
129. **Steyer, K.** Multi-word patterns and networks [Text] : How corpus-driven approaches have changed our description of language use / K. Steyer // Computational Phraseology / Eds. G. Corpas Pastor, J.-P. Colson. — Amsterdam ; Philadelphia : John Benjamins Publishing Company, 2020. — P. 273–295.
130. **Szcześniak, K.** The Meaning of Constructions [Text] : The Cognitive Denial of the Lexicon-Syntax Division / K. Szcześniak . — Katowice : Wydawnictwo Uniwersytetu Śląskiego, 2014. — 245 p.
131. **Szcześniak, K.** What [Text] ? You and me get together ? The place of the Incredulity Response Construction in the lexicon-syntax continuum / K. Szcześniak // Studies in Lexicogrammar: Theory and applications / Ed. G. Drożdż G. — Amsterdam ; Philadelphia : John Benjamins Publishing Company, 2016. — P. 121–142.
132. **Taylor, J. R.** Cognitive Grammar [Text] / J. R. Taylor. — Oxford : Oxford University Press, 2002. — 623 p.
133. **Taylor, J. R.** Linguistic Categorization [Text] / J. R. Taylor. — Oxford : Oxford University Press, 2003. — 328 p.
134. **Thomou, P.** Towards a constructional account of multiword units in Modern Greek [Text] : a corpus-based study / P. Thomou // // Bulletin of Scientific Terminology and

Neologisms. Special issue : MWEs in Greek and other languages : from theory to implementation. — 2020. — № 15. — P. 305–331.

135. **Tresorukova, I. V.** Κατάταξη των φρασεολογισμών της ελληνικής γλώσσας: προσέγγιση στο θέμα (με βάση τη ρωσική θεωρία της γλωσσολογίας) [Text] // Proceedings of 5th European Congress of Modern Greek Studies : Continuities, Discontinuities, Ruptures in the Greek World (1204–2014) : Economy, Society, History, Literature. Vol. 4 / Ed. K. A. Dimadis. — Athens, 2015. — P. 553–563.

136. **Türkçe sözlük** [Text] / Türk Dili Kurumu. Vol. 1. A—J. — Ankara : Türk Dili Kurumu, 1998. — 1136 c.

137. **Van Lancker Sidtis, D.** “Down with ___” [Text] : the linguistic schema as intermediary between formulaic and novel expressions / D. Van Lancker Sidtis, K. M. Kougentakis, K. Cameron, C. Falconer, J. J. Sidtis // Yearbook of Phraseology. — 2012. — № 3. — P. 87–108.

138. **Wierzbicka, A.** Boys will be boys [Text] : ‘Radical semantics’ vs. ‘Radical pragmatics’ // Language. — 1987. — № 63(1). — P. 95–114.

139. **Zuluaga, A.** Introducción al estudio de las expresiones fijas [Text] / A. Zuluaga. — Frankfurt am Main : P. Lang, 1980. — 278 p.

140. **Αναστασιάδη-Συμεωνίδη, Α.** Οι στερεότυπες εκφράσεις και η διδακτική της νέας ελληνικής ως δεύτερης γλώσσας [Text] / Α. Αναστασιάδη-Συμεωνίδη, Α. Ευθυμίου. — Αθήνα : Εκδόσεις Πατάκη, 2006. — 130 σ.

141. **Βασιλειάδου, Ρ.** Πλησιωνυμία και συνδυαστικότητα: η περίπτωση των επιθέτων *δυνατός* και *ισχυρός* στις συνάψεις επιθέτου και ουσιαστικού της Νέας Ελληνικής [Text] : διδακτορική διατριβή / Ρ. Βασιλειάδου. — Αθήνα, 2019. — 399 σ.

142. **Βελούδης, Γ.** Η άρνηση [Text] / Γ. Βελούδης. — Αθήνα : Εκδόσεις Πατάκη, 2005. — 110 σ.

143. **Βενιζέλος, Ι.** Παροιμίες δημώδεις [Text] / Ι. Βενιζέλος. — Ερμούπολη : Εκ του Τυπογραφείου της «Πατρίδος», 1867. — 367 σ.

144. **Βλαχόπουλος, Σ.** Λεξικό των ιδιωτισμών της Νέας Ελληνικής [Text] / Σ. Βλαχόπουλος. — Αθήνα : Κλειδάριθμος, 2007. — 379 σ.

145. **Γαλαντόμος, Ι.** Η διδασκαλία των μεταφορών και των ιδιοτισμών της νέας ελληνικής ως ξένης / δεύτερης γλώσσας [Text] : διδακτορική διατριβή / Ι. Γαλαντόμος. — Βόλος, 2008. — 251 σ.
146. **Δεμίρη-Προδρομίδου, Ε.** Η γλώσσα των ιδιοτισμών και των εκφράσεων [Text] / Ε. Δεμίρη-Προδρομίδου, Δ. Νικολαΐδου-Νέστορα, Ν. Τρύφωνα-Αντωνοπούλου. — Θεσσαλονίκη : University Studio Press, 2002. — 140 σ.
147. **Δημητράκος, Δ.** Μέγα λεξικόν όλης της Ελληνικής γλώσσης [Text] : σε 15 τόμ. / Δ. Δημητράκος. — Αθήνα : Δομή, 1964. — 8056 σ.
148. **Δημητρίου, Α.** Λεξικό νεοελληνισμών [Text] : ιδιοτισμοί, στερεότυπες μεταφορές και παρομοιώσεις, λέξεις και φράσεις από την καθαρεύουσα / Α. Δημητρίου, — Αθήνα : Εκδόσεις Γρηγόρη, 1995. — 470 σ.
149. **Δημοκίδης, Α.** Μικροπράγματα [Electronic resource] : Η λέξη και η φράση που ψηφίσατε να μην ξανακουστούν το 2015 / Α. Δημοκίδης // Lifo.gr. — 2015. — 01.01. — Available at : <https://www.lifo.gr/team/bitsandpieces/54280>.
150. **Δημοπούλου, Β.** Το λεξιλόγιο της φύσεως στις στερεότυπες εκφράσεις και στους ιδιοματισμούς [Text] : σημασιολογική ανάλυση και εφαρμογή στη διδασκαλία της νέας ελληνικής ως ξένης γλώσσας : διδακτορική διατριβή / Β. Δημοπούλου. — Αθήνα, 2010. — 793 σ.
151. **Δουλαβέρας, Α.** Η έμμετρη εκφορά του νεοελληνικού παροιμιακού λόγου [Text] : διδακτορική διατριβή / Α. Δουλαβέρας. — Θεσσαλονίκη, 1988. — 334 σ.
152. **Εθνικό Αρχείο Διδακτορικών Διατριβών (ΕΑΔΔ)** [Electronic resource]. — Available at : www.didaktorika.gr.
153. **Ευαγγελινέλλη, Φ.-Ε.** Κειμενική ανάλυση των παροιμιών [Text] : διδακτορική διατριβή / Φ.-Ε. Ευαγγελινέλλη. — Αθήνα, 2006. — 336 σ.
154. **Ζαφείρη, Σ.** Τα μεταφραστικά δάνεια της νέας ελληνικής [Text] : διδακτορική διατριβή / Σ. Ζαφείρη. — Αθήνα, 2015. — 303 σ.
155. **Ζάχος, Ε.** Λεξικό της πιάτσας [Text] / Ε. Ζάχος. — Αθήνα : Κάκτος, 1981. — 556 σ.
156. **Θεοχάρης, Γ.** Χρηστικό γλωσσάρι _v.4 [Electronic resource] / Γ. Θεοχάρης // Dimartblog.com. — 2018. — 04.02. — Available at : <https://dimartblog.com/2018/02/04/facebook-14y/>.

157. **Θώμου, Π.** Λεξιλογικές συνάψεις (lexical collocations) στη νέα ελληνική ως ξένη γλώσσα [Text] : διδακτορική διατριβή / Π. Θώμου. — Ρέθυμνο, 2006. — 232 σ.
158. **Κάτος, Γ.** Λεξικό της λαϊκής και της περιθωριακής μας γλώσσας [Electronic resource] / Γ. Κάτος. — Θεσσαλονίκη : Κέντρο Ελληνικής Γλώσσας, 2016. — Available at : <http://georgakas.lit.auth.gr/dictionaries/index.php/anazitisi/g-katou>.
159. **Λεξικό της Κοινής Νεοελληνικής** [Electronic resource] / Ινστιτούτο Νεοελληνικών Σπουδών του Αριστοτελείου Πανεπιστημίου Θεσσαλονίκης. — Available at : http://www.greek-language.gr/greekLang/modern_greek/tools/lexica/triantafyllides.
160. **Λεξικόν Γαλλοελληνικόν** [Text] / Συλλ. Α. Ραγκαβή, Α. Σαμουρκάση, Ι. Νικολαΐδου Λεβαδέως. — Αθήνα : Εκδ. Κωνσταντίνου Γκαρπολά του Ολυμπίου, 1842. — 1011 σ.
161. **Μάντζαρης, Κ.** Ο παροιμιακός λόγος στο αρχαϊκό έπος [Text] : διδακτορική διατριβή / Κ. Μάντζαρης. — Ρέθυμνο, 2008. — 204 σ.
162. **Μίνη, Μ.** Γλωσσολογική και ψυχολογική μελέτη των παγιωμένων ρηματικών φράσεων με σταθερό υποκείμενο της Νέας Ελληνικής [Text] : μορφοσυντακτική ανάλυση, σημασιολογική διαβάθμιση και επεξεργασία από παιδιά σχολικής ηλικίας : διδακτορική διατριβή / Μ. Μίνη. — Αθήνα, 2009. — 498 σ.
163. **Μίνη, Μ.** Τυπολογία των πολυλεκτικών ρηματικών εκφράσεων στα λεξικά της Νέας Ελληνικής [Text] : όρια και διαφοροποιήσεις / Μ. Μίνη, Α. Φωτοπούλου // Selected Papers from the 18th International Symposium on Theoretical and Applied Linguistics, Thessaloniki 4–6 May 2007. — Θεσσαλονίκη : Αριστοτέλειο Πανεπιστήμιο Θεσσαλονίκης, 2009. — Σ. 491–503.
164. **Μότσιου, Β.** Ελευθερία και δέσμευση στη γλώσσα [Text] : (η περίπτωση των ιδιωτισμών) / Β. Μότσιου // Επιστημονική Επετηρίδα του Τμήματος Φιλολογίας της Φιλοσοφικής Σχολής του Πανεπιστημίου Ιωαννίνων. — 1987. — № 16. — Σ. 231–263.
165. **Μότσιου, Β.** Στοιχεία λεξικολογίας [Text] : εισαγωγή στη νεοελληνική λεξικολογία / Β. Μότσιου. — Αθήνα : Νεφέλη, 1994. — 251 σ.
166. **Μπαμπινιώτης, Γ.** Λεξικό της νέας ελληνικής γλώσσας [Text] : με σχόλια για τη σωστή χρήση των λέξεων / Γ. Μπαμπινιώτης. — Αθήνα : Κέντρο Λεξικολογίας, 2005. — 2035 σ.

167. **Μπαμπινιώτης, Γ.** Ετυμολογικό λεξικό της νέας ελληνικής γλώσσας [Text] : Ιστορία των λέξεων, με σχόλια και ένθετους πίνακες / Γ. Μπαμπινιώτης. — Αθήνα : Κέντρο Λεξικολογίας, 2010. — 1724 σ.
168. **Μπέττη, Κ.** Η λειτουργία του παροιμιακού λόγου σε μια σύγχρονη αγροτική κοινότητα [Text] : Γραμμένο Ιωαννίνων : διδακτορική διατριβή / Κ. Μπέττη. — Αθήνα, 2000. — 281 σ.
169. **Μπόλλα-Μαυρίδου, Β.** Αντιπαραθετική εξέταση των στερεότυπων παρομοιώσεων της ελληνικής και αγγλικής γλώσσας [Text] : διδακτορική διατριβή / Β. Μπόλλα-Μαυρίδου. — Θεσσαλονίκη, 1996. — 241 σ.
170. **Μυτούλα, Αι.** Η νεοελληνική παροιμία [Text] : συγχρονική και διαχρονική προσέγγιση / Αι. Μυτούλα. — Θεσσαλονίκη, 2005. — 313 σ.
171. **Νατσούλης, Τ.** Λέξεις και φράσεις παροιμιώδεις [Text] : Προέλευση, ετυμολογία, ερμηνεία / Τ. Νατσούλης. — Αθήνα : Σμυρنيωτάκης, 2007. — 749 σ.
172. **Νεοελληνική γραμματική της δημοτικής** [Text] / Αριστοτέλειο Πανεπιστήμιο Θεσσαλονίκης, Ινστιτούτο Νεοελληνικών Σπουδών (Ίδρυμα Μανόλη Τριανταφυλλίδη). — Θεσσαλονίκη, 2005. — 455 σ.
173. **Παπαδόπουλος, Α.** Φρασεολογικά [Text] / Α. Παπαδόπουλος // Λεξικογραφικόν Δελτίον. — 1942–1948. — № 4. — Σ. 3–52.
174. **Παπαδόπουλος, Α.** Φρασεολογικά [Text] / Α. Παπαδόπουλος // Λεξικογραφικόν Δελτίον. — 1950. — № 5. — Σ. 3–52.
175. **Παπαδόπουλος, Α.** Φρασεολογικά [Text] / Α. Παπαδόπουλος // Λεξικογραφικόν Δελτίον. — 1953. — № 6. — Σ. 3–88.
176. **Παπαδόπουλος, Α.** Φρασεολογικά [Text] / Α. Παπαδόπουλος // Λεξικογραφικόν Δελτίον. — 1955. — № 7. — Σ. 3–219.
177. **Παπαζαχαρίου, Ε.** Λεξικό της Ελληνικής αργκό (Λεξικό της πιάτσας) [Text] : επί τόπου καταγραφή / Ε. Παπαζαχαρίου. — Αθήνα : Κάκτος, 1999. — 916 σ.
178. **Παπαϊωάννου-Σπυρούλια, Α.** Η γνωστική-πραγματολογική κατανόηση του μεταφορικού λόγου μέσω της ερμηνείας παροιμιών και μετωνυμιών [Text] : διδακτορική διατριβή / Α. Παπαϊωάννου-Σπυρούλια. — Αθήνα, 2010. — 214 σ.

179. **Παριανού, Α.** Συγκριτική πραγματολογία [Text] : η περίπτωση των ιδιωτισμών. Μεταφραστική προσέγγιση από την Ελληνική στη Γερμανική : διδακτορική διατριβή / Α. Παριανού. — Αθήνα, 1998. — 461 σ.
180. **Σαραντάκος, Ν.** Το αλφαβητάρι των ιδιωματικών εκφράσεων [Text] / Ν. Σαραντάκος. — Αθήνα : Διάυλος, 2000. — 277 σ.
181. **Σαραντάκος, Ν.** Λόγια του αέρα και άλλες 1000 παγιωμένες εκφράσεις [Text] / Ν. Σαραντάκος. — Αθήνα : Εκδόσεις του Εικοστού Πρώτου, 2013. — 309 σ.
182. **Σαραντάκος, Ν.** Τι είναι ο χιονοκλώνος [Electronic resource] ; / Ν. Σαραντάκος // Οι λέξεις έχουν τη δική τους ιστορία. Το ιστολόγιο του Νίκου Σαραντάκου, για τη γλώσσα, τη λογοτεχνία και ... όλα τα άλλα. — 2017. — 08.09. — Available at : <https://sarantakos.wordpress.com/2017/09/08/clone/>.
183. **Σεάτος, Μ.** Ανεξάρτητα καταφατικά και αποφατικά στοιχεία της κοινής νεοελληνικής [Text] / Μ. Σεάτος // Μελέτες για την Ελληνική Γλώσσα. — 1992. — № 12. — Σ. 169–181.
184. **Σεάτος, Μ.** Γλωσσολογικές παρατηρήσεις σε ρήματα της κοινής νεοελληνικής [Text] / Μ. Σεάτος // Ελληνικά. — 1994a. — № 44. — Σ. 423–445.
185. **Σεάτος, Μ.** Επιχειρηματολογικές χρήσεις πραγματολογικών μορίων στην κοινή νεοελληνική [Text] / Μ. Σεάτος // Γλωσσολογικές μελέτες. Επιστημονική Επετηρίδα της Φιλοσοφικής Σχολής. — 1994b. — Περίοδος Β΄ (Τεύχος Τμήματος Φιλολογίας). Παράρτημα 4. — Σ. 127–146.
186. **Σεάτος, Μ.** Φρασεολογήματα και φρασεολογισμοί στην κοινή νεοελληνική [Text] / Μ. Σεάτος // Γλωσσολογικές μελέτες. Επιστημονική Επετηρίδα της Φιλοσοφικής Σχολής. — 1994c. — Περίοδος Β΄ (Τεύχος Τμήματος Φιλολογίας). Παράρτημα 4. — Σ. 167–184.
187. **Σεάτος, Μ.** Διλεκτικές και παραπλήσιες λεξιλογικές μονάδες της κοινής νεοελληνικής [Text] / Μ. Σεάτος // Γλωσσολογικές μελέτες. Επιστημονική Επετηρίδα της Φιλοσοφικής Σχολής. — 1994d. — Περίοδος Β΄ (Τεύχος Τμήματος Φιλολογίας). Παράρτημα 4. — Σ. 185–202.
188. **Σεάτος, Μ.** Επαναλήψεις και αναδιπλώσεις στην κοινή νεοελληνική [Text] / Μ. Σεάτος // Γλωσσολογικές μελέτες. Επιστημονική Επετηρίδα της Φιλοσοφικής Σχολής. — 1994e. — Περίοδος Β΄ (Τεύχος Τμήματος Φιλολογίας). Παράρτημα 4. — Σ. 203–222.

189. **Σεάτος, Μ.** Αξιολογικές και εκτιμητικές τροπικότητες της κοινής νεοελληνικής [Text] / Μ. Σεάτος // Σημειολογικές και γλωσσολογικές μελέτες. Τιμητικός τόμος Μ. Σεάτου. Επιστημονική Επετηρίδα της Φιλοσοφικής Σχολής. — 1998. — Περίοδος Β' (Τεύχος Τμήματος Φιλολογίας). Παράρτημα. — Σ. 163–173.
190. **Σκάρτσης, Σ. Α.** Φράσεις του λαϊκού λόγου [Text] / Σ. Α. Σκαρτσής. Τόμος 1 (Α—Γ). — Αθήνα : Ελληνικά γράμματα, 1997. — 298 σ.
191. **Σκάρτσης, Σ. Α.** Φράσεις του λαϊκού λόγου [Text] / Σ. Α. Σκαρτσής. Τόμος 2 (Δ—Ι). — Αθήνα : Ελληνικά γράμματα, 1998. — 228 σ.
192. **Σκάρτσης, Σ. Α.** Μικρομορφές της λαϊκής λογοτεχνίας [Text] / Σ. Α. Σκαρτσής. — Αθήνα : Ελληνικά γράμματα, 1999. — 232 σ.
193. **Σμυρνής, Γ.** Τι θέλει να πει ο ποιητής [Electronic resource] ; «Πιο έρωτας πεθαίνεις» — Ελένη Φουρέιρα / Γ. Σμυρνής // Monopoli.gr. — 2013. — 01.23. — Available at : <https://www.monopoli.gr/2013/01/23/istories/117305/ti-thelei-na-pei-o-poihths-pio-erwtas-PTHaineis-elenh-foyreira/>.
194. **Συμεωνίδης, Χ.** Εισαγωγή στην ελληνική φρασεολογία [Text] / Χ. Συμεωνίδης. — Θεσσαλονίκη : Κώδικας, 2000. — 128 σ.
195. **Τζάρτζανος, Α.** Νεοελληνική σύνταξις της Κοινής Δημοτικής [Text] / Α. Τζάρτζανος. Τόμος 1. — Θεσσαλονίκη : Εκδόσεις Κυριακίδη, 2016. — 351 σ.
196. **Τζάρτζανος, Α.** Νεοελληνική σύνταξις της Κοινής Δημοτικής [Text] / Α. Τζάρτζανος. Τόμος 2. — Θεσσαλονίκη : Εκδόσεις Κυριακίδη, 2016. — 325 σ.
197. **Τζουγανάτος, Ν.** Ο χαρακτήρας του Κεφαλονίτη [Text] / Ν. Τζουγανάτος // Παρνασσός. Φιλολογικόν περιοδικόν. — 1980. — № 22(2). — Σ. 190–221.
198. **Τριανταφυλλίδης, Μ.** Άπαντα [Text] / Μ. Τριανταφυλλίδης. Τόμος 3 (Νεοελληνική γραμματική : Ιστορική εισαγωγή). — Θεσσαλονίκη : Ινστιτούτο Νεοελληνικών Σπουδών, 1993. — 672 σ.
199. **Τσακνάκη, Ο.** Προβληματική της παροιμίας στη μετάφραση [Text] : η χρήση της στη νέα ελληνική και η ηλεκτρονική επεξεργασία της : διδακτορική διατριβή / Ο. Τσακνάκη. — Θεσσαλονίκη, 2004. — 379 σ.
200. **Τσερπές, Γ.** Ο παροιμιακός λόγος των Βαλκανικών λαών [Text] : θεματικές — χρήσεις — ερμηνείες — επικοινωνία : συμβολή στο πεδίο της συγκριτικής λαογραφίας : διδακτορική διατριβή / Γ. Τσερπές. — Αθήνα, 2019. — 1020 σ.

201. **Φιλοσίδου, Α.** Μετάφραση και ανάλυση φρασεολογίας πολιτικού λόγου [Text] : διδακτορική διατριβή / Α. Φιλοσίδου. — Κέρκυρα, 2019. — 577 σ.
202. **Χατζηθεοδώρου, Κ.** Αυτόματη μετάφραση μεταφορών και ιδιωτισμών από τα ιταλικά στα ελληνικά [Text] : διδακτορική διατριβή / Κ. Χατζηθεοδώρου. — Θεσσαλονίκη, 2020. — 274 σ.
203. **Χέλμη, Ε. Κ.** Συγκριτική Φρασεολογία Ισπανικής — Ελληνικής [Text] : τα Λεξιλογικά Διώνυμα : διδακτορική διατριβή / Ε. Χέλμη. — Αθήνα, 2011. — 204 σ.
204. **Χιώτη, Α. Ν.** Οι παγιωμένες εκφράσεις της Νέας Ελληνικής [Text] : ιστορική διάσταση, ταξινόμηση και στερεοτυπικότητα : διδακτορική διατριβή / Α. Χιώτη. — Θεσσαλονίκη, 2010. — 325 σ.
205. **Χρηστικό λεξικό της Νεοελληνικής Γλώσσας** [Text] / Σύνταξη, επιμέλεια : Χ. Γ. Χαραλαμπίδης. — Αθήνα : Εθνικό Τυπογραφείο, 2014. — 1826 σ.

Приложение

Список новогреческих фразеологизмов-конструкций, использованных в диссертации

1. *Ακούς (εκεί) X / P*

Ακούς εκεί κουβέντα / Ακούς εκεί να θέλει να φωνάζει αστυνομία / Ακούς εκεί τον ενδιαφέρει.

2. *X αλλά / μα τι X*

Ένα ύφος, μα τι ύφος / Μια γυναίκα, μα τι γυναίκα / Φαγιά μα τι φαγιά.

3. *P αλλά / μα πώς P*

Έγινε αλλά πώς έγινε / Σώθηκε, μα πώς σώθηκε / Δουλεύει μα πώς δουλεύει!

4. *Άλλο X / P₁ άλλο Y / P₂*

Άλλο τι θέλω, άλλο τι μπορώ / Άλλο εκεί άλλο εδώ / Άλλο το τότε, άλλο το τώρα.

5. *Άλλος X και αυτός*

Άλλη Αλέκα κι αυτή / Άλλη σχιζοφρένεια κι αυτή / Άλλο φρούτο κι αυτό!

6. *Αλλού X / P₁ αλλού Y / P₂*

Αλλού είναι τα πτυχία κι αλλού οι δουλειές / Αλλού ανήκεις, αλλού ψηφίζεις / Αλλού κοιτάω, αλλού πασάρω.

7. *Άμα / Άρα P₁ και (άμα / άρα) δεν / μη P₁*

Άρα έρθει κι άρα δεν έρθει / Άρα ζήσει, άρα δε ζήσει / Άμα σ' αρέσει κι άμα δεν σ' αρέσει!

8. *Από X άλλο καλό*

Από γυναίκες άλλο καλό! / Από χαλάσματα άλλο καλό! / Από περιποίηση άλλο καλό.

9. *Από X άλλο τίποτα*

Από χρήμα άλλο τίποτα / Από γεγονότα άλλο τίποτα / Από ησυχία άλλο τίποτα.

10. *X (από) εδώ X (από) εκεί*

Κώστα εδώ, Κώστα εκεί / Ντάρλιγκ εδώ ντάρλιγκ εκεί / Πρώην πρόεδρος εδώ, πρώην πρόεδρος εκεί.

11. *Από X βγαίνει και σε X μπαίνει*

Από γραφείο βγαίνω και σε γραφείο μπαίνω / Από τη φυλακή βγαίνεις και στη φυλακή μπαίνεις / Από συνεργείο θα βγαίνεις και σε συνεργείο θα μπαίνεις.

12. *Αυτά έχει X*

Αυτά έχει ο πόλεμος / Αυτά έχει ο στρατός / Αυτά έχει ο κόσμος.

13. Αυτό θα πει X

Αυτό θα πει ζωή / Αυτό θα πει παλικαριά / Αυτό θα πει άνθρωπος.

14. Αυτό κι αν (δεν) είναι X

Αυτό κι αν είναι δύσκολο / Αυτό κι αν ήταν αλλαγή / Αυτή κι αν ήταν ζημιά.

15. X γεννήθηκα X θα πεθάνω

Μάγκας γεννήθηκα, μάγκας θα πεθάνω / Στραβός γεννήθηκες, στραβός θα πεθάνεις / Έτσι γεννήθηκα κι έτσι θα πεθάνω.

16. X δεν θα πει τίποτα

Κακός δεν θα πει τίποτα / Παράξενες δεν θα πει τίποτα / Ωχ δεν θα πει τίποτα.

17. Δεν πα' να P

Δεν πα να κοιτάν / Δεν πα' να το 'βρες / Δεν πα' να κάμεις ό,τι θες.

18. X είσαι και φαίνεσαι

Γελιός είσαι και φαίνεσαι / Ψωνάρα είσαι και φαίνεσαι / Νευρωτικά είσαι και φαίνεσαι.

19. Εδώ X, εκεί X, πού είναι / πουθενά X

Εδώ Τσίπρας, εκεί Τσίπρας, πού είναι ο Τσίπρας; / Εδώ λαός, εκεί λαός, πού είναι ο λαός; / Εδώ δρόμος, εκεί δρόμος, πουθενά δρόμος!

20. Εκεί να δεις / ακούσεις X

Εκεί να δεις γλέντι / Εκεί να δεις τι τραβήγματα θα 'χαμε / Εκεί ν' ακούς φωνές και κακό.

21. (Υπάρχει) X και X

Υπάρχουν βιβλία και βιβλία όπως υπάρχει ίντερνετ και ίντερνετ / Υπάρχει αγάπη κι αγάπη / Υπάρχουν γυναίκες και γυναίκες.

22. Ένας X και μισός

Ένας βλάκας και μισός / Ένας φασίστας και μισός / Ένας χωριάτης και μισός.

23. X είναι X

Η αμαρτία είναι αμαρτία / Ο χρυσός είναι χρυσός / Η μάνα είναι μάνα.

24. Και δεν P

Και δεν πάμε... / Και δεν το παίρνεις; / Και δεν το σβήνετε!

25. Και ποιος δεν P₁

Και ποιος δεν πήρε φέτος βραβείο Γκράμι / Και ποιος δεν έχει περάσει από κει μέσα / Και ποιος δεν θα τα ζήλευε!

26. (P₁) και πού δεν P₁

Και πού δεν πήγα / Και πού δεν κυριάρχησε χθες ο Ολυμπιακός / Και πού δεν γυρίσαμε...

27. (Και) τι που P

Και τι που τα λες; / Και τι που ήρθε! / Και τι που μεγαλώσαμε.

28. X και τι στον κόσμο

Μαζί σου να 'μια και τι στον κόσμο! / Να το δω αυτό και τι στον κόσμο... / Να γιάνει και τι στον κόσμο!

29. X και των γονέων

Φόβος και των γονέων / Ξύλο και των γονέων / Φιγούρα και των γονέων

30. Κάθε X και Y

Κάθε βιβλίο και ένας κόσμος / Κάθε γάμος και καημός / Κάθε Έλληνας και ένας Τουρκολόγος.

31. X και άγιος ο Θεός

Βαριεστιμάρα κι άγιος ο Θεός / Τεμπελίκι κι άγιος ο Θεός / Υποχρηματοδότηση κι άγιος ο Θεός.

32. P₁ κ(α)ι αν P₁

Γελάσαμε κι αν γελάσαμε / Έχουνε κι αν έχουνε δει τα μάτια της! / Είχε κι αν είχε αγριέψει η ψυχή μας.

33. P₁ και δεν P₁ 'P₁ η η P₁'

Είχε και δεν είχε τότε 80 κατοίκους / Χωρούσε και δε χωρούσε τρία τραπέζια / Άκουγα και δεν άκουγα.

34. X και τα μάτια σου

Τη μάνα μας και τα μάτια σου / Το παιδί και τα μάτια σου / Τον Κώστα και τα μάτια σου

35. (P₁) και τι δεν P₁

Είπαμε, και τι δεν είπαμε / Και τι δεν έβρισκες εκεί / Και τι δεν έχουν δει αυτά τα τείχη!

36. X να δουν τα μάτια σου

Λεφτά να δουν τα μάτια σου / Σκηνές να δουν τα μάτια σου / Κλάμα να δουν τα μάτια σου!

37. Μη σώσεις και P

Μη σώσει και ξανάρθεις / Μη σώσει και μεγαλώσω! / Μη σώσει και φάμε κρέας!

38. Μόνο X δεν Y

Μόνο για σύγκρουση δεν είμαστε / Μόνο ενθουσιώδης δεν ήταν / Μόνο απαρατήρητος δεν πέρασε.

39. Μόνο που δεν P

Μόνο που δεν πήγε από συγκοπή / Μόνο που δε μου φίλησε τα χέρια / Μόνο που δε με βρίσανε.

40. X μπαίνει X βγαίνει

μήνας μπαίνει μήνας βγαίνει / βράδυ μπαίνει βράδυ βγαίνει / αιώνας μπαίνει αιώνας βγαίνει

41. (Να) X μια φορά

Να πατέρας μια φορά / Νύφη μια φορά / Λεβέντης μια φορά!

42. Να X να μάλαμα

Να άντρας να μάλαμα / Να αρχηγός, να μάλαμα / Να παιδί, να μάλαμα!

43. X να σου (πε)τύχει

Μάνα να σου πετύχει / Πατέρας να σου πετύχει / Φίλη να σου πετύχει!

44. Όσο αυτός / Αν είναι X, (άλλο τόσο) (εγώ) είμαι Y

Όσο αυτοί είναι πατριώτες άλλο τόσο εγώ είμαι εξωγήινη / Όσο είσαι εσύ δικηγόρος άλλο τόσο είμαι εγώ ο Καγκελάριος της Αυστρίας / Όσο εμείς είμαστε Ευρωπαίοι, άλλο τόσο εγώ είμαι αστροφυσικός.

45. Ό,τι P₁, P₁

Ό,τι έγινε, έγινε / Ό,τι διορίσαμε, διορίσαμε / Ό,τι έφτιαξε έφτιαξε.

46. Ούτε να P

Ούτε σκηνοθετημένο να ήταν / Ούτε παιδί να 'μουνα / Ούτε χούντα να είχαμε!

47. Πιο X δεν γίνεται

Πιο γρήγορα δεν γίνεται / Πιο κεντρικά δεν γίνεται / Πιο νύχτα δεν γίνεται.

48. Πιο X πεθαίνεις

Πιο βλάκας πεθαίνεις / Πιο βαρετό πεθαίνεις / Πιο κιτς πεθαίνεις.

49. Πολύ που P

Πολύ που με νοιάζει! / Πολύ που τα είχε εκτιμήσει όλα αυτά! / Πολύ που τους ενδιαφέρει!

50. Πού X για Y

Πού χρόνος για μαγείρεμα! / Πού χρήματα για περιττά έξοδα! / Πού διάθεση για υπεροψία!

51. Πού να P

Πού να ξέρω γω / Πού να κλείσω μάτι / Πού ν' ακούσουν αυτοί.

52. Πού να δεις X

Πού να δεις τι δουλειά είχαμε / Πού να δεις τι έγινε στη Μόσχα! / Και πού να δεις αναταράξεις όταν πετάει!

53. Πώς δεν P

Πώς δεν μπορεί! / Πώς δεν πάει! / Πώς δεν πόνεσα;

54. Πώς (ήταν) και P

Πώς ήταν και μας θυμήθηκες; / Πώς ήταν και ζωντάνεψε / Πώς και δεν ήρθε ακόμα;

55. Σαν X δεν έχει

Σαν τη Χαλκιδική δεν έχει / Σαν τη μανούλα δεν έχει / Σαν το σπίτι δεν έχει!

56. Σιγά X

Σιγά τη δουλειά / Σιγά την απόσταση / Σιγά το τραγούδι, για τα σκουπίδια είναι!

57. Σιγά (να) μην (και) P

Σιγά τώρα μη βάλω μάσκα / Σιγά μη γίνω σαν εσένα / Σιγά μην περιμέναμε εκεί!

58. Σιγά που P

Σιγά που θα χάσω τέτοια ευκαιρία / Σιγά που είχε ξεχάσει / Σιγά που την πιστέψαμε!

59. Τι κι αν P

Τι και αν είσαι σταρ του Hollywood / Τι και αν είσαστε 10 χρόνια μαζί; / Τι κι αν ο πλανήτης καίγεται.

60. Τι X και αυτός / εκείνος

Τι τύπος κι αυτός! / Τι Αύγουστος κι αυτός! / Τι παιδί κι αυτό!

61. Τι πάει και P

Τι πας και κάνεις; / Τι πάει και βρίσκει η φαντασία τους; / Τι πάνε και σκέφτονται;

62. Τι κάθεται και P

Τι κάθεται και μου λες; / Τι κάθεται και θυμάσαι περασμένα πράγματα; / Τι καθόσαστε και περιπλέκετε τα πιο απλά πράγματα; /

63. Τι σου είναι X

Τι σου είναι η τύχη καμιά φορά / Τι σου είναι οι γυναίκες / Τι σου είναι ο άνθρωπος.

64. Τι X / P₁ τι Y / P₂

Τι καθημερινή – τι αργία / Τι μια μέρα πριν, τι μια μέρα μετά / Τι να ζεις, τι να μη ζεις.

65. X το λες / λέτε (αυτό);

Εξυπνάδα το λες εσύ αυτό; / Ψυχαγωγία το λέτε αυτό; / Στα καλά καθούμενα το λες αυτό; /

66. X τον ανεβάζει, X τον κατεβάζει

Γαϊδούρι τον ανεβάζει, γαϊδούρι τον κατεβάζει / «Βλάκα» με ανέβαξε και «βλάκα» με κατέβαξε /

Εγκληματίες μας ανεβάζουν, εγκληματίες μας κατεβάζουν.

67. Τύφλα να 'χει X

Τύφλα να 'χει ο Ντέιβιντ Κόπερφιλντ / Τύφλα να 'χει ο Μπετόβεν / Τύφλα να έχει το μποζολέ!

68. Σώπα / Σωπάτε και P

Σώπα και μας νοιάζονται τώρα / Σώπα και μας έπεσε το λαχείο! / Σώπα και αρχίζει να φωτίζει ο ουρανός.

69. Χαρά σε X

Χαρά στη συμφορά! / Χαρά στη ζημιά! / Χαρά στο σπίτι!

70. Ωρα είναι να P

Ωρα είναι να 'χουμε κανένα απρόοπτο! / Ωρα είναι να μας πείτε ότι το κάνει και αφιλοκερδώς / Ωρα είναι να μπλεχτώ σε καμιά φασαρία.